

XXII

75
11

Ouid 3

23

1843

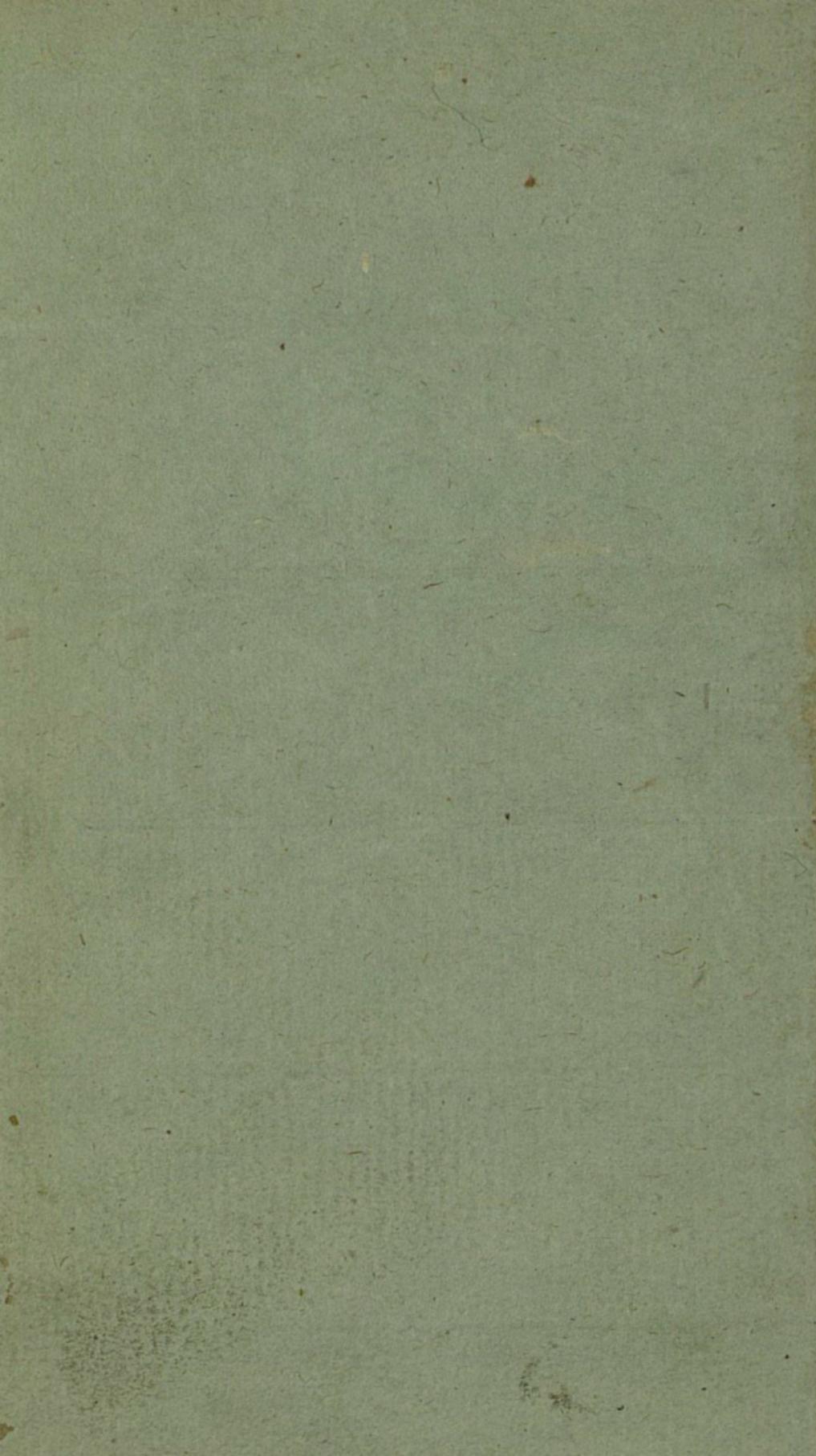
XXIV

75
11

prin 6yayt bhecehri nju nhepereAehri ha

~~Mano~~

~~Hart~~

БИБЛИОТЕКА

для

— ВООШИТАНІЯ.

ОТДѢЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Часть III.

Издание А. Семена.

МОСКВА,
В В ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.

1843.

09.11.1955
09.11.1955

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, Ноября 1-го дня 1843 года.

Цензоръ Н. Крыловъ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

для дѣтей.

ПОСТРОЕНИЕ ТРОИ.

СКАЗКА О ЩЕЛКУШЬ.

Въ Сочельникъ, передъ Рождествомъ, бти Доктора Медиціны, Коллежскаго Совѣтника Штальбаума, цѣлой день не смѣли входить въ середнюю горницу, которая была подлъ парадной гостиной. Единька и Маша сидѣли, прижавшись другъ къ другу, въ углу своей дѣтской. Давно уже смерклось, и имъ было немножко страшно сидѣть безъ свѣчекъ, какъ обыкновенно въ тотъ день случалось. Единька шепталъ на ухо меньшой естрѣ своей, (а ей недавно минуло семьѣть) какъ онъ съ самаго ранняго утраышалъ, что въ запертой горницѣ востится, шумятъ и что-то колотятъ. Не-

давно прокрался туда маленькой человѣчкѣ въ черномъ платьѣ, съ большими ящикомъ, и не смотря на черное платье, онъ узналъ дядю Дросельмейера. Тогда Маша радостно всплеснула ручонками и сказала: «Ахъ! Дядя Дросельмейеръ вѣрно выдумалъ для насть что-нибудь прекрасное!» — Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ былъ не очень красивъ собою; немножко черезъ чуръ худъ и черезъ чуръ не великъ ростомъ; на лицѣ множество морщинъ; на мѣсто праваго глаза большой черный пластырь, а на головѣ ни одного волосика. За то онъ носилъ прекрасный бѣлый парикъ, изъ тонкихъ стеклянныхъ ниточекъ, очень искусно сработанный. Да и самъ дядя Дросельмейеръ былъ большой искусствникъ, зналъ Механику и могъ даже дѣлать часы; когда случалось, что некоторые нибудь изъ прекрасныхъ стѣнныхъ часовъ, въ домѣ Доктора Штальбаума, занемогали, и переставали пѣть, то дядя Дросельмейеръ

тотчасъ являлся, снималъ стеклянныи парикъ свой, скидавалъ желтоватый сертукъ, подвязывалъ синій фартукъ и острымъ инструментомъ кололъ внутренность часовъ, такъ что Машъ всегда было ихъ жалко; а часы опять жить начинали, начинали весело стучать, и звѣнѣть, и пѣть; и въ домъ всѣ радовались.—Онъ всегда приносилъ въ карманъ что-нибудь прекрасное для дѣтей: иногда мальчика, который ворочалъ глазами и шаркалъ ногою, что очень было смѣшно; иногда табакерку, изъ которой вылетала птичка, и многое подобное. Къ Рождеству же онъ всегда приготавлялъ имъ какой нибудь отличный подарокъ, надъ которымъ самъ долго трудился; за то дѣтямъ его и не давали, а Маминька запирала къ себѣ подъ ключъ.—Чтѣ-то приготовилъ намъ дядя Дросельмейеръ? повторяла Маша. Фединька думалъ, что на этотъ разъ онъ вѣрно сдѣлалъ имъ крѣпость; въ крѣпости множество солдатъ

разныхъ полковъ, маршируютъ, и выходятъ на ученье; а потомъ приходить къ крѣпости другіе солдаты и хотятъ войти въ нее, а изъ крѣпости солдаты непускаютъ, и храбро стрѣляютъ въ нихъ изъ пушекъ, и все вокругъ гремитъ и дрожитъ отъ грома. — Нѣтъ, нѣтъ! перервала Маша! Дядя Дросельмейеръ разсказывалъ мнѣ однажды, что есть прекрасный садъ, въ саду большое море, а по морю плаваютъ прекрасные бѣлые лебеди, съ золотыми ошейниками, и поютъ прекрасныя пѣсни; въ саду гуляетъ маленькая дѣвочка, подходитъ къ морю, лебеди къ ней приплывають и она кормитъ ихъ сахарными бисквитами. — Лебеди не єдятъ бисквитовъ, отвѣчалъ съ досадою Фединька; да и какъ же можетъ дядя Дросельмейеръ сдѣлать цѣлый садъ? По настоящему о дядиныхъ игрушкахъ и думать нечего: онѣ у насъ не остаются; тѣ, которыя дарятъ намъ Папинька и Маминька гораздо лучше:

изъ нихъ мы можемъ дѣлать все, что хотимъ.—Тутъ дѣти опять начали отгадывать, какие будутъ имъ подарки на нынѣшній годъ. Маша говорила, что (большая ея кукла) очень въ нравѣ перемѣнилась; стала такая неуклюжая, безпрестанно падаетъ на полъ, и встаетъ всякий разъ съ исцарапаннымъ лицемъ, а платье ея всегда такъ запачкано, что ужъ и брань никакая не помогаетъ. Еще же Маминька засмѣялась, когда она хвалила ей зеленій Лилинъкинъ зонтикъ. Оединька въ свою очередь увѣрялъ, что въ конюшнѣ его необходима рыжая лошадь, а въ войскахъ большой недостатокъ въ кавалеріи, и что Папинъкъ это очень известно.—Дѣти знали, что родители покупаютъ имъ очень хороши подарки, но знали и то, что Рожественскіе доставятъ радость больше всякихъ другихъ. Старшая сестра, Луиза, напомнила дѣтямъ, что и теперь наступаетъ Рождество, и что родители приготовятъ дѣтямъ тѣ подарки.

ки, которыхъ имъ больше всего хочется, и потому должно не только желать и надѣяться, но скромно и молчаливо ожидать своей участіи. Маша послушно притихла, а Федя прошепталъ въ полголоса: мнѣ бы очень хотѣлось и гусаровъ и рыжую лошадь!

Между тѣмъ совсѣмъ стало темно. Единька и Маша прижались другъ къ другу и не говорили ни слова: имъ казалось, будто надъ ними вѣютъ тихія крылья, будто гдѣ-то играетъ дальняя музыка. Вдругъ яркая полоска свѣта явилась на стѣнѣ; въ то же мгновеніе раздался звонкій, серебристый звукъ: клингъ! клингъ! — двери растворились, и яркій блескъ разлился изъ освѣщенной парадной гостиной. Ахъ! ахъ! — вскрикнули дѣти, вскочили, но отъ радости не могли тронуться съ мѣста. Отецъ и мать подошли къ нимъ, взяли за руки, и сказали: «Пойдемте же, дѣти! пойдемте! посмотрите ваши подарки.»

МОДАРКИ.

Теперь обращаюсь къ тебѣ, благосклонный читатель или слушатель Федињка,— Николињка, Андрюша, Серёжа, или какъ иначе тебя зовутъ,— и прошу припомнить послѣдніе подарки, которые ты получилъ наканунъ Рождества, и потомъ вообразить радость, которую ощущали въ эту минуту дѣти. Они стояли молча, вытараща блестящіе восторгомъ глазки, и прошло нѣсколько минутъ, прежде нежели Маша съ глубокимъ вздохомъ сказала: «Ахъ! какъ это хорошо!»— и прежде чѣмъ Федињка пять разъ вспрыгнуль очень wysoko, что ему вообще всегда удавалось. Видно, что въ этотъ годъ дѣти были очень прилежны и очень послушны; никогда еще не бывало у нихъ такихъ красивыхъ, блестящихъ игрушекъ. По серединѣ стола, на большой ёлкѣ висѣло множество золотыхъ яблокъ; пестрыя конфеты и сахарныя печенья раз-

цвѣтали на ней, какъ цвѣточныя распу-
кольки, и всякия сласти различнаго рода
по всѣмъ вѣткамъ качались. Всего же
красивѣе сіяли на чудномъ деревѣ ма-
ленькия свѣчи: ихъ тысячи, какъ звѣзды
горѣли въ темныхъ его вѣтвяхъ и лас-
ково манили дѣтей играть его цвѣтами
и плодами. Около дерева также все пест-
рѣло и свѣтилось; — ахъ! какія прекра-
сныя тутъ были вещи! — пѣть! этого
описать не возможно. — Маша увидѣла
съ одной стороны безподобныхъ куколь,
подлѣ нихъ всякаго рода маленькая по-
суда, а надъ ними шелковое платьице, съ
розовыми бантиками; оно такъ было по-
вѣшено, что Маша могла со всѣхъ сто-
ронъ его осматривать. Фединька между
тѣмъ три или четыре раза объѣхалъ
около стола на щегольской рыжей ло-
шади, которая стояла совсѣмъ осѣдлан-
ная съ другой стороны подлѣ дерева.
«Лихая лошадка!» сказалъ онъ, сходя съ
нея; мы её однakoжъ объѣздимъ! — По-

тому подошелъ къ новому полку гусарь, одѣтыхъ въ богатые красные съ золотомъ мундиры, съ серебряными саблями, и на такихъ бѣлыхъ лошадяхъ, что и они казались серебряными. — Немного успокоившись отъ первого восторга, дѣти хотѣли уже брать въ руки раскрытыя съ картинками книжки, — а на этихъ картинкахъ видны были и цвѣты, и рыцари, и красавицы, и дѣти съ разными игрушками; дѣти собирались уже разматривать чудныя эти изображенія, какъ вдругъ опять зазвонили; они догадались, что теперь явятся подарки дяди Дросельмейера, и побѣжали къ тому столу, которой стоялъ у стѣнки. Ширмы, которыми онъ былъ загороженъ, исчезли — и что-же увидѣли дѣти? На зеленомъ дернѣ, посреди пестрыхъ цвѣтовъ, стоялъ пышный замокъ, съ золотыми башнями и съ зеркальными окошками. Въ замкѣ заиграли колокольчики, двери и окошки растворились, и по большинмъ заламъ замка

стали расхаживать крошечные человѣчки: мужчины въ нарядныхъ платьяхъ, и дамы въ перьяхъ и съ длинными хвостами. Въ середней залѣ, которая такъ огнемъ и горѣла отъ множества свѣчекъ, зажженныхъ въ ея люстрахъ, танцевали маленькия дѣти въ красненькихъ курточкахъ и красненькихъ платьицахъ. Одинъ баринъ, въ изумрудной япанчѣ, выгля-дывалъ изъ окошка и опять прятался, а другой высовывался изъ-за двери замка и опять уходилъ въ дверь. Этотъ другой былъ очень похожъ на дядю Дросельмейера, а ростомъ съ Папинькинъ мизинчикъ. Фединька, облокотясь на столъ, смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ на прекрасный замокъ, на танцующихъ и гуляющихъ въ немъ фігурокъ, потомъ сказалъ: «Дядя Дросельмейеръ! позволь и мнѣ пойдти въ этотъ замокъ!» — Стат-скій Совѣтникъ Дросельмейеръ отвѣчалъ, что этого сдѣлать совсѣмъ не льзя; да и не глупо ли, что Фединька просился туда,

когда замокъ, со всѣми его золотыми башнями, былъ почти одного съ нимъ роста? Фединька и самъ это видѣлъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, пока дамы и мужчины продолжали прогуливаться, дѣти танцевать, господинъ въ изумрудной япанчѣ выглядыватъ изъ окошка, а дядя Дросельмейеръ высовываться изъ-за двери, Фединька закричалъ съ великимъ нетерпѣніемъ: «Эй, дядя Дросельмейеръ! выдѣй совсѣмъ изъ-за двери, и поди сюда!» — Этого не лѣзя, Фединька! » — отвѣчалъ Статскій Совѣтникъ. — « Велите же по крайней мѣрѣ, сказалъ Фединька, изумрудному господину перестать глядѣть въ окошко: пусть онъ пойдетъ, погуляеть съ другими. » — И этого не лѣзя, отвѣчалъ Статскій Совѣтникъ. — По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ поближе посмотретьъ дѣтей: пускай они сюда въ садъ придутъ! » — Да и этого не лѣзя! съ досадою сказалъ ему Статскій Совѣтникъ; какъ тутъ однажды устроено, такъ бу-

деть всегда оставаться. — «Та-акъ-то, протяжно сказалъ Фединька, ничего нель-зя? — Слушай, дядя Дросельмейеръ! если твои маленькия, парядныя фигурки долж-ны вѣчно вертѣться бѣ замкѣ все на однихъ мѣстахъ, то вѣдь это не весело! — Мои гусары лучше! Тѣхъ я буду учить маневрамъ, впередъ! назадъ! куда хочу! и не буду запирать ихъ въ золотой домъ.» — Съ этимъ словомъ побѣжалъ онъ опять къ середнему столу, и заставилъ серебряныхъ лошадей скакать, солдатъ драться и стрѣлять сколько душъ его было угодно. И Маша тихонько отошла отъ замка, и ей надоѣло однообразное вертѣніе куколокъ, только она была учтивѣе и скромнѣе Фединьки. — Тогда Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ съ досадой сказалъ родителямъ: «Ваши дѣти слишкомъ безтолковы; не могутъ понять какая это искусная штука. Я лучше свой замокъ уложу опять въ ящикъ.» — Мать подошла къ замку и просила показать

ей внутреннее его устройство и искусную игру пружинъ, которыми куклы двигались въ замкѣ. Статскій Совѣтникъ началъ все разбирать и опять вмѣстѣ составлять. При этомъ сдѣлался онъ опять очень весель и подарилъ дѣтямъ нѣсколько человѣчковъ съ золочеными руками и головами: сами они были изъ сусла и такъ сладко пахли пряниками, что Машъ и Фединъкъ очень весело было ихъ пюхать. Луиза по Маминькиному желанію надѣла прекрасное платье, которое было ей приготовлено, и была въ немъ очень хороша и очень авантажна. Маша просила, чтобы ей позволили не надѣвать теперь своего платьица съ розовыми бантами, а такъ на него любоваться; Маминька ей это позволила.

ДѢВѢЧІЙ МЕСѢЦЪ.

Маша потому не могла рѣшиться отойти отъ дерева, что увидѣла подлѣ него

еще новую игрушку. Оединкны гусары, разстановленные въ парадѣ около дерева, заслоняли собою премилаго маленькаго человѣчка, который стоялъ за ними чинно и скромно, и спокойно ждалъ, чтобы до него дошла очередь. Станъ его не лъзя сказать чтобы отличался стройностью: большое пузо немножко свисло на короткія, тоненькия ножки, а голова огромностью своей заставляла забывать о пузѣ. Щегольская одежда показывала, что онъ былъ человѣкъ со вкусомъ и воспитаньемъ хорошемъ обществѣ. На немъ было фиолетового цвету Венгерское полукафтанье, съ бѣлыми пуговками и бѣлыми снурками, такие же фиолетовые панталоны, и свѣтлые, лакированные сапоги, какихъ не только студенту, но и не всякому офицеру надѣвать удавалось. Они такъ гладко обхватывали стройныя тоненькия ноги, что казалось, будто написаны на нихъ краской.— Смѣшно было однакожъ, что къ такому изысканному наряду надѣлъ

онъ на плеча узкій, обшипанный плащъ, который торчалъ совсѣмъ какъ деревянный, а на голову простую съ ушками шапку. Маша думала, глядя на него, что случается и дядѣ Дросельмейеру надѣвать очень изорванную япанчу и прегадкую шапку, да что это не мѣшало дядѣ быть очень милымъ. Еще Маша замѣтила, что еслибъ дядя Дросельмейеръ одѣлся такъ щеголевато, какъ этотъ малютка, то все не сравнился бы съ нимъ красотою. Маша съ первого взгляда очень полюбила маленькаго человѣчка, и чѣмъ больше на него глядѣла, тѣмъ больше нравилось ей доброе его лицо. Въ свѣтлозеленыхъ, выпуклыхъ глазахъ его свѣтилось ласковое доброжелательство; кроткая, веселая улыбка пунцоваго ротика была еще замѣтнѣе отъ бѣлой, изъ хлопчатой бумаги сдѣланной бороды, которая очень къ нему пристала. «Папинька!» вскричала наконецъ Маша, «скажите, пожалуйста, кому принадлежитъ этотъ

миленькой человѣчкѣ, который тамъ стоитъ у дерева?» — Вамъ всѣмъ, дѣти, отвѣчалъ отецъ; онъ на всѣхъ васъ будеть работать; будеть всѣмъ вамъ грызть крѣпкіе орѣхи, и Луиза столько же имъ будетъ пользоваться, сколько ты и Єдинька. Сказавши это, отецъ взялъ его осторожно со стула, погнулъ вверхъ деревянный плащъ, и маленькой человѣкѣ разинулъ огромный большой ротъ, и показалъ два ряда бѣлыхъ, красивыхъ зубовъ. Маша, по приказанію Папиньки, положила туда крѣпкій грѣцкій орѣхъ: щелкъ! — орѣхъ разгрызенъ, скорлупа упала на полъ, а зерно къ Машѣ въ руку. Тутъ узнала Маша, и всѣ прочіе съ нею, что нарядный человѣчкѣ происходитъ изъ рода орѣховыхъ Щелкуновъ, и продолжаетъ заниматься ремесломъ своихъ предковъ; она громко вскрикнула отъ радости, и отецъ сказалъ ей: «Если тебѣ, Машинька, такъ нравится другъ нашъ Щелкунъ, то возьми его совсѣмъ подъ

свое покровительство; береги, и прячь
къ себѣ, когда братъ и сестра имъ на-
играются." — Маша тотчасъ взяла его на
руки и дала ему щелкать орѣхи, выби-
рая однако же самые маленькие, чтобы
не заставлять Щелкунчика разъевать та-
кой огромный ротъ. — И точно, это къ нему
совсѣмъ не пристало. И Луиза по-
дошла къ сестрѣ, и она заставила Щелку-
на грысть орѣхи; онъ дѣлалъ свое дѣло
очень охотно, и пунцовыи его ротикъ не
переставалъ улыбаться. Между тѣмъ и
Федињка утомился маневрами и верхо-
вой Ѣздой, услышалъ какъ весело сест-
ры щелкаютъ орѣхи, прибѣжалъ къ нимъ
и во все горло хохоталъ надъ смѣшнымъ
Щелкуномъ, который и началъ переход-
ить изъ рукъ въ руки, потому что
Федѣ въ свою очередь орѣховъ захотѣ-
лось. — Федињка не переставалъ пи-
хать ему въ ротъ самые большие и са-
мые крѣпкіе орѣхи, вдругъ — кракъ!
кракъ! — три зуба выскочили разомъ

у Щелкуна изо рту, и вся нижняя челюсть ослабла и стала безъ зубовъ шататься.—«Ахъ мой милый, бѣдный Щелкунъ!» громко закричала Маша и взяла его у Феди изъ рукъ. —«Онъ глупый, безтолковый Щелкунъ, сказалъ Федя; хочетъ орѣхи грызть, а зубы плохіе, и кусаться нечѣмъ; — да и ремеслу-то своему видно не умѣлъ выучиться. Подай его сюда, Маша! пусть щелкаетъ мнѣ орѣхи, пока и остальные зубы вывалится, и борода пусть совсѣмъ отвалится, онъ ни на что не годенъ.» — Нѣтъ, нѣтъ! со слезами отвѣчала Маша, не дамъ я тебѣ моего доброго Щелкуна! посмотри, какъ жалко онъ на меня смотритъ, показываетъ свой болѣй, беззубый ротикъ! — Ты жестокой человѣкъ, Фединька! ты бѣешь лошадей своихъ, и пожалуй не задумашься застрѣлить до смерти кого-нибудь изъ солдатъ своихъ. — «Ты этого дѣла не разумѣешь, я исполняю то, что велитъ долгъ службы»;

а Щелкуна подай сюда , онъ и мнѣ столько же принадлежитъ, сколько тебѣ.» — Маша горько заплакала и спѣшила завернуть раненаго Щелкуна въ носовой свой платокъ. Отецъ, мать и дядя Дросельмейеръ подошли къ нимъ. — Дросельмейеръ сталъ оправдывать Фединьку, но отецъ сказалъ : « Я самъ отдалъ, Щелкуна подъ особенное покровительство Машѣ ; по случаю болѣзни своей онъ имѣеть въ немъ необходимую нужду, слѣдовательно Маша вольна располагать имъ, какъ ей угодно. А отъ тебя , Федя, мудрено мнѣ, что ты требуешь службы отъ человѣка, вовсе неспособнаго служить. Ты знаешь и по военному уставу, что раненыхъ въ строй не ставить. » — Фединькѣ стало стыдно ; не заботясь больше о Щелкунѣ , пошелъ онъ тихимъ шагомъ къ другому концу стола, гдѣ отведена была ночная квартира его гусарамъ , и гдѣ стояли передовые ихъ посты. — Маша отыскала выломанные

зубы, сняла съ себя бѣлую ленточку, подвязала ею бороду маленькому Щелкуну, который поблѣднелъ отъ боли и испугу, и еще тщательнѣе завернула его въ платочекъ. — Такъ держала она его на руکѣ, и начала тихонько, пока разматривала картины въ прекрасной книжкѣ, доставшейся ей вмѣстѣ съ другими подарками; она даже разсердилась (а обыкновенно Маша никогда не сердилась), когда дядя Дросельмейеръ на нее засмѣялся и спросилъ: какъ можетъ она такъ лелѣять сквернаго, безобразнаго мужичка? — Въ эту минуту пришло ей въ голову то сходство съ Дросельмейеромъ, которое поразило ее при первомъ взглядѣ на маленькаго ея любимца, и она отвѣчала очень важнымъ тономъ: «Кто знаетъ, Дядя! если бы ты также нарядился, какъ мой милой Щелкунчикъ, если бъ и ты надѣлъ такие же прекрасные сапожки, кто знаетъ, можетъ и ты сталъ бы такой же хоро-

шенькій, какъ онъ». — Маша совсѣмъ не поняла, чѣму такъ громко захочотали ея родители, почему у Статскаго Совѣтника Дросельмейера покраснѣлъ носъ, и почему онъ одинъ пересталъ смѣяться. Видно у нихъ были на все это особенные причины.

ЧУДЕСА.

Въ домѣ Коллежскаго Совѣтника Штальбаума въ комнатѣ, которая была пѣредъ спальней, на лѣво отъ двери, стоялъ во всю стѣну высокій, стеклянныи шкафъ, куда дѣти ежегодно прятали свои сокровища. Луиза была еще маленькая, когда отецъ заказалъ этотъ шкафъ очень искусному столяру; въ немъ полки были бѣлые, налакированныя, и всѣ игрушки за стеклянными его дверцами казались лучше даже, нежели въ рукахъ. На самой верхней полкѣ, до которой ни Маша, ни Фединька достать не могли,

устанавливались искусные игрушки дяди Дросельмейера. Полка подъ нею была назначена для картинъ и книгъ, а на двѣ нижнія полки Оединька и Маша могли ставить все, что имъ было угодно; случалось всегда такъ, что Маша поселяла своихъ куколъ въ самомъ нижнемъ этажѣ, а Оединька надъ ними располагалъ зимнія квартиры своимъ войскамъ. Такъ и теперь: пока Оединька устанавливалъ своихъ гусаровъ на вышней полкѣ, Маша на самой нижней положила Лизхенъ къ сторонкѣ; новую, парную куклу свою посадила въ прекрасно меблированную комнату, и разложивши всѣ лакомства, пригласила себя къ ней на балъ. Я сказалъ, что комната была очень хорошо меблирована, и сказалъ правду; не знаю, есть ли у тебя, моя милая слушательница Маша, также какъ у маленькой Маши, Штальбаумъ, прекрасный маленький диванъ, четыре маленькия кресла, шесть стульевъ, всѣ голубою бомбою

обитые, круглый, чайный столикъ и красивая съ запавѣсомъ кровать, на которой могутъ отдыхать красавицы? — Все это стояло у Маши въ углу шкафа, стѣны въ этомъ мѣстѣ увѣшаны были разными картинками, и вы представить себѣ можете, что эта комната очень понравилась новой куклѣ, которую, какъ въ тотъ же вечеръ узнала Маша, зовутъ Мамзель Адель.

Было поздно. Дядя Дросельмейеръ давно ушелъ домой, а дѣти все еще не могли отойти отъ стекляннаго шкафа, хотя Маминька нѣсколько разъ уже посыпала ихъ спать. Это правда, сказаль наконецъ Федињка, бѣдному народу нуженъ покой (онъ думалъ о своихъ гусарахъ); а покуда я на нихъ глядѣть буду, ни одинъ и вздремнуть не посмѣеть. Съ этимъ словомъ онъ отправился спать. Маша просила у Маминьки позволенія еще немножко остаться; ей многое нужно было убрать, а послѣ обѣщала тотчасъ

уйдти въ постелю. Маша была тихая и разумная девочка, Маминька могла оставить ее одну съ игрушками; но для того, чтобы Маша занягравшись не забыла погасить стоящихъ около шкафа свѣчекъ, Маминька сама всѣ ихъ потушила; осталась одна лампа, которая висѣла посереди комнаты, и разливала по ней тихій и слабый свѣтъ. «Приходи же скорѣе, Маша,» сказала Маминька, затворяя за собою двери, «а то завтра вставать будеть трудно.»

Какъ скоро Маша осталась одна, то спѣшила заняться тѣмъ, что у нея было на сердцѣ, и чего даже при Маминькѣ дѣлать ей не хотѣлось. Тихонько положила она больнаго Щелкунчика на столъ, распеленала платокъ, и осмотрѣла его рану. Щелкунъ быль очень блѣденъ, однако, такъ ласково и жалко улыбался, что у Маминьки совсѣмъ сжалось сердце. «Ахъ, милый Щелкунчикъ,» сказала она ему тихо, не «сердись на брата Фединьку, что

опъ тебя такъ болыно раниль; онъ право добрый мальчикъ, и только отъ солдатской жизни своей сталъ немнога жестокосердъ. Я буду за тобой ходить, пока ты совсѣмъ выздоровѣешь, а дядя Дросельмайеръ вставитъ тебѣ зубы и справитъ горбатое плечо.» — Больше говорить Маша не могла, потому что при имени Дросельмайера Щелкунъ скрипъ ротъ и страшно заблестѣлъ глазами. Маша не успѣла еще порядочно испугаться, а добрый Щелкунъ опять ужъ смотрѣлъ на нее ласково, и Маша догадалась, что сквозныій вѣтеръ подулъ на лампу и пробѣжавшая тѣнь скривила такъ лицо Щелкуна. — «Не глупая ли я дѣвочка? Чего я испугалась? Ну, могутъ ли деревянныя куклы дѣлать гримасы? — Я буду лелѣять своего Щелкунчика, и ходить за нимъ, и лечить его.» — Съ этимъ словомъ Маша опять взяла на руки Щелкуна, подошла къ стеклянному шкафу, сѣла подлѣ не-

го на полъ, и такъ говорила новой своей куклѣ: «Прошу васъ, Мамзель Адель, уступите вашу постелю раненому больному человѣку; перейдите сами на диванъ; вѣдь вы совсѣмъ здоровы; это видно по вашимъ толстымъ, краснымъ щекамъ. Есть много превосходныхъ куколъ на свѣтѣ, которымъ негдѣ взять и такого мягкаго дивана.»

Мамзель Адель гордо лежала въ полномъ блескѣ своего праздничнаго наряда и не отвѣчала ни пол слова. Напрасно я такъ церемонюсь, сказала Маша; вынула кроватку, уложила на неѣ милаго своего Щелкунчика, покрыла его параднымъ своимъ поясомъ, и тихонько укутала почти до самаго носа. «Не надобно тебѣ оставаться на одной полкѣ съ чванной Аделью!» сказала она потомъ, и поставила кроватку съ больнымъ Щелкуномъ на верхнюю полку, подлѣ прекрасной деревни, гдѣ квартировали Оединькины солдаты. Тутъ Маша заперла шкафъ и

хотѣла идти въ спальню; вдругъ, — слушайте, дѣти! — что-то — тихонько, — тихонько зашевелилось, зашептало и заворочалось всюду кругомъ: за печкой, за стульями, за шкафомъ; — стѣнныя часы зашипѣли громко, однако не били; большая, вызолоченная сова, которая на нихъ сидѣла, опустила длинныя свои крылья такъ низко, что закрыла почти маятникъ, и далеко вытянула свою гадкую кошачью голову съ кривымъ носомъ. Громче зашипѣли часы, и Маша могла ясно разобрать слѣдующія слова: часы, часы, часъ, часъ! тише! чтобы не слышно васъ! — Царь мышиный вѣдь не глухъ; пойте пѣсеньки не вслухъ. Пумъ, бурумъ, и пумъ, пумъ! пумъ! Колоколчикъ зазвѣнить, и судьбу его рѣшить? — И пумъ, пумъ, тихо и сипло пробили часы двѣнадцать. Машѣ было очень страшно; она хотѣла уйтти, и вдругъ увидѣла, что вмѣсто совы сидѣть на часахъ дядя Дросельмейеръ, и желтый кафтанъ его, вмѣсто

совиныхъ крыльевъ, висить по обѣимъ сторонамъ маятника. Она сквозь слезы закричала ему: «Дядя Дросельмейеръ! Дядя Дросельмейеръ! за чѣмъ ты взлѣзъ на часы? сойди сюда ко мнѣ и перестань пугать меня?» — Тутъ пуще поднялся шорохъ, и свистъ, и шумъ по всей горницѣ кругомъ, и тихій топотъ за стѣнами, какъ будто ходятъ тысячи маленькихъ ножекъ, а на полу изо всѣхъ щелей свѣтятся тысячи маленькихъ свѣчекъ. — Однако это были не свѣчки? нѣтъ! это выглядывали чёрные блестящіе глазки, и Маша увидѣла, что отсюду лѣзли и высовывались мыши; скоро по всей горницѣ: тротъ? тротъ! тротъ, гопъ, гопъ, скакали въ галопъ и бѣгали рысью толпы мышей, потомъ собрались въ кучу и установились въ строй, какъ солдаты Фединькины, когда онъ ихъ готовить въ сраженіе. — Машѣ это показалось очень смѣшно; и какъ она, подобно многимъ другимъ дѣтямъ, мышей не

боялась, то первый испугъ ея навѣрно прошелъ бы, еслибъ за ней кто-то не засвисталъ такъ рѣзко и такъ звонко, что у нея морозъ пошелъ по кожѣ. — Чѣмъ наконецъ увидѣла она? — Нѣтъ, почтенный мой читатель Фединька, хотя я знаю, что ты также не трусливъ и также отваженъ, какъ мудрый и храбрый полководецъ Фединька Штальбаумъ, однако же увѣренъ, что ты убѣжалъ бы въ постелю, и закупалъ бы носъ въ одѣяло, еслибъ увидѣлъ то, что увидѣла Маша. Бѣдная Маша убѣжать не могла, потому что — слушайте же, дѣти! — Прямо подъ ея ногами, какъ будто какой-то подземной силой движимыя, посыпались извѣстка, песокъ и кирпичъ, и семь мышиныхъ головъ, съ ужаснымъ визгомъ и пискомъ выкарабкались изъ скважинки пола. Потомъ мышиное тулowiще, на которомъ прикреплены были эти семь головъ, стало вылѣзать по немногу изъ половой щели. Все мыши-

ное войско, общимъ, троекратнымъ воскликаніемъ привѣтствовало большую мышь, потомъ все подвиглось; — тихо, тихимъ шагомъ: троть, троть, троть! — и ахъ! прямо къ шкафу, прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояла Маша, прижавшиесь къ стеклянной его дверцѣ. Отъ страха и волненія, сердце у Маши такъ крѣпко билось, что она боялась, чтобъ оно не выпрыгнуло совсѣмъ изъ груди вонъ, и тогда ужъ непремѣнно пришлось бы ей умереть; однако, вдругъ сердце биться остановилось. и кровь какъ будто совсѣмъ перестала по жиламъ течь, Почти безъ чувствъ прислонилась она назадъ, и прр — клирръ! клирръ! — звонко покачились стеклы шкафа изъ-подъ ея локотка. Она почувствовала сильную боль въ лѣвой руцѣ, на сердцѣ однако же стало ей легче, въ ушахъ звонъ и свистъ перестали раздаваться, все утихло, и хотя она взглянуть была еще не въ силахъ, но подумала, что мыши ис-

пугались звуку разбитыхъ стеколъ и убѣжали въ свои норы. — Но что же вышло? Въ шкафу, за Машей, страннымъ образомъ все зашевелилось, и тоненькие голоса говорили: «Пора въ бой! — сонь долой! — станемъ въ строй! — бодро въ бой!» — И при этихъ словахъ раздавался тихій, пріятный набатъ колокольчиковъ. — Ахъ, радостно вскрикнула Маша, это играетъ моя гармоника, и повернулась къ шкафу смотрѣть, что тамъ происходитъ. — А тамъ въ шкафу возня, суета, хлопоты. Всѣ куклы бѣгали взадъ и впередъ, вооружались и храбро махали маленькими руками своими не щадя другъ друга. Вдругъ Щелкунъ поднялся съ постели, сбросилъ съ себя одѣяло и громко воскликнулъ: «Щолкъ! щолкъ! — Глупый толкъ! — Мышиный полкъ! — Всѣмъ щелчка? Трата-та!» Тутъ выдернуль онъ изъ ноженъ маленькую свою саблю и махая ею по воздуху, произнесъ громогласно: «Любезные моп-

друзья и братья, хотите ли помочь мнъ въ опасности смертельной?» — Тотчасъ четыре Трубочиста, одинъ Паяцъ, два Скомороха, два Скрыпача, три Сбитьщика и одинъ Барабанщикъ, въ одинъ голосъ воскликнули; «Ради съ тобой! на смерть и бой!» — и бросились къ восторженному Щелкуну, который въ пылу отваги собрался было вмѣстѣ съ ними спрыгнуть съ верхней полки прямо на полъ! — Да! — имъ хорошо прыгать! на нихъ шелковыя и суконныя платья, да и внутри то ничего пѣтъ, кромѣ хлопчатой бумаги и отрубей, они всѣ и бухнули преблагополучно на полъ, какъ шерстянные клубки. А бѣдный Щелкунъ, онъ конечно сломалъ бы себѣ и руки и ноги! Посудите сами! Полка, на которой онъ стоялъ, была отъ пола слишкомъ на два аршина, а все его тѣло такое вытянутое, неподвижное, прямое, какъ будто выточено изъ липового дерева. Щелкунъ конечно разбился бы въ прахъ,

еслибъ въ то время, какъ онъ прыгалъ съ верхней полки, Мамзель Адель не скочила съ своего дивана и не обхватила героя съ обнаженной саблей мягкими своими руками. «Ахъ, ты добрая, милая Адель!» со слезами сказала Маша; «какъ я напрасно тебя давича обвинила! Конечно ты сама отдала бы постель свою нашему другу, Щелкунчику!» — Мамзель Адель не отвѣчала Машъ, но прижимая героя къ шелковой груди, ласково ему говорила. «Для чего тебъ, герой, пускаться въ такія опасности? Ты раненъ и слабъ! Смотри отсюда на твоихъ друзей, какъ они храбро готовятся къ сраженію и побѣдѣ? Паяцъ, Скоморокъ, Сбитеньщики, Трубочисты, Скрыпачи и Барабанщики, всѣ уже внизу, всѣ сахарныя куклы на моей полкѣ видимо встаютъ и ополчаются? Отдохни герой, въ моихъ объятіяхъ, или съ высоты атласной моей шляпки смотри на ожидающую тебя побѣду.» — Такъ говорила

Мамзель Адель, но Щелкунъ болталъ ногами такъ нетерпѣливо, что Мамзель Адель принуждена была его поставить на нижнюю полку. — Лишь только Щелкунъ очутился на ногахъ и на своей волѣ, тотчасъ сталъ на одно колѣно и тихимъ голосомъ прошепталъ ей: «Благодарю тебя, красавица! Никогда не забуду твоего великодушнаго участія!» — Мамзель Адель поклонилась очень низко, подняла Щелкуна, и снявши съ себя поясъ, вышитый фольгой и золотой канителю, хотѣла надѣть его на шею рыцаря, но онъ отступилъ два шага, положилъ на грудь руку, и торжественно сказалъ: «Нѣтъ! нѣтъ, красавица! — не могу я принять твоего дара! у меня....» Тутъ вздохнулъ онъ глубоко, сорвалъ съ плеча бѣлую, замаранную ленточку, которой Маша обернула его, сдѣлалъ изъ нея себѣ черезъ плечо рыцарскую перевязь, и поднявши вверхъ свѣтящуюся саблю, перепорхнулъ, какъ птичка, че-

ресь нижнюю перекладинку шкафа.—Замѣчаете ли вы, дорогие мои слушатели, что Щелкунъ еще не оживши, въ деревянномъ состояніи своемъ, чувствовалъ какъ Маша съ нимъ дружно и ласково обходилась? и потому не захотѣлъ принять блестящаго пояса Адели, что самъ всѣмъ сердцемъ полюбилъ добрую Машу. Какъ рыцарь вѣрный, Щелкунъ охотнѣе надѣлъ дурную Машину ленточку, не жели нарядный красавицынъ поясъ. — Ахъ, что-то будетъ дальше! Щелкунъ бросился впередъ; свистъ, шорохъ и шипѣніе снова послышались всюду. — Подъ большимъ столомъ, на срединѣ комнаты стоящимъ, собрались несмѣтные полки негодныхъ мышей.—Гадкая семиголовая мышь стояла впереди и предводительствовала всѣми. — Ахъ что-то будетъ!—

СРЕДИЩЕ.

«Вѣрный мой барабанщикъ!—закричалъ Щелкунъ, ударъ тревогу! бей генераль-ный маршъ!» — и барабанщикъ тотчасъ началъ такъ громко барабанить, что всѣ стекла дрожали въ шкафу. А внутри шкафа поднялся стукъ, трескъ, визгъ: Маша видѣла какъ проворно слетали крышки съ тѣхъ ящиковъ, въ которыхъ кварти-ровали Оединькины солдаты, какъ сол-даты прыгали на нижнюю полку, стано-вились тамъ въ строй и формировались въ полки. Щелкунъ бѣгалъ передъ вой-скомъ взадъ и впередъ, и вдохновитель-ными рѣчами старался одушевить его. «Что же это?» — вскричалъ онъ нако-нецъ — «почему ни одинъ Трубачъ не трубить?» — Потомъ быстро оборотился къ Паяцу, который стоялъ поблѣднѣвши немного, и удерживая сильное дрожанье длинной бороды своей, и торжествен-нымъ голосомъ сказалъ: «Генераль! мнѣ

известны ваша храбрость и ваша опытность! Намъ необходимо пользоваться благопріятной минутой,— поручаю вамъ командовать Кавалеріей и Артиллерией.— Лошади вамъ не нужно: у васъ ноги длинны, на нихъ галлопировать вамъ удобно! — Исполняйте долгъ вашъ!»— Паяцъ поклонился, не медля поднесъ длинные пальцы свои ко рту и запищалъ такъ пронзительно, что цѣлая сотня самыхъ звонкихъ трубъ не могла бы съ этимъ пискомъ сравняться. Въ шкафу поднялся шумъ и топотъ, Федињкины Кирасиры и Драгуны, а впереди всѣхъ новые блестящіе Гусары пустились вскачь по нижней полкѣ, а потомъ и по полу. Каждый полкъ проскакалъ мимо рыцаря Щелкуна, съ распущенными знаменемъ, съ барабаннымъ боемъ, и примкнувши къ одной стѣнѣ, расположился въ боевой порядокъ.— Съ ужаснымъ громомъ примчались Федины пушки съ пушкарями;— бумъ! бумъ! бумъ! — Вотъ Маша видѣть,

что всѣ аниевые шарики, и обсахаренный горошечъ, и прочія круглые конфекты, оставшіяся отъ праздника, полетѣли въ густую толпу мышей, обсыпали всѣхъ бѣлымъ порошкомъ и мышамъ стало стыдно. Тяжелая артиллераія, установленная на шитой Маминькиной скамѣйкѣ, больше прочаго приносила вреда мышамъ: клеевые шарики и пряничные орѣхи жестоко ихъ беспокоили. — Между тѣмъ мыши тихо и храбро все больше и больше подавались впередъ, овладѣли уже нѣсколькими пушками: — буумъ, буумъ! — прр! — прр! — свистъ! визгъ! ныль! дымъ! — Маша ничего не могла различить, что происходило на полѣ битвы. Несомнѣнно было то, что оба войска сражались съ неслыханнымъ остервенѣніемъ, и побѣда долго колебалась. Мыши напирали массами, толпа ихъ все больше и больше сгущалась, и Маша видѣла, что серебряныя пилюли изъ Панинъкиной банки, которыми стрѣляли

мыши, начинаютъ уже долетать до стеклянныхъ дверей шкафа. Мамзель Адель и Лизхенъ въ отчаяніи бѣгали взадъ и впередъ, и ломали мягкія свои руки. — «Неужели мнѣ умереть въ такой цвѣтущей молодости? мнѣ, красавицѣ между куклами всего свѣта!» — кричала Мамзель Адель. — «Для того ли я такъ искусно сберегла красоту свою, чтобы съѣли меня мыши!» — кричала Лизхенъ. — Потомъ упали онъ другъ къ другу въ объятія и ревѣли такъ громко, что голосъ ихъ заглушалъ и пушечную пальбу, и весь громъ жаркой битвы. — Того, что въ этой битвѣ происходило, разсказать я вамъ не берусь, да и вы сами, почтенные слушатели, врядъ ли въ состояніи это вообразить. Бумъ? бумъ! — Прр! Прр! Бумъ, бурумъ! — Пифъ! Пафъ! Тщщ! — Тщщ! — Пискъ мышей! звонкій визгъ Мышинаго Царя! — Повелительный голосъ Щелкуна! Мужество, съ которымъ онъ проходилъ посреди батальоновъ, стоящихъ въ

огнъ! и прочее, и прочее! — Паяцъ сдѣлалъ сначала двѣ счастливыя атаки кавалеріей, и покрылъ себя вѣчной славой, но Мышиная артиллериа настрѣляла воюющими своими шариками столько пятецъ на красныхъ мундирахъ єединъкихъ гусаръ, что красивые полки не могли рѣшиться идти впередъ. Паяцъ скомандовалъ имъ: на лѣво кругомъ! и въ жару восторга прокричалъ тоже Кирасирамъ и Драгунамъ; всѣ повернули на лѣво, т. е. въ шкафъ. Такое распоряженіе оставило совсѣмъ безъ защиты батарею, на скамъйкѣ стоящую, и скоро значительный отрядъ грозныхъ мышей наперъ на батарею, и опрокинулъ пушкарей, и пушки, и даже скамъйку. Шелкунъ въ смущеніи приказалъ правому крылу сдѣлать отступательное движеніе, а ты знаешь, мой, въ военномъ дѣлѣ опытный, слушатель, что отступательное движеніе все равно, что бѣгство, вмѣстѣ со мною пожалѣешь о несчастіи

маленькаго Машинъкина любимца. — От-
верни же взоры отъ этого бѣдственнаго
зрѣлища, и посмотри на лѣвое крыло
Щелкунова войска; тамъ все еще въ
порядкѣ, и полководцы, и вся армія не
теряютъ духа, и дерутся въ надеждѣ
на совершенній успѣхъ. — Между тѣмъ
мышиная кавалерія тихимъ шагомъ обѣ-
ѣхала комоду, и вдругъ съ ужаснымъ
визгомъ бросилась на лѣвое крыло. От-
чаянное сопротивленіе встрѣтило ея на-
паденіе. — Медленно, осторожно преодо-
лѣвая всѣ трудности пути, конфектный
корпусъ, подъ предводительствомъ двухъ
Китайскихъ Императоровъ, выступилъ
изъ предѣловъ шкафа и образовалъ пра-
вильное каре. — Это храброе и весьма
пестрое войско, состоящее изъ множе-
ства Пастуховъ, Тирольцевъ, Тунгусовъ,
Арлекиновъ, Амазонокъ, Купидоновъ,
Львовъ, Тигровъ, Котовъ, Собакъ Обезъ-
янъ и Полугаевъ, сражались съ отлич-
нымъ хладнокрѣвіемъ, и мужественною

неподвижностью. Спартанская непоколебимость этого резерва вѣроятно склонила бы побѣду на сторону Щелкуна, если бы одинъ отчаянныи непріятельскій Ротмистръ не откусилъ головы одному изъ Китайскихъ Императоровъ, а тотъ въ паденіи своемъ не опрокинулъ двухъ Тунгусовъ и одного кота. Непріятель проскочилъ сквозь незамѣщенное пространство, и въ одно мгновеніе весь полкъ былъ переѣденъ. Значительный такой успѣхъ не могъ однако достаться непріятелю безъ малѣйшаго урона. Въ то время какъ одинъ изъ кровожадныхъ мышиныхъ кавалеристовъ перекусывалъ пополамъ храбраго своего противника, печатный конфектный билетецъ попалъ ему въ горло и задушилъ на мѣстѣ.— Войско Щелкуна отступало все больше и больше, все больше и больше теряло людей, и наконецъ Щелкунъ, съ маленькимъ отрядомъ своихъ тѣлохранителей, очутился у самой двери стеклянного

шкафа,— « Выводите резервные корпуса! Генералы! Паяцъ! Барабаньщикъ! гдѣ вы? » — Такъ кричалъ Щелкунъ, надѣясь, что новыя силы станутъ выступать изъ шкафа. На вызовъ его, послѣдніе пряничные люди, мужчины и дамы съ золочеными головами, руками и шляпами выступили на боевое поле, — только они такъ неловко сражались, что не попали ни разу въ непріятеля, и чуть было не сшибли шапки съ самаго предводителя своего, Щелкуну. — Непріятельскіе егери скоро и этимъ перегрызли ноги, такъ что они всѣ повалялись, и въ паденіи своеемъ задавили большую часть тѣлохранителей Щелкуну. — Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, Щелкунъ былъ въ великой опасности. Ему хотѣлось перепрыгнуть черезъ нижнюю перекладину шкафа, но короткія ноги мѣшали сдѣлать высокій прыжокъ. Лизхенъ и Мамзель Адель лежали въ обморокѣ и не могли помочь ему. Гусары и Драгуны опрометью ска-

кали мимо его, перелетали черезъ перекладину и спасались въ шкафъ, не слушая отчаяннаго голоса, съ которымъ Щелкунъ кричалъ имъ: «коня! коня! пол-царства за коня!» — Въ эту минуту два непріятельскіе стрѣлка схватили его за деревянную япанчу; — Царь мышиный съ радостнымъ пискомъ во всѣ семь горлъ своихъ прибѣжалъ на торжество. Маша была виѣ себѧ. «О бѣдный! бѣдный мой Щелкунъ!» вскричала она рыдая, и не помня себѧ, почти безъ сознанія схватила лѣвый башмакъ съ ноги и изо всей силы бросила его въ толпу мышей и въ Царя ихъ. Въ самое то мгновенѣе все стихло и замолкло; Маша почувствовала жестокую боль въ лѣвой рукѣ, потомъ сильный обморокъ обхватилъ ее и она повалилась на полъ.

ЗОДЧЕСЪ.

Когда Маша очнулась отъ глубокаго, почти смертнаго сна своего, то увидѣла,

что лежала въ постели. Солнце ярко блестѣло сквозь обледенѣлыя стекла оконекъ. Подлѣ ея кровати сидѣлъ чужой человѣкъ, въ которомъ она скоро узнала Доктора Вендельштерна. Докторъ сказалъ тихимъ голосомъ: «Теперь она проснулась!» — Тотчасъ подошла Маминька и заботливо смотрѣла на Машу. — «Ахъ, милая Маминька! лепетала тихонька Маша — «ушли ли мерзкія мыши? спасень ли Щелкунъ мой?» — Не говори токого вздору, милая Маминька; что за нужда мышамъ до твоего Щелкуна? Ты сама, дурочка, ужасно нась напугала. Видишь ли, что дѣти должны слушаться приказаний матери? Вчера ты слишкомъ поздно заигралась, вѣроятно задремала, какая нибудь мышка забралась сюда и тебя испугала; локтемъ ты разбила шкафъ, и такую глубокую разрѣзала себѣ рану, что Докторъ Вендельштернъ, который вынулъ изъ нея отломокъ стекла, боялся, чтобы ты не изошла кровью. — Слава

Богу еще, что я встала ночью, увидѣла, что тебя нѣтъ на постели и пошла за тобою. Ты въ обморокѣ лежала подъ шкафа, а изъ руки кровь такъ и текла. Около тебя разбросаны были Оединькны оловянные солдаты, много поломанныхъ конфектныхъ и пряничныхъ куколокъ; на раненой руки лежалъ твой Щелкунчикъ, а недалеко брошенъ былъ твой лѣвой башмакъ.» — «Видите ли, Маменька, это слѣды большаго сраженія, которое произошло между мышами и куклами; отъ того-то я такъ и испугалась, что мыши хотѣли взять въ плѣнъ Щелкуна, предводителя кукольнаго войска. Я бросила башмакъ свой въ мышей, чтобы защитить его, а больше ничего ужъ и не помню!» — Докторъ Вендельштернъ кивнулъ матери головою, и мать сказала Мишинькѣ: «Оставь это, Маша! успокойся! мыши всѣ убѣжали, а Щелкунъ стоитъ въ шкафу въ добромъ здоровъ.» — Тутъ вошелъ въ комнату отецъ

Машинъ, долго говорилъ съ Докторомъ въ полголоса, пощупалъ пульсъ у Маши, и она слышала слово: горячка! — Машъ велѣли лежать въ постели и поили ее лѣкарствами; такъ прошло нѣсколько дней; кромъ сильной болѣзни не чувствовала: она знала, что Щелкунъ здоровъ, не попался въ плѣнь, и стоитъ въ шкафу; иногда казалось ей, будто она внятно слышитъ, какъ онъ жалобнымъ голосомъ говорить ей; «Маша, завѣтная моя красавица! ты спасла меня отъ плѣна! а теперь еще больше нужна мнѣ твоя помощь, отъ тебя спасенье!» — Маша много думала, что бы это было такое, и какъ ей спа- сать Щелкунчика, однакоже придумать не могла. Играть въ куклы ей было не льзя, потому что рука у нея очень болѣла, а если хотѣла читать книжку, или смотрѣть картинки, то въ глазахъ у нея такъ полыхало, и голова такъ вѣртѣлась, что принуждена была оставить книжку.

Отъ этого ей часто бывало скучно, и она съ большимъ нетерпѣньемъ ждала сумерекъ; тогда приходила къ ней Маминька и рассказывала сказки или читала какую нибудь интересную исторію. — Только что Маминька докончила прекрасную повѣсть о Принцѣ Факардинѣ, какъ дверь разстворилась и вошелъ дядя Дросельмейеръ. «Надобно же мнѣ взглянуть какова моя больная, раненая Маминька,» сказалъ онъ, подходя къ постели. — Лишь только Маша увидѣла дядю Дросельмейера въ желтоватомъ его сертукѣ, то вспомнила поступки его въ знаменитую ночь, когда Щелкунъ выдержалъ такое кровопролитное сраженіе, и съ жаромъ сказала ему: «Ахъ, Дядя! какой же ты дурной! — я видѣла тебя, когда ты на часы взлѣзъ и закрылъ ихъ крыльями, чтобы они не громко били и не испугали мышей; я слышала какъ ты кричалъ мышиному Царю; — зачѣмъ не хотѣлъ ты прийти на помощь моему Щелкуну? —

за чѣмъ не пришелъ на помощь ко мнѣ? — Дурной ты, ты, дядя, нехорошій! Ты одинъ виноватъ въ томъ, что я ранена, что такъ давно лежу больная въ постели!» — Мать испугалась, услышавъ такие упреки, и заботливо спрашивала: «Что съ тобою, Маша? — Что ты?» — А дядя Дросельмейеръ скривилъ лицѣ, и осиплымъ, мѣрнымъ, однозвучнымъ голосомъ запѣлъ: «Гиря шнурить тикъ, тукъ, такъ! — Перпендикуль сталъ на ладъ; — гиря шнуръ въ часахъ потише; — Царь мышиный ближе, ближе; — бумъ, бурумъ, часы да часъ; — куколка, не бойся нась, — клингъ и клангъ, сова летитъ; — тихо колоколъ звѣнить; — чикъ да чукъ, да пикъ, да пакъ; — дѣвочка бросай башмакъ!» — Маша глядѣла на дядю Дросельмейера вытараща свои глазки: онъ билъ тактъ, поднимая и опуская правую руку точно какъ на пружинахъ кукла, и никогда еще не кривлялъ такихъ безобразныхъ гримасъ. Она точно-бы испу-

галась, еслибы не сидѣла подлѣ нея Маминька, и еслибы Федя, который вошелъ вмѣстѣ съ дядей, не захочоталъ во все горло, громко закричавши: «Эй, дядя Дросельмейеръ! отъ чего ты такъ смѣшонъ сегодня? Ты точно также поднимаешь руки, какъ мой бочаръ, котораго я давно за печь забросилъ!» — Маминька совсѣмъ не улыбалась, а очень серьёзно сказала: «Чтò вы это выдумали, любезный сосѣдъ? Эта шутка совсѣмъ не смѣшна.» — «Развѣ вы не знаете часовщиковой пѣсни?» отвѣчалъ смѣючись Дросельмейеръ, «я всегда ее пою такимъ болынмъ, какъ Маша.» — Потомъ подсѣлъ къ Маминькиной постели и сказалъ: «Не сердись на меня, Маша, что я не выцарапалъ мышиному Царю всѣ его четырнадцать глазъ; мнѣ этого не льзя было сдѣлать; за то намѣренъ доставить тебѣ большое удовольствіе.» — Съ этимъ словомъ, Статскій Советникъ Дросельмейеръ опустилъ руку въ карманъ, и Тихонько, Тихонько вынулъ оттуда —

Щелкуна, которому онъ вставилъ выломанные зубы и укрепилъ челюсть. Маша вскрикнула отъ радости, а мать, улыбаясь, сказала: «Видишь, что дядя Дросельмейеръ любить твоего Щелкуна.» — Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ продолжалъ: «Ты видишь, Маша, что Щелкунъ твой немного уродливъ, и довольно безобразенъ лицемъ; если хочешь, я расскажу тебѣ, какимъ образомъ это наследственное безобразіе укоренилось въ его родѣ. Или ты, можетъ статья, знаешь сказку о Принцессѣ Пирлипать, колдунѣ Мышепрыгѣ и знаменитомъ Часовщикѣ?» — «Послушай, Дядя!» перерваль вѣтреный Федя, «зубы ты Щелкуну вставилъ, и бороду починилъ, за чѣмъ же снялъ его саблю? За чѣмъ, по прежнему, не висить у него сабли?» — «Эй, эй!» съ досадой отвѣчалъ Дросельмейеръ, «тебя спрашиваютъ, мальчишка, во все вмѣшиваться и все замѣчать! — Какая мнѣ нужда до Щелкуновой сабли? мое дѣло

вылечить его самаго, а тамъ саблю доставай онъ себѣ какъ, и гдѣ хочетъ.» — «Правда,» сказалъ Федя, «храбрый воинъ съумѣть добыть себѣ оружіе!» — «Ну, что же Маша!» продолжалъ Статскій Совѣтникъ, знаешь ты повѣсть о Принцессѣ Пирлипатѣ!» — «Нѣтъ, не знаю; расскази, милый дядя! расскази!» — Надѣюсь, примолвила мать, что теперь ваша сказка не такая будетъ страшная, какъ тѣ, которыя вы обыкновенно рассказываете.» — «Напротивъ, Сударыня! сказка, которую буду имѣть честь вамъ разсказать, очень забавна.» — «Рассказывай! рассказывай, милый дядя!» — кричали дѣти, и господинъ Статскій Совѣтникъ Дрессельмейеръ началъ такъ:

СКАЗКА

О ЖРУДИЖОМЪ ОРУЖѢ.

Мать Пирлипаты вышла за-мужъ за одного Короля, и потому сдѣлалась Королевой; Принцесса же Пирлипата

съ самой той минуты какъ родилась, родилась урожденной Принцессой, Король былъ виѣ себѧ отъ радости, смотрѣлъ на прекрасную дочь свою, плясалъ около ся колыбельки, прыгалъ на одной ногѣ и кричалъ разъ двадцать сряду: «Ура! видали на свѣтѣ что-нибудь лучше моей Пирлипатки?»—Всѣ Министры, Генералы, Президенты, Гвардій офицеры прыгали за Королемъ на одной ножкѣ и кричали: «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, никогда!»—И въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ какъ свѣтѣ стоитъ на этомъ свѣтѣ, не рождалось еще ребенка прекраснѣе прекрасной Принцессы Пирлипаты. Лицо казалось соткано изъ лилейныхъ и розановыхъ нѣжныхъ листочковъ, глазки блестѣли какъ живыѣ яхонты, а волосики золотыми кудрями вились на краснѣйшей головкѣ. Въ пунцовомъ ротикѣ бѣлѣлись два ряда острыхъ, жемчужныхъ зубовъ, такъ, что тотчасъ по рожденіи она укусила за палецъ, Государственна-

го Канцлера, и народъ съ восторгомъ узналъ, что въ миленъкомъ тѣльцѣ прекрасной Принцессы обитаетъ высокая, разумная душа. Всѣ въ Королевствѣ радовались и пировали. Одна Королева была грустна и беспокойна, но никто не могъ догадаться за чѣмъ? — Страшно казалось, что она сторожила колыбельку новорожденной, какъ птичку, только что пойманную рукою. У двери стояли драбанты; кроме двухъ главныхъ надзирательницъ, шесть нянюшекъ должны были ночь и день окружать колыбель, а всего мудренѣе было то, что каждой нянѣ приказано было держать на колѣнахъ большаго кота, и гладить по спинкѣ, чтобы онъ цѣлую ночь не переставалъ мурлыкать. Вамъ, милыя дѣти, невозможно отгадать, почему Пирлипатина мать принимала такія строгія предосторожности, а я знаю причину и разскажу вамъ. — Однажды собралось при дворѣ Короля, Пирлипатина отца,

очень много превосходныхъ Королей и любезныхъ Принцевъ, и по случаю этого сбора при дворѣ были блестательные праздники, и рыцарскія игры, и комедіи, и придворные балы. Королю захотѣлось выставить все серебро и золото, которое хранилось въ его сокровищницахъ, и потому задумалъ дать имъ праздникъ съ сюрпризомъ.—И такъ, посовѣтовавшись втайне съ Оберцеремоній-мейстеромъ, и съ своимъ Казнохранителемъ, рѣшился дать полный, огромный, колбасинскій пиръ, бросился въ карету, и самъ своелично пригласилъ всѣхъ Королей и Принцевъ,—только на ложку супу. Потомъ возвратился домой, и ласково говорилъ Королевъ: «Любезная моя Королева! ты знаешь какъ я люблю колбасы!»—Королева знала уже, что значитъ такое Королевское слово, и покорно отправилась заниматься собственноручно важнымъ, колбасинскимъ дѣломъ. Казнохранитель выдалъ на кухню

большой золотой котель для колбасъ, и множество большихъ серебряныхъ кастрюль. Королева подвязала парчевой фартукъ, и скоро понеслось по кухнѣ благовоніе колбаснаго супа. Пріятный запахъ проникъ до самыхъ покоевъ, гдѣ находился Государственный Совѣтъ, и наполнилъ всѣ головы и всѣ души насладительнымъ ожиданіемъ. Король не могъ одолѣть своего восторга; вѣ себя побѣжалъ на кухню, обнялъ Королеву, помѣшалъ кипящее въ котлѣ кушанье, и, успокоившись, возвратился въ Государственный Совѣтъ. Наступила важная минута! Ветчинное сало, маленькими кусками нарѣзаное, надѣтое на длинныя серебряныя вилки, поспѣло къ поджариванію, и готовилось влѣзть въ огонь! Придворные дамы отступили съ благоговѣніемъ; Королева, исполненная преданности и уваженія къ супругу, сама сунула вилки въ печь. Лишь только сало затрепещало въ огнѣ, тоненький пискливый го-

лосокъ сказалъ: «Дай и мнѣ жаркаго, сестрица! — и я хочу пировать. — Вѣдь и я Королева! Дай мнѣ жаркаго!» — Королева догадалась, что съ нею разговариваетъ Г-жа Мышепрыга. Г-жа Мышепрыга давно уже жила подъ печкой въ Королевскомъ дворѣ. Она почитала себя родственницей Королю и Государыней Мышгольского Государства, почему всегда подъ очагомъ окружена была очень болышиою толпою придворныхъ. Корорева была очень добродушна, и хотя не считала Г-жу Мышепрыгу роднею, и равною себѣ Государыней, однако не захотѣла, по случаю Царскаго пяра, отказать ей въ ветшинномъ салѣ и закричала въ отвѣтъ ей: «Выдѣсюда, Г-жа Мышепрыга; милости прошу отвѣдать моего шпеку!» — Г-жа Мышепрыга проворно и весело выпрыгнула изъ-подъ печки, вспрыгнула на очагъ, и маленькими лапками своими чинно брала ветчинное сало, которое подавала ей сама Королева. Но на бѣду, за Мышиной Ца-

рицей выскочили всѣ зятья и кумовья, и родственники ея за ними семь родныхъ ея сыновей, негодныхъ повѣсь; за ними толпа придворныхъ. — Напрасно Королева старалась спасти и защитить ветшинное сало: они бросились на него всѣ вдругъ, и не оставили бы ни куска, если бы не подоспѣла Оберъ-Гофмаршальша, и не пособила отогнать прожорливыхъ гостей. Сала осталось такъ немногого, что принуждены были послать за придворнымъ Математикомъ, и соображаясь съ его выкладками, раздѣлили его по колбасамъ.

Удалили бубны, трубы и литавры. Всѣ Государи, Принцы и Короли, въ праздничныхъ платьяхъ, отправились на колбасный пиръ, кто верхомъ на бѣломъ конѣ, кто въ хрустальной каретѣ. Король принялъ ихъ съ сердечнымъ радушіемъ, и чтобы лучше угостить, сѣлъ за столомъ на первое мѣсто. — Начали подавать печеночныя колбасы — Король поблѣднѣлъ и поднялъ глаза къ небу: —

тихіе вздохи стѣсняли грудь его; тайная скорбь закралась въ его внутренность. — Подали кровяные колбасы! — Тутъ уже не въ силахъ онъ былъ долѣе крѣпиться! Рыдая и всхлипывая упалъ онъ на кресла, закрылъ лицѣ руками и ревѣлъ громко. — Всѣ выскочили изъ за стола, придворный Медикъ напрасно старался схватить Короля за пульсъ; онъ не поддавался его усилиямъ; глубокая горесть раздирала его душу. Наконецъ послѣ долгихъ увѣщаній, истощивши всѣ самыя сильныя средства, какъ на примѣръ: куренье жженными перьями, и пр., Король началъ по немногу приходить въ себя, и едва слышнымъ голосомъ пролепеталъ слѣдующія слова: «Мало шпеку!» — Тогда безутѣшная Королева бросилась къ ногамъ его и въ отчаяніи вопила: «О бѣдный мой, несчастный супругъ! — О какая скорбь постигла тебя! — Воззри на виновную: она лежитъ у ногъ твоихъ! — Суди! Казни! —

Казни строгою казнью, я заслужила ее! —
Ахъ! Г-жа Мышепрыга, сыновья ея,
кумовья ея, зятья ея, родные ея. Ахъ!
они съели мой шпекъ! — При сихъ сло-
вахъ упала она въ обморокъ. — Ко-
роль, пораженный гнѣвомъ, вскочилъ
и закричалъ: Гжа Обергофмаршальша!
какъ могло это случиться? — Тутъ
Обергофмаршальша рассказала все, что
знала и что видѣла, и Король рѣшился
выместиТЬ Мышепрыгъ весь шпекъ,
который она выѣла изъ колбасъ его. Не
медля созвали Тайный Государствен-
ный Советъ, и положили отдать подъ
судъ Гжу Мышепрыгу и описать въ
казну все ея имѣніе. Король хотя
былъ доволенъ рѣшеніемъ, но она-
сался проволочки, и того, чтобы Мыше-
прыга, пользуясь временемъ, не продол-
жала есть шпекъ изъ колбасъ его; въ
следствіе чего сиѣшиль передать все
производство дѣла Придворному часо-
выхъ дѣлъ мастеру и Арканисту. Этотъ

часовыхъ дѣлъ мастеръ назывался, также какъ и я, Христьянъ Дросельмейеръ, и обѣщался, посредствомъ одной чудной дипломатической операциіи, выжить изъ дворца Г-жу Мышепрыгу и всю родню ея. Въ слѣдствіе этого обѣщанія изобрѣлъ онъ маленькія искусныя машинки, внутри которыхъ развѣсилъ жареное ветчинное сало на тоненькихъ ниточкахъ, и которыя разставилъ около жилища Г-жи Мышепрыги.—Мышепрыга была слишкомъ умна и прозорлива, чтобы не догадаться, что въ этихъ приманкахъ таятся хитрыя козни Дросельмейера, но всѣ ея предостереженія и увѣщанія не послужили въ пользу пылкому семейству ея. Привлеченные вкуснымъ запахомъ жаренаго сала, всѣ семь сыновъ ея, многіе зятья, кумовья и сваты, пошли къ Дросельмейеровымъ машинкамъ, и лишь только дотронулись до благовоннаго кусочка, прихлопнуты были запоркой, взяты въ илѣнъ, и каз-

нены въ кухнѣ, всѣ безъ пощады. Г-жа Мышепрыга съ малымъ числомъ ей преданныхъ, оставила навсегда позорное мѣсто. Скорбь, отчаяніе, месть, терзали грудь ея. Весь дворъ торжествовалъ побѣду; одна Королева не могла скрыть своего беспокойства: она знала чувствительный характеръ Г-жи Мышепрыги, знала, что она не оставитъ безъ отмѣнія смерть дѣтей своихъ и родственниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, однажды случилось, что Королева варила любимую Королевскую похлебку, и очень занялась ею на кухнѣ, вдругъ передъ нею явились Г-жа Мышепрыга и сказала: «Сыновья мои,—кумы и кумовья,—зятья и невѣстки, всѣ погибли здѣсь злую смертью; погибли по милости твоей; берегитесь, Королева, берегись! —смотри какъ бы мышиный Царь не перегрызъ и твою будущую Принцессочку! —Берегись.—Съ этими словами она исчезла. Королева такъ сильно испугалась, что

уронила въ огонь похлебку, и въ другой разъ, по милости Мышепрыги, привела въ гнѣвъ обожаемаго Короля своего.— Довольно однако же на сегодняшний вечеръ, завтра доскажу осталъное.

Маша прилежно слушала повѣсть; и про себя думала многое, другое, долго упрашивала она дядю Дросельмейера продолжать разсказъ, онъ никакъ не согласился и вскочилъ, говоря: «Вдругъ много, нездорово; завтра доскажу осталъное.» И съ этимъ отвѣтомъ пошелъ вонъ изъ комнаты. Θедя въ дверяхъ остановилъ его и сказалъ ему: «Скажи пожалуйста! въ самомъ дѣлѣ ты выдумалъ мышеловки?— «Можно ли такія глупости спрашивать?» вскричала мать; а Г-динъ Статскій Совѣтникъ засмѣялся и тихо отвѣчалъ ему: «Развѣ я не искусный часовой мастеръ? а часы дѣлать мудрѣнѣе, чѣмъ выдумать мышеловки.»

ПРЕДОЛЖЕНИЕ

СКАЗКА О КРЫСЫХОМЪ ОРФЕУСѦ.

Теперь, вы дѣти, знаете, продолжалъ на другой день Статскій Совѣтникъ Дросельмайеръ, почему Королева такъ тщательно охраняла прекрасную принцессу Пирлипату. Она того и глядѣла, что Мышепрыга исполнить свои угрозы и перегрызть принцессу пополамъ до смерти. Дросельмайеровы дипломатическія машины не пугали разумную Мышепрыгу. Между тѣмъ, придворный Астрономъ, который въ то-же время былъ придворный тайный Оберъ-вѣщунъ, узналъ по теченію звѣздъ, что семейство Кота Шнура обладаетъ способностью отдалять всякую опасность отъ колыбели дивной принцессы. Для того то и велѣно было всѣмъ нянюшкамъ держать на колѣнахъ, каждой по сыну изъ сей знаменитой фамиліи: всѣ они служили при дворѣ Совѣтниками По-

сольства ; приличное глашение спины , и щекотанье шейки, услаждали имъ тяжесть государственной службы.—Однажды, было уже за полночь, вдругъ одна изъ главныхъ надзирательницъ , сидѣвшая у колыбели, вздрогнула какъ будто проснувшись отъ сна ;—смотреть — все вокругъ нея погружено въ глубокій сонъ ;—слушаетъ — мертвое молчанье ; ни мурлыканья ! ни пѣсень ! одно только тихое точенѣе червяка въ стѣнѣ. — Но каково-же было ея положеніе, когда нагнувшись къ колыбели , увидѣла она большую, гадкую мышь , которая стояла на заднихъ лапкахъ, и мерзкую свою голову положила прямо на лицо мальчикѣ принцессы. Громкій вопль ужаса перебудилъ всѣхъ ; Г-жа Мышепрыга проворно отпрыгнула въ дальній уголъ комнаты ; Совѣтники Посольства со всѣхъ колѣнъ спрыгнули и опрометью бросились за ней въ погоню ;—но поздно !— При первой щели пчезла Мышепры-

га! — Пирлипата проснулась отъ шума и заревѣла громко. «Она жива!» закричали нянюшки съ радостью, «она жива!» Но можно-ли описать ихъ страхъ, когда онъ увидѣли и освидѣтельствовали, какое дѣйствіе посѣщеніе Мышепрыги произвело надъ красотою прекрасной Пирлипаты? — На мѣсто бѣлорозовой головки, съ золотыми кудрями, очутилась толстая, безобразная головища, на крошечномъ, сросшемся тулowiщѣ, лазоревые глазки превратились въ зеленые, вытаращенные, тусклые буркалы; пунцовыій ротикъ разъѣхался отъ одного уха къ другому. Королева едва не умерла съ горя; а Государственный Совѣтъ въ самой скорости обилъ кабинетъ короля обоями на ваткѣ, чтобы онъ не разшибъ себѣ лба объ стѣну, когда въ отчаяніи станетъ стукаться то объ ту, то объ другую сторону комнаты, приговаривая: «О я, несчастный!» — Король могъ ясно видѣть, что лучше-бы ку-

шать колбасы безъ шпеку , а мышиную матку со всѣмъ дворомъ ея спокойно оставить подъ очагомъ : но онъ совсѣмъ не хотѣлъ этого видѣть , и всю вину сложилъ на придворнаго часоваго ма-стера и Арканиста, Христіана Дросель-мейера , изъ Нюрнберга. Въ слѣдствіе чего издалъ онъ мудрый указъ слѣду-ющаго содержанія: «Дросельмейеръ дол-женъ въ теченіи четырехъ недѣль не-премѣнно изцѣлить принцессу Пирли-нату , или по крайней мѣрѣ отыскать не-ложное и вѣрное средство возвратить ей прежнюю красоту ; въ противномъ-же случаѣ, онъ Дросельмейеръ, за неиспол-неніе, осуждается на смертную казнь.» — Дросельмейеръ чрезвычайно испугался , услышавши такой приговоръ , но какъ дѣлать было нечего , то положился онъ на свои свѣдѣнія и приступилъ къ нуж-нѣйшимъ операціямъ. Во первыхъ , са-мымъ искусственнымъ образомъ разложилъ онъ на части принцессу Пирлинату , и

весьма осторожно рознялъ всю по суставамъ, для осмотра внутреннихъ пружинъ; тутъ увидѣлъ онъ тотчасъ, что чѣмъ больше она выростать станетъ, тѣмъ безобразнѣе и уродливѣе становиться будѣтъ, а какъ этому пособить, не могъ онъ придумать средства. Тщательно сложилъ онъ опять вмѣстѣ всю принцессу, и впалъ у колыбели ея въ глубокую тоску. Прошло три недѣли, и на четвертой наступила уже середа, — вдругъ Король вышелъ въ комнату, бросилъ на Дросельмейера пылающій гиѣвомъ взоръ, махнулъ рукою, и сказалъ: «Христыянъ исцѣли принцессу, или готовься къ смерти!» — Дросельмейеръ горько заплакалъ: Пирлипата между тѣмъ лежа въ своей колыбелкѣ, весело грызла орѣхи. Тутъ только отчаянныій Арканістъ обратилъ вниманіе на необыкновенную страсть принцессы къ орѣхамъ, и на то, что она родилась съ зубами. Тутъ только вспомнилъ онъ,

что тотчасъ послѣ ея превращенія, она до тѣхъ поръ кричала, пока ей попался случайно орѣхъ; она разгрызла его, съѣла зернышко и успокоилась. — « О священный инстинктъ природы! » воскликнулъ Христьянъ Дросельмейеръ! « ты указуешь мнѣ дверь къ спасенію, я буду въ нее стучаться, и она мнѣ отворится! » — Немедленно испросилъ онъ позволенія видѣться съ другомъ своимъ, придворнымъ Астрономомъ, и отправился къ нему подъ прикрытиемъ сильной стражи. Они обнялись, проливая нѣжныя, дружескія слезы, вошли въ кабинетъ, заперлись тамъ вмѣстѣ, и начали рыться въ разныхъ книгахъ, чтобы перечитать все, что написано объ Инстинктахъ, Симпатіяхъ, Антипатіяхъ и прочихъ таинственныхъ вещахъ. — Въ такихъ розысканіяхъ застала ихъ ночь; оба друга, искусные во всякихъ дѣлахъ, отправились по звѣздамъ снимать ороскопъ принцессы Пирлипаты. Линіи пу-

тались, запутывались, перепутывались, но наконецъ—о радость ! о счастіе ! наконецъ, имъ открылось ясно, что очарочанье, обезобразившее Пирлипату, разрушится, какъ скоро дадутъ принцессъ скушать сладкое зерно орѣха Кракатука.

51~

Орѣхъ Кракатукъ находился заключеннымъ въ такой крѣпкой скорлупѣ, что 48-ми пудовой пушка могла по немъ проѣхать, не раздавивши его. Выходило изъ дальнѣйшихъ вычисленій ороскопа, что этотъ орѣхъ надобно разгрызть молодому человѣку, еще не брившему бороды; что этотъ молодой человѣкъ долженъ быть въ башмакахъ, и чтобы онъ ни разу во всю жизнь свою не обувался въ сапоги; что грызть орѣхъ онъ долженъ закрывши глаза; не открывая ихъ подать зерно Принцессѣ, потомъ отступить семь шаговъ назадъ не споткнувшись;—тогда уже позволялось ему взглянуть. Три дня и три ночи Дросель-

мейеръ и Астрономъ работали надъ этимъ открытиемъ, наконецъ, въ субботу, Дросельмейеръ, котораго казнь назначена была въ воскресенье утромъ, вѣжалъ къ Королю, во время обѣднаго стола его, и доложилъ объ отысканіи вѣрнаго средства возвратить принцессѣ Пирлипать потерянную красоту ея. Король благосклонно обнялъ его и обѣщалъ два праздничныхъ фрака. «Тотчасъ послѣ обѣда, прибавилъ онъ ласково, приступите же къ дѣлу; любезный Арканістъ; похлопочите сами, чтобы молодой, небритый человѣкъ, въ башмакахъ, явился съ орѣхомъ Кракатукомъ; не велите ему пить вина, чтобы не споткнулся, отступая задомъ; послѣ успѣть напиться сколько вздумаетъ!» — Такая Королевская рѣчь очень смущила бѣднаго Дросельмейера; со страхомъ и трепетомъ объявилъ онъ Его Величеству, что найдено только средство, а не найдено еще ни орѣха Кракатука, ни молодаго чело-

вѣка для разгрызу, и неизвестно есть ли какая нибудь возможность отыскать ихъ обоихъ. — Въ великомъ гнѣвѣ поднялъ Король руку выше коронованной главы своей, и льву подобнымъ голосомъ заревѣлъ: «Казнить! казнить!» — Бѣдный Дросельмейеръ! — Счастье еще, что въ этотъ день обѣдъ Его Величества такъ былъ удачно приготовленъ и такъ необыкновенно вкусенъ, что великодушная Королева осмѣлилась представить заступительныя свои возраженія. Дросельмейеръ, ободрившись, прибавилъ самъ, что жизнь была ему обѣщана за одно только отысканіе средства къ изцѣленію принцессы. Король отвѣчалъ, что все это крючки, тонкости и прицѣпки; но выпивши рюмку анисовой водки, смягчился, и повелѣлъ обоимъ, Часовщику и Астроному, идти за орѣхомъ Кракатукомъ, куды глаза глядятъ, и безъ него не возвращаться во дворецъ. — Человѣка-же для разгрызу рѣ-

шились, по совѣту Королевы, вызывать черезъ газеты, и немедленно приказано было припечатать вызовъ во всѣхъ столичныхъ, иногородныхъ и иностранныхъ вѣдомостяхъ.—При сихъ словахъ Статскій Совѣтникъ остановился и обѣщалъ продолженіе повѣсти на другой вечеръ.

ОКОНЧАНИЕ

СКАЗКИ О ЖРУДЖОМЪ ОРФЕѢ.

На другой вечеръ, какъ скоро подали свѣчки, дядя Дросельмейеръ пришелъ опять и продолжалъ такъ: Пятнадцать лѣтъ странствовали придворный Астрономъ и Дросельмейеръ, переходя изъ одной страны въ другую, а обѣ орѣхъ Кракатукъ ни слуху, ни духу. Гдѣ они были, и какія чудныя вещи видѣли, обѣ этомъ могъ-бы я вамъ, дѣти, разсказывать четыри недѣли сряду, да я этого не хочу, а скажу вамъ вдругъ, что Дро-

сельмейеръ почувствовалъ тоску по лю-
безномъ своемъ отечествѣ Нюрнбергѣ.—
Однажды онъ лежалъ съ другомъ сво-
имъ въ Азіи, посреди большаго лѣса ,
курилъ Гаванскую сигарку, и не въ
силахъ будучи преодолѣть тоску свою,
возопилъ громко : « О прекрасное , пре-
милое отечество мое Нюрнбергѣ ! О пре-
красный, прекрасный городъ ! Кто тебя
не видалъ , тотъ не зналъ никакихъ ра-
достей на свѣтѣ , хотя-бы прямо изъ
Парижа воротился ! — О Нюрнбергѣ !
прекрасный городъ ! гдѣ прекрасные
дома, съ окошками ! — О ! » — Услыша та-
кія трогательныя жалобы , Астрономъ
возмущился сердцемъ глубоко, и завылъ
такъ громко и жалобно , что во всей
Азіи слышны были ихъ согласные во-
пли. Потомъ утеръ слезы свои и спро-
спилъ : « Скажи мнѣ, любезный товарищъ,
за чѣмъ мы злѣсь сидимъ и тоскуемъ ?
Для чего не идемъ опять въ Нюрнбергѣ ?
Вѣдь и тамъ никто не помѣшаетъ намъ

искать этого проклятаго оръха Кракатука. Не все-же ли равно, гдѣ ни искать его?» — Совершенная правда, отвѣчалъ Дросельмайеръ, утѣшившись. — Оба встали, выбили трубки, и прямымъ путемъ, не останавливаясь, пошли въ Нюрнбергъ. Пришедши въ Нюрнбергъ, Дросельмайеръ спѣшилъ навѣстить двоюроднаго брата своего Христофора Дросельмайера, искуснаго токарнаго мастера, который самъ точилъ превосходныя куклы, самъ покрывалъ ихъ лакомъ, и самъ золотилъ. Ему-то нашъ часовыиъ дѣлъ мастеръ рассказалъ всю повѣсть о принцессѣ Пирлипатѣ, Госпожѣ Мышепрыгѣ, и оръхѣ Кракатука. Христофоръ Дросельмайеръ нѣсколько разъ вплескивалъ руками и съ удивленіемъ говорилъ: «Эй, эй! — ай! ай! — да что-жъ это за чудныя штуки!» — Дросельмайеръ рассказалъ ему обо всѣхъ приключеніяхъ дальняго своего путешествія; какъ онъ провелъ въ Финиковомъ Государствѣ

два года въ напрасныхъ розысканіяхъ ; какъ Миндалъный принцъ выслалъ его изъ своихъ владѣній ; какъ помогало ему Бѣличье Общество испытателей природы , и какъ нигдѣ не нашли слѣда орѣха Кракатука. — Во все время разсказа , Христофоръ Дросельмейеръ нѣсколько разъ щѣлкалъ пальцами , вертѣлся на одной ножкѣ, — говорилъ : гмъ ! гмъ ! — эй ! эй ! — наконецъ бросилъ съ восторгомъ вверхъ шляпу и парикъ , обнялъ разсказчика и воскликнулъ : « Радуйся , братецъ ! я почти увѣренъ , что у меня лежитъ твой орѣхъ Кракатукъ. » — Съ этимъ словомъ онъ досталъ ящикъ , въ которомъ лежалъ позолоченный орѣхъ , средней величины. — « Выслушай , » сказалъ онъ , « что съ этимъ орѣхомъ случилось : Нѣсколько лѣтъ тому назадъ , пришелъ сюда незнакомый купецъ , принесъ большой мѣшокъ съ орѣхами , и началъ ихъ очень дешево продавать. Прямо противъ моей игрушеч-

ной лавки зашла у негоссора съ здѣшними купцами, которые хотѣли запретить чужому торговать въ ихъ городѣ орѣхами. Купецъ положилъ мѣшокъ на земль, чтобы ловчѣ было браниться, но пока онъ кричалъ, тяжело нагруженный возъ перѣхалъ черезъ мѣшокъ, и перегавилъ всѣ орѣхи. Цѣлымъ остался одинъ; чужой купецъ, улыбаясь, предложилъ мнѣ купить его за гульденъ. Я очень понималъ, что это необъятная цѣна, что за одинъ орѣхъ никто такъ дорого не заплатить, но такъ какъ въ это время гульденъ случился у меня въ рукахъ, а орѣхъ мнѣ полюбился, то я и купилъ его. — Купивши вызолотилъ, спряталъ и не могъ надивиться, за чѣмъ я берегу его.» — Астрономъ взялъ орѣхъ, и всякое сомнѣніе прекратилось; счи-стивши золото, на скорлупѣ орѣха видно было ясно Китайскими буквами выпечатанное слово: Кракатукъ. — Общая радость была неописанна. — Дросельмей-

еръ увѣрилъ двоюроднаго своего брата, что за этотъ орѣхъ получить онъ непремѣнно пожизненную пенсію, и позволеніе на казенный счетъ золотить всѣ свои куклы. — Наступилъ вечеръ; счастливцы собирались уже ложиться спать и надѣвали ночные колпаки свои, вдругъ Астрономъ сказалъ: «Любезный товарищъ! ты знаешь, что ни счастье, ни горе, никогда одни не ходятъ: мнѣ кажется, что мы не только нашли орѣхъ Кракатука, да и того молодаго человѣка, который разгрызетъ его! — Взгляни-ка на сына нашего хозяина, твоего двоюроднаго племянника! — Нѣтъ, я спать не лягу! продолжалъ онъ съ восторгомъ; я хочу всю ночь провести надъ ороскопомъ этого юноши. » Съ этимъ словомъ, сорвалъ онъ съ головы колпакъ, и началъ свои наблюденія.

Сынъ хозяина въ самомъ дѣлѣ былъ красивый, статный юноша, который никогда еще не брился, и не надѣвалъ

сапогъ. Въ самой первой молодости, онъ два или три Рождества служилъ въ чинѣ паяца, но благодаря попеченіямъ отца, теперь этого въ немъ совсѣмъ не льзя было замѣтить. Теперь онъ на канунѣ Рождества всегда одѣтъ былъ въ пунцовое платье съ золотомъ, на лѣвой сторонѣ висѣла шпага, подъ рукою шляпа, голова была причесана тупеемъ, а назади завязанъ пучекъ съ кошелькомъ. Въ такомъ блестящемъ нарядѣ стоялъ онъ въ лавкѣ отца своего, и изъ учтивости щелкалъ младымъ дѣвушкамъ орѣшки, за что онъ называли его прекраснымъ Щелкунчикомъ.

На другое утро, Астрономъ обнялъ друга своего, восклицая: Это онъ! мы нашли его! — Теперь, любезный товарищъ, должны мы поступать осторожно. Во первыхъ, должны вы вашему племянничку придѣлать изъ крѣпкаго чернаго дерева самый акуратный пучекъ, который зависѣлъ бы совершенно

отъ нижней челюсти ; во вторыхъ, возвратясь въ столицу, мы долго будемъ скрывать, что обладаемъ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который разгрызетъ орѣхъ Кракатукъ. Я прочелъ въ его ороскопѣ, что многіе поломаютъ себѣ зубы, не возвратя принцессѣ красоты ея, и тогда Король будетъ обѣщать руку ея и свое царство тому, кто разгрызетъ орѣхъ.— Кукольный токарь очень обрадовался, услыша, что сынъ его женится на принцессѣ Пирлипатѣ, будеть принцемъ и королемъ, и отпустилъ его очень охотно на царство. — Пучекъ, придѣланный Дросельмейеромъ, такъ былъ удаченъ, что племянникъ не поморщившись могъ грызть самыя крѣпкія персиковые косточки.

Дросельмейеръ и Астрономъ дали знать въ столицѣ о благополучномъ открытии орѣха Кракатука, и не успѣли они прибыть ко двору, какъ нашли уже тамъ множество молодыхъ людей, и

разныхъ принцевъ , которые, полагаясь на здоровые свои зубы , всѣ вострили ихъ на разочарованье принцессы Пир-липаты. Ученые путешественники испугались, взглянувши на принцессу ; маленькое ея тулowiще, съ короткими ру-чёнками и ножонками, едва могло сдер-жать огромную , безобразную голову. Безобразіе лица еще являлось разитель-нѣе отъ бѣлой бороды , изъ хлопчатой бумаги составленной , которая окружала весь ротъ и почти весь подбородокъ .— Предсказанія Астронома сбылись въ точ-ности ; одинъ юноша въ бамшакахъ , за другимъ , ломалъ себѣ зубы и челюсть надъ непобѣдимымъ орѣхомъ , а прин-цессѣ все не было легче. Тогда Король , исполненный сердечной горести , обѣ-щалъ руку дочери и свое царство тому , кто разрушить очарованье.—Немедлен-но явился прекрасный , кроткій юноша Дросельмейеръ , и учию просилъ поз-воленія испытать свои зубы : онъ очень

понравился принцессъ Пирлипать ; го-
рестно положа руку на сердце , она
вздохнула и сказала : « Ахъ , если-бъ онъ
разгрызъ орѣхъ и на мнѣ женился ! » —
Молодой Дросельмейеръ поклонился
сперва Королю , потомъ Королевъ , по-
томъ принцессъ Пирлипать , принялъ
изъ рукъ Оберцеремоній-мейстера орѣхъ
Кракатукъ , сунулъ его въ зубы , потя-
нуль себя за пучекъ , щёлкъ ! — и мѣлки-
ми кусками посыпалась скорлупа . —
Искусно обчистилъ онъ зернышко , кра-
сиво шаркнувъ ногой ; подалъ его прин-
цессъ . Потомъ закрылъ глаза и началъ
отступать , не поворачиваясь . Принцесса
между тѣмъ скучала зернышко , и — о
чудо ! — исчезло ея безобразіе ! Она опять
сдѣлалась красавицей : лицо ея казалось
опять будто соткано изъ бѣлыхъ лилей и
розовыхъ листочковъ , глаза опять изъ бле-
стящей небесной лазури , густыя кудри
опять переливались золотомъ по тонень-
кой шейкѣ . — Трубы и литавры звучали

вмѣстѣ съ восклицаніями народа. Король и весь дворъ за нимъ скакали на одной ножкѣ, какъ въ самый день рожденія Пирлипаты, а Королева нюхала одеколонъ, чтобы не упасть въ обморокъ отъ восторга и радости. Вся эта тревога ни сколько не смущала молодаго Дро-сельмейера, который продолжалъ отступать условные свои семь шаговъ, и поставилъ уже ногу на седьмой шагъ, какъ вдругъ съ пискомъ и визгомъ подвернулась ему подъ каблукъ Г-жа Мы-шепрыга, и онъ, наступивъ на нее, такъ понялъся, что чуть не упалъ. — О судьба! — Въ то-же мгновеніе юноша точно тоже получилъ безобразіе, отъ котораго избавилъ принцессу Пирлипату. — Туловище его съѣжилось, срослось и едва сдерживало уродливую голову, съ большими выпуклыми глазами, и съ широкимъ, огромнымъ ртомъ. Вместо красиваго пучка висѣла сзади деревянная япанча и управляла всей нижней челюстью

рта.—Астрономъ и Часовой мастеръ были внѣ себя отъ жалости и удивленія. Между тѣмъ, раздавленная каблукомъ Г-жа Мышепрыга испускала послѣднее дыханіе. Она пищала и визжала изо всей своей силы: «О Кракатукъ! о крѣпкій орѣхъ! На смерть мнѣ и грѣхъ!—О черствый кусъ!—Окачуриваюсь!—Отмстить мой сынокъ, тебѣ Щелкунокъ!—О жизнь, прости!—Пи! пи! пи! пи!—Квикъ!»—Съ этимъ воплемъ скончалась Г-жа Мышепрыга; придворный истопникъ вынесъ ея тѣло. —Принцесса однако звала нетерпѣливо молодаго своего избавителя, и Король ожидалъ героя. Какъ скоро онъ предсталъ, въ безобразномъ своемъ превращеніи, принцесса закрыла лицо руками и закричала: «Прочь! прочь! я не хочу видѣть гадкаго Щелкуна!»—Гофмаршалъ взялъ его за маленькия плечи и вытолкнулъ вонъ. Король ужасно разсердился, когда увидѣлъ, что ему хотѣли втереть въ зястья орѣховаго

Щелкуна, и навсегда изгналъ изъ своихъ владѣній Часового мастера и Астронома.—Ороскопъ не предсказывалъ всѣхъ этихъ послѣствій, но изгнанные друзья въ утѣшеніе принялись снова за наблюденія, и по звѣздамъ вычислили, что молодой Дросельмейеръ, не смотря на свою уродливость, продолжаетъ быть принцемъ и королемъ. Уродливость-же его тогда только исчезнетъ, когда онъ собственной рукой побѣдить мышинаго Царя, сына королевы Мышепрыги, рожденаго ею послѣ смерти семи сыновей ея, съ семью головами; и когда какая нибудь прекрасная дама полюбитъ его, не смотря на безобразіе.—Съ тѣхъ поръ молодой Дросельмейеръ стоялъ каждое Рождество въ лавкѣ отца своего, хотя въ видѣ Орѣховаго Щелкунчика, но въ одѣждѣ принца. Теперь вы видите, дѣти, почему всѣ Орѣховые Щелкуны бывають безобразны.

Статскій Совѣтникъ замолчалъ. Маша

сказала, что Пирлипата негодная, неблагодарная принцесса; а Фединька увѣрялъ, что храброму Щелкуну нетрудно справиться съ Мышинымъ Царемъ, и возвратить себѣ прежнюю красоту.

Графъ

~~ДѢДѢ ЖѢЛѢЖѢНѢЕИХЪ.~~

Ежели кому нибудь изъ благосклонныхъ моихъ читателей удавалось порѣзаться стекломъ, то онъ знаетъ по опыту, какая это скучная рана, и какъ долго она не заживаетъ. Маша цѣлую недѣлю лежала въ постели, потому что слабость и круженіе головы не давали ей встать. Наконецъ она выздоровѣла, и могла опять весело прыгать по комнатамъ. Стеклянный ихъ шкафъ прекрасное представляль зрелище: вездѣ новые дома и цвѣты, и нарядныя куклы. Милый ея Щелкунчикъ стоялъ на второй полкѣ, и улыбаясь, показывалъ Машѣ цѣлый рядъ новыхъ, крѣпкихъ зубовъ.

Маша съ иѣжностію смотрѣла на своего любимца, вдругъ ей стало очень смутно на сердцѣ : она вспомнила всю непримиримую вражду мышинаго народа съ Щелкунами. Ей ясно было, что ея Щелкунъ есть самъ молодой Дросельмейеръ изъ Нюрнберга, прекрасный племянникъ дяди Дросельмейера, околдованный Мышепрыгой. — Даже пока рассказывали сказку, она не одной минуты не сомнѣвалась, чтобы искусный Часовой мастеръ, при дворѣ Пирлипатина отца, не былъ самъ Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ. — « Отъ чего дядя не помогъ тебѣ ? — отъ чего онъ за тебя не заступился ? » — печально спрашивала Маша, вспоминая то ужасное сраженіе, въ которомъ жизнь и царство Щелкуна въ такой были опасности. — « Развѣ всѣ другія куклы не признаютъ себя его подданными ? Развѣ не исполнилось предсказаніе Астронома, молодой Дросельмейеръ не царствуетъ ли въ кукольномъ царствѣ ? » — Умная

Маша, разсуждая такимъ образомъ, и приписывая жизнь и движение Щелкунчику и его подданнымъ, въ самомъ дѣлѣ ожидала отъ нихъ жизни и движенія. Но въ шкафу все было смироно; ничто не шевелилось, и Маша, въ этой безмолвности, должна была видѣть дѣйствіе чаръ Мышепрыги и сына ея.—«Вы со мной не говорите, милый Дросельмейеръ,» сказала она громко; «однакожъ я знаю, что вы меня понимаете и не сомнѣваетесь въ моемъ участіи, и въ желаніи помочь вамъ. — Я попрошу вашего дядюшку, чтобы и онъ не отказалъ намъ въ своей помощи.» — Щелкунъ молчалъ весело и спокойно; вдругъ Машѣ показалось, что легкій вздохъ перелетѣлъ сквозь стекло шкафа, и всѣ стекла едва слышнымъ, но необыкновенно пріятнымъ звукомъ зазвѣнѣли слѣдующія слова: «Маша милая! — спасенный тобой! — я твой! я твой!» — Маша ощущала неизъяснимую сладость, хотя морозъ какъ будто про-

бѣжалъ по всему тѣлу ея, при этихъ звукахъ. — Наступили сумерки, отецъ Штальбаумъ и дядя Дросельмейеръ вмѣстѣ вошли въ комнату, Луиза собрала чай, вся семья сѣла вокругъ стола и всѣ занялись веселымъ, общимъ разговоромъ. Маша тихонько придвинуло маленькое свое кресло къ ногамъ дяди Дросельмейера, устремила на него большие свои синіе глазки, и какъ скоро всѣ замолчали, сказала ему: «Теперь, милый Дядя, я знаю, что мой Щелкунъ, твой племянникъ, молодой Дросельмейеръ изъ Нюрнберга. Предсказанія Астронома сбылись: онъ принцъ, или лучше сказать Король, но вражда его съ мышинымъ Царемъ еще не кончилась; ты это знаешь, отъ чего-же не стараешься помочь ему?» — Тутъ опять разсказала сраженіе, все по порядку какъ она его видѣла: хотъ матери и Луизы часто прерывали ее. Оединька и Дросельмейеръ одни слушали, не смѣявшись. — «Откуда бе-

реть она такія бредни ? » сказалъ Коллежскій Асессоръ Штальбаумъ. — Ты знаешь, какое у нея живое воображеніе, » отвѣчала мать; « все это сонъ, бредъ горячки; помнишь, въ какомъ сильномъ была она жару ? » — « Не можетъ это быть правда, » говорилъ Федя; « красные мои гусары не могутъ быть такими тру-сами! — Справился-бы я съ ними, еслибъ этому вѣрилъ ! » — Дядя Дросельмейеръ, улыбаясь, взялъ Машу на колѣна и ласково говорилъ ей: « Милая Маша , ты также какъ Пирлипата принцессой уро-дилась: ты царствуешь въ прекрасномъ, блестящемъ государствѣ. — Много будетъ тебѣ однако горя, если захочешь брать подъ свое покровительство безобразнаго Щелкунчика. Мышиный Царь пресль-дуется его. — Я не могу спасти его ! Ты, ты одна будь тверда и постоянна ! » — Никто не понималъ, что значили эти Дросельмейеровы слова , только мать покачало головою и сказала: « Я какъ

будто знаю, что Г-нъ Статскій Совѣтникъ подъ этимъ разумѣеть, только словами выразить этого не умѣю.

МОВОДА.

Немного прошло послѣ этого времени; вдругъ однажды въ прекрасную, лунную ночь, странный шумъ и стукъ въ углу комнаты разбудилъ Машу. Она слышитъ, что катаются камышки, что визжать и свищутъ. «Ахъ, мыши! опять мыши!» закричала испуганная Маша, хотѣла разбудить мать, но отъ страха не могла двинуться ни однимъ членомъ. Маша видѣла, какъ мышиный Царь прогрызся сквозь щелку стѣны, какъ онъ побѣжалъ по комнатѣ, блистая глазами и семью вѣнцами своими; какъ наконецъ вскочилъ на маленький столикъ, который стоялъ подлѣ Машинъкиной постели: «Хи, хи! хи! хи! — отдай мнѣ свои карамельки! — отдай свои миндальныя лепешки! — не

то перетрызу твоего Щелкунчика, — твоего Щелкунчика. — Такъ пищаль мышиный Царь, страшно щёлкая зубами, и ворочая яркими своими глазами; потомъ спрыгнулъ со стола и убѣжалъ въ щелку. — Маша очень встревожилась ужаснымъ видѣніемъ, и на другой день была очень блѣдна, беспокойна и задумчива. Тысячу разъ готова она была открыть свое приключеніе матери или Луизѣ, или даже Фединькѣ, но всякой разъ раздумывала: «Они не повѣрятъ, и будутъ еще надо мной смеяться!» — Одно только было ей ясно; то, что для спасенія Щелкуна своего должна она отдать свои карамельки и всѣ миндальныя лепешки. Ввечеру Маша собрала всѣ свои конфекты и положила ихъ на нижнюю перекладину шкафа. — На другой день поутру мать говорила: «Не знаю откуда мыши пробрались въ нашу чайную комнату, посмотрите; у бѣдной Маши всѣ конфекты пойдены!» — Точно

такъ и было. Миндалъ показался, вѣро-
ятно, не вкусенъ прожорливому мыши-
ному Царю, онъ лепешекъ не съѣлъ, а
злыми зубами своими всѣ ихъ перегрызъ
и перекрошилъ. Маша не тужила о сво-
ихъ конфеткахъ, еще радовалась, что
могла, жертвуя ими, спасти своего прі-
ятеля.—Каково-же ей было, когда, въ
слѣдующую ночь, опять визгъ и свистъ
у нея надъ ухомъ разбудили ее? Ахъ,
мышиный Царь опять на столикѣ! Глаза
его еще страшнѣе сверкаютъ, зубы щел-
каютъ еще отвратительнѣе!—«Дѣвчён-
ка!»—шипѣлъ онъ Машъ въ ухо; пода-
вай мнѣ твои сахарныя куклы, подавай
твои драгантовыя игрушки, не то пе-
регрызу твоего Щелкунчика! твоего
Щелкунчика!»—Прошипѣлъ и упрыг-
нуль опять въ щелку. Маша очень огор-
чилась; по утру подошла къ шкафу и
стала печально пересматривать своихъ
сахарныхъ и драгантовыхъ куколъ.—
Печаль ея конечно была основательна,

и ты, милая слушательница Маша, никакъ вообразить не можешъ, какія у Маши Штальбаумъ превосходныя были куклы изъ сахару и драганту: пастухъ, съ миловидной пастушкой, пасли подъ деревомъ цѣлое стадо бѣлинъкихъ овечекъ и барашковъ, и смотрѣли на кудрявую собаку, которая рѣзвилась около нихъ; два почтальона съ письмами въ рукахъ; четыре пары щегольски наряженныхъ дѣвушекъ и мальчиковъ качались на круглыхъ качеляхъ; цѣлый балетъ танцовщиковъ и танцовщицъ; сѣдой пустынникъ; Орлеанская дѣва съ знаменемъ въ рукахъ; а любимая Машинъкина кукла была маленькое дитя, спелѣнutoе въ колыбелкѣ. Слезы полились у Маши изъ глазъ, когда она взглянула на него. «Ахъ,» сказала она, оберотясь къ Шелкунчику, «для вашего счастія, любезный Дросельмейеръ, я готова жертвовать всѣмъ; однако-же это очень тяжело!» — Шелкунъ смотрѣлъ

на нее такъ жалобно, что Маша видѣла уже разинутыя надъ нимъ семь пасть мышинаго Царя. Ввечеру установила она всѣ сахарныя свои куклы, опять на нижнюю перекладинку шкафа. Она перецѣловала пастуха, постушку, всѣхъ барашковъ, а малютку спеленутаго поставила позади всѣхъ. Орлеанская дѣва и пустынникъ выставлены были впередъ.

«Нѣтъ, это невыносимо!» сказала Г-жа Штальбаумъ на другой день по утру; вѣрно большая крыса поселилась у насть въ стеклянномъ шкафу: всѣ Машины сахарныя куколки въ мѣлкіе куски перегрызены. Маша не могла удержаться отъ слезъ, скоро однажъ утѣшилась, и улыбалась, думая: «что нужды! лишь бы спасти Щелкунчика!» — Ввечеру, когда пришелъ Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ, ему рассказали какія бѣды случились съ Машиными куклами, а отецъ Машинъ сказалъ: «Неужели не льзя поймать или прогнать мышь, которая всѣ Машины игруш-

ки такъ истребляетъ?» — Фединька, засмѣявшись, отвѣчалъ ему: «У сосѣда на-
шего, хлѣбника, живетъ превосходный
сѣрый Совѣтникъ Посольства, я при-
несу его сего дня, и онъ конечно не
дастъ шалить ни самой Г-жѣ Мышеп-
рыгѣ, ни сыну ея, семиголовому Царю. —
«Къ тому же,» прибавила, улыбаясь, мать,
«онъ попрыгаетъ по столамъ, да по пол-
камъ, и перебьетъ всѣ стаканы и чаш-
ки.» — «Нѣтъ, нѣтъ!» возразилъ Фединька,
«хлѣбниковъ Совѣтникъ Посольства хо-
рошо воспитанный, ученый баринъ, я
желалъ бы самъ умѣть такъ чопорно
ходить по кровлямъ, какъ онъ.» — «По-
жалуйста только не приноси кота твоего
на ночь,» сказала Луиза, которая тер-
пѣть не могла кошекъ. «Фединька правъ,»
сказалъ отецъ; надобно принять всѣ
средства противъ этихъ враговъ; поста-
вимъ западню; развѣ нѣтъ у насъ запа-
дни?» — «Намъ дастъ западню дядя Дро-
сельмейеръ,» сказалъ Фединька; «у него

безподобныя; вѣдь онъ ихъ выдумалъ!» — Всѣ засмѣялись, а Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ послалъ къ себѣ домой, и черезъ полчаса явилась превосходная мышеловка. ѡединька и Маша живо вспомнила сказку о Крѣпкомъ Орѣхѣ, побѣжали на кухню смотрѣть, какъ Дарья, жарила кусокъ ветчиннаго сала для западни, и Маша умилѣнѣмъ голосомъ сказала Дарьѣ: «Ахъ, добрая Королева! берегись Г-жи Мышепрыги и ея родственниковъ!» — ѡединька же выдернула саблю и говорилъ: «Пускай ихъ придутъ! со мною имъ плохія шутки!» — Подъ очагомъ и на кухнѣ все однакоже по прежнему оставалось спокойно. Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ привязалъ жареное сало на ниточку, повѣсили въ западню, и тихонько, тихонько приставилъ мышеловку къ шкафу.

Ахъ, что же было съ бѣдной Машинькой въ слѣдующую ночь! — Чѣмъ-то холодное пробѣжало у ней нѣсколько разъ

по рукѣ, потомъ прилегло къ щекѣ и надъ самыи ухомъ завизжало и запищало! — Гадкій мышиный Царь сидѣлъ на плечѣ ея, шипѣлъ семью своими пастями, скрипѣлъ и щелкалъ зубами, и пищалъ на ухо Машѣ, которая была почти безъ памяти отъ ужаса и страха. «Не пойду — не пойду — не пойду на твой пиръ; — не поддамся тебѣ; — не поймаешь меня; — давай мнѣ скорѣе всѣ твои книжки съ картинками, нарядное твое платьице; — подавай мнѣ все, все! — Шелкунчика сѣмъ; — перегрызу совсѣмъ; — и тебѣ покоя не дамъ; — хамъ, хамъ, хамъ; — хи, хи? хи! — пи, пи! квикъ!» — Маша встала по утру блѣдна и разстроена. Мать подумала, что она тужить о своихъ игрушкахъ, можетъ статья боится и мышей, и сказала ей: «Успокойся, Машинька! мы поймаемъ врага твоего; сего дня велю Фединъкѣ взять у хлѣбника сѣраго кота. — Какъ скоро Маша осталась одна въ чайной комнатѣ,

то подошла къ шкаfu и рыдая говорила Щелкунчику: «Ахъ, мой добрый, милый Дросельмейеръ! что я несчастная могу для васть сдѣлать? — Если и отдамъ теперь и книжки, и прекрасное платынце, которое мнѣ въ Рождество подарили, то у меня вѣдь больше ничего не останется, и придется гадкому мышиному Царю перегрызть меня самоё, вмѣсто васъ! — О я бѣдная дѣвочка! что мнѣ дѣлать!» — Маша плакала и рыдала неутѣшно; между тѣмъ, смотря на Щелкуну, примѣтила у него на шеѣ кровавое пятнышко, вѣроятно слѣдъ кровопролитнаго прежняго сраженія. Съ тѣхъ поръ какъ Маша знала, что Щелкунъ племянникъ Статскаго Совѣтника, молодой Дросельмейеръ изъ Нюрнберга, съ тѣхъ самыхъ поръ не брала она уже его на руки, не ласкала и не цѣловала; ей даже стыдно было его трогать. — Теперь она осторожно сняла его съ полки и стала носовыимъ своимъ платкомъ сти-

ратъ кровавое пятно съ шеи. Вдругъ почувствовала она, что Щелкунъ согрѣлся въ рукъ ея и зашевелился. Проворно поставила она его на полку; Щелкунъ, раздвигая ротъ съ большимъ усилиемъ, тихо прошепталъ ей: *Любезная девица Штальбаумъ, безцѣнный другъ мой! — вамъ, вамъ обязанъ я всѣмъ!* Не жертвуйте для меня вашими картинками, вашимъ прекраснымъ платьемъ; — достаньте мнѣ саблю! — саблю, и все рѣшится; — Щелкунъ замолчалъ и сердечнымъ умиленiemъ исполненные глаза его стали опять неподвижны; тусклы и вылуплены. Машу это не испугало; напротивъ! она запрыгала отъ радости, когда узнала средство спасти Щелкуня безъ всякой жертвы. — Однакоже гдѣ достать саблю? — Маша рѣшилась призвать Единьку на совѣтъ, и ввечеру, когда они остались одни у шкафа, рассказала ему все, что происходило между ею, Щелкуномъ и мышинымъ Царемъ, и сообщи-

ла единственное средство рѣшительно избавить Щелкуна отъ врага его. Щедринъка задумался, услышавши въ другой разъ отъ Маши, какъ дурно и трусливо вели себя его Гусары. Онъ потребовалъ, чтобы Маша въ третій разъ рассказала безчестный ихъ поступокъ, и когда она подтвердила прежнія слова свои, то Щедринъка скорыми шагами подошелъ къ шкафу, сказалъ Гусарамъ трогательное, поученіе, потомъ, въ наказаніе за ихъ эгоизмъ и трусость, срѣзаль всѣмъ до одного значки съ киверовъ ихъ, и запретилъ играть Гвардейскій Гусарскій маршъ до слѣдующаго Рождества. Исполненный горестью послѣ совершенія сего строгаго, но необходимаго наказанія, онъ обернулся къ Машѣ и сказалъ ей: «Чтобъ же касается до сабли, то я могу помочь твоему Щелкунчику; вчера уволилъ я въ отставку одного Кирасирскаго Полковника съ полной пенсіей; увѣренъ, что онъ уступить

намъ свою саблю, потому что ему она теперь совсѣмъ не нужна. — Упомянутый Полковникъ жилъ своей пенсіей на третьемъ полкѣ въ дальнемъ углу, и охотно подарилъ Щелкуну блестящую, острую свою саблю.

Въ слѣдующую ночь, Маша отъ страха никакъ не могла заснуть: вдругъ, въ самую полночь услышала она въ чайнай горницѣ необыкновенную тревогу, шипѣнья мышей, бряканье сабли, стукъ, шумъ. — Вдругъ раздался громкій: *Квикъ!* — «Мышиный Царь! Мышиный Царь!» закричала Маша, и съ ужасомъ вскочила съ постели. — Все снова затихло; — вотъ, слышитъ; тихо, тихо кто-то стучится въ дверь; слабый пріятный голосъ долетѣлъ къ ней: «Почтенная дѣвица Щельбаумъ, позвольте войти! — Добрыя вѣсти! добрыя вѣсти!» — Маша узнала голосъ молодаго Дросельмейера, накинула шлафрокъ и спѣшила отворить дверь. Щелкунъ стоялъ у дверей съ окровавлен-

ной саблей въ правой рукѣ, и съ восковымъ желтымъ огарочкомъ въ лѣвой. Увидя Машу, онъ сталъ на одно колѣно, и говорилъ ей такъ: «Ты одна, о красавица! сдѣлала меня рыцаремъ! ты дала рукѣ моей силу ополчиться и побѣдить дерзновеннааго, осмѣлившагося оскорбить тебя! — Мышиный Царь плаваетъ мертвый къ крови своей! Прими, о красавица! залогъ побѣды отъ вѣрнаго, до гроба тебѣ преданнаго рыцаря!» — Сказавши сіи слова, Щелкунъ весьма ловко скатилъ съ руки вздѣтые на нее семь вѣнцевъ золотыхъ, и подальше ихъ Машѣ, которая съ великою радостью принялѣа ихъ. — Щелкунъ всталъ послѣ этой рѣчи, и сказалъ Машѣ: «Ахъ, почтенная дѣвица Штальбаумъ, теперь, не бояся враговъ, какія могъ бы вамъ превосходныя показать вещи, еслиъ вы согласились идти со мною! — О пойдемте? пойдемте, пожалуйста!»

ЖУКОВОЕ ЦАРСТВО.

Вѣрно всякой изъ васъ, дѣти, согласился бы слѣдовать за добрымъ, честнымъ Щелкуномъ, который ничего злого никогда и въ помышлениіи не имѣлъ. Маша тѣмъ охотнѣе пошла съ ними, что вѣрила его благодарности и обѣщаю показать превосходныя вещи. — «Я пойду съ вами, милый Дросельмейеръ,» сказала она ему, «только не далеко, и не надолго: вѣдь я еще уснуть на успѣла.» — «Если такъ,» отвѣчалъ Щелкунъ, «то мы выберемъ самую близкую дорогу, не смотря на то, что она не совсѣмъ спокойна.» Онъ пошелъ впередъ, Маша за нимъ, и пришли они къ большому шкафу съ платьемъ, который стоялъ въ сѣняхъ. Маша съ удивленіемъ, примѣтила, что дверцы всегда тщательно запертаго шкафа растворены настежь, и дорожная, лисья шуба отца ея висить, спустя рукава: Щелкунъ остановился

подлѣ нея, очень ловко вскарабкался по швамъ шубы до самаго большаго воротника ея; тамъ, схватилъ кисть толстаго снурка, прикрепленнаго къ воротнику, потянулъ за нее крѣпко, и тоненькая, красивая деревянная лѣсница покатилась, развиваясь ступеньками, изъ рукова шубы.—«Взойдите на нее, не бойтесь, милая Маша,» говорилъ Щелкунъ. Маша пошла; и лишь только пролѣзла черезъ рукавъ шубы, лишь только поровнялась съ воротникомъ, какъ яркой, блестящій свѣтъ разлился передъ нею, и она очутилась на прекрасномъ, благовонномъ лугу, гдѣ миллионъ искръ сверкали какъ будто разноцвѣтные камни.—«Мы теперь на Леденцовомъ лугу,» сказалъ Щелкунъ; «пройдемте сквозь эти ворота.» Ворота, стоявшія передъ Машей, казались слиты изъ бѣлаго и темноизюмнаго мрамора, подойдя къ нимъ, Маша догадалась, что онѣ составлены изъ искусно вмѣстѣ спеченаго миндалю и

изюму, Щелкунъ потвердилъ ея догадку. Въ одной галлереѣ изъ малиновыхъ карамелекъ, пристроенной къ воротамъ, шесть маленькихъ обезьянъ въ красныхъ мундирахъ играли разные Турецкіе марши, и Маша такъ заслушилась музыки, что со всемъ не примѣчала куда и какъ шла.—Скоро подошла она къ густому лѣсу, по обѣимъ сторонамъ дороги простирающемуся. На каждомъ деревѣ сіяло столько свѣчекъ, что, не смотря на густоту лѣса, можно было видѣть, какъ между темнозелеными листьями качались золотые и серебряные плоды, какъ всѣ вѣтки украшены были разноцвѣтными лентами и пестрыми цвѣтами, такъ что каждое дерево казалось веселымъ, свадебнымъ гостемъ. Жасминный и померанцовый запахъ проносился между деревьями, фольга въ листьяхъ звѣнѣла и пѣла, какъ плясовая музыка, а свѣчки блестѣли и сверкали часть отъ часу ярче, и ярче. — «Ахъ какъ здѣсь

хорошо, вскричала восхищенная Маша «Мы проходимъ теперь Рожественскій лѣсъ,» сказалъ ей Щелкунъ.—«О, не лѣзя ли мнѣ нѣсколько минутъ здѣсь побыть?» спросила Маша; «здѣсь такъ хорошо!» Щелкунъ ударилъ три раза въ ладоши, и тотчасъ явились маленькие пастухи и пастушки, амазонки, стрѣлки охотники, которыхъ Маша прежде въ лѣсу не примѣтила, и которые такъ были бѣлы и нѣжны, что казалось вылиты изъ чистаго сахара рафинату. Они принесли узорное золотое кресло, положили на него мягкую подушку изъ дѣвичьей кожи, и учтиво просили Машу сѣсть.—Потомъ охотники стали играть на рожкахъ, пастухи и пастушки протанцевали балетъ, и послѣ всѣ исчезли за кустами.—«Извините, любезная Маша,» сказалъ Щелкунъ, «если танцы эти вамъ кажутся неуклюжи; актеры для васъ прибѣжали съ проволочного театра и невольны въ своихъ движеніяхъ: вы знаете сами, что они обязаны плясать вѣчно

одинакимъ манеромъ.—Но не угодно ли вамъ теперь идти далъе?»—«Все это прекрасно, и все мнѣ очень понравилось,» отвѣчала Маша, вставая и пускаясь въ путь съ проводникомъ своимъ. Они подошли къ сладко журчащему ручью, котораго благовоніемъ весь лѣсъ былъ наполненъ, «Это апельсинная рѣка,» сказала Щелкунъ, «приправленная померанцовымъ цвѣтомъ. Она знаменита своимъ благоуханіемъ, однажды быстротою и обширностью не можетъ сравниться съ лимонадной рѣкой, которая, также какъ и эта, впадаетъ въ море Миндаль-наго молока.» — Скоро Маша услышала плесканье волнъ и журчанье широкой лимонадной рѣки, которая, извиваясь палевыми волнами, бѣжала сквозь блестящую зелень луга. Отрадная прохлада разливалась вокругъ нея.—Неподалеку другая рѣка темножелтаго цвѣта медленно катила густыя струи свои; множество ребятишекъ сидѣли на берегу и

ловили рыбу. Маша примѣтила, что рыбки были иные толстые, иные круглые, очень похожи на кедровые, простые, и волошскіе орѣхи. Дѣти, поймавши, кушали ихъ безъ всякихъ приготовленій. Въ нѣкоторомъ разстояніи лежалъ красивый городокъ ; дома въ немъ, башни, конюшни, амбары, бесѣдки, все было темнокорищневаго цвѣта съ позолоченными кровлями; многіе дома такъ пестро были расписаны, что казались уклѣбенными миндалемъ и лимонной коркой. «Это Пряникенбургъ,» сказалъ Щелкунъ, выстроенный при Медовой рѣкѣ; жаль только, что жители весьма не веселаго нрава; у нихъ у всѣхъ очень болятъ зубы; пойдемте далѣе, Маша!»—Они пошли прямо къ другому городку, пестрому, разноцвѣтному, въ которомъ всѣ дома были полупрозрачны. Маша услышала громкое веселое лепетанье, и увидѣла, что больше тысячи маленькихъ человѣковъ выкладываютъ изъ миожества навыочен-

ныхъ повозокъ, различный товаръ. Вся вынутая поклажа очень была похожа на шоколадные дощечки, и на цветную, различныхъ красокъ, бумагу.— «Мы теперь въ Конфектной пристани,» сказалъ Щелкунъ: «сюю минуту пришло посольство отъ Шоколаднаго Царя изъ Бумажнаго Государства. Недавно дома бѣдныхъ приморскихъ жителей были очень попорчены нашествіями Муравейскаго войска, и потому, какъ вы видите, шоколадный Государь прислалъ имъ шоколаду на постройку укрѣпленій, и разноцветной бумаги на крышу домовъ.— Однакоже, любезная дѣвица Штальбаумъ, намъ невозможно будетъ поспѣть въ столицу, если станемъ осматривать всѣ маленькие города и деревни этого Государства. Поспѣшимъ въ столицу! въ столицу!»— Щелкунъ шелъ впереди скорыми шагами, Маша слѣдовала за нимъ съ большимъ любопытствомъ. Скоро повѣялъ имъ сладкій розовый запахъ, и розовый свѣтъ

разлился на всѣ предметы. Маша уви-
дѣла, что это отблескъ сіянія Розоваго
моря, которое предъ ними плескало се-
ребрянорозовыя свои волны, и мелоди-
ческими звуками катило розовыя струи.
На морѣ плавали прекрасные бѣлые ле-
беди, съ золотыми ошейниками, и пѣли
неизъяснимо пріятныя пѣсни. Бр илантовыя
рыбки выскакивали, чтобы ихъ слу-
шать, и прятались опять въ румяныя во-
ды. — «Ахъ,» сказала восхищенная Маша,
это море, которое хотѣлъ мнѣ сдѣлать
дядя Дросельмейеръ, а я буду та дѣ-
вочка, которая съ лебедями разговари-
ваетъ.» Щелкунъ насмѣшилово улыбнулся
и отвѣчалъ ей: «Дядя Дросельмейеръ
этого сдѣлать не въ состояніи, скорѣй
вы сами, милая Маша! — Но обѣ этомъ
толковать нечего; поѣдемъ лучше черезъ
это румяное море въ столицу.

СРОДИЩА.

Щелкунчикъ захлопалъ въ ладоши, и вотъ розовыя волны румянааго моря начали быстро колебаться, высоко взлетать вверхъ, и брызгами разсыпаться, и Маша видитъ, что подплываетъ пестрый, солнечными лучами раззолоченный, разноцвѣтными каменьями разпещреный, раковинный корабль. — Два золоточешуйчатые дельфина везли его. Двѣнадцать крошечныхъ Мавровъ, наряженные въ шапочки и фартуки изъ колибриныхъ перушекъ, выпрыгнули изъ корабля на берегъ, взяли на руки сперва Машу, потомъ Щелкуна, и тихо плывя по волнамъ, понесли ихъ въ корабль. — Ну, можетъ-ли какое нибудь морское путешествіе быть великолѣпнѣе и пріятнѣе? Плыть въ блестящей раковинѣ, по румянымъ волнамъ, при розовомъ дыханьи тиховѣющаго вѣтерка! Золоточешуйча-

тые дельфины поднимали ноздри, и высоко пускали вверхъ струистые фонтаны, которые, падая, разсыпались миллионами блестящихъ радугъ; а въ звонъ играющихъ брызговъ, два серебряные голоса казалось поютъ: « Кто плыветь по розовому морю? — Фея, фея плыветь! — Мушки, ши, ши! — Рыбки, зи, зи! — Бѣлые лебеди, клангъ, клангъ! — Пестрыя птички, чикъ, чикъ! — Волны пойте, брызгайте, скачите! — Фея, фея плыветь! Море розовое вздымай, качай, плескай! Неси, неси! » — Мавры, стоявшіе назади раковинки, казалось, не рады были этой пѣсенки Дельфиновъ; они щумѣли лиственными своими зонтиками, топали ногами не въ тактъ, пѣли совсѣмъ не подъ ладъ свою шумную, веселую пѣсню. Щелкунѣ невольно смущился: « Мавры народъ беспокойный, » сказалъ онъ Машѣ; « боюсь, чтобы они не взбунтовали намъ моря. » — Въ самомъ дѣлѣ и въ воздухъ и въ волнахъ стали разливать-

ся и плескаться множество нестройныхъ звуковъ, множество различныхъ голосовъ, но Маша ничего не боялась, и смотрѣла пристально въ розовыя воды, откуда улыбалось ей милинькое, хорошенькое лицико. — «Ахъ,» съ радостью вскрикнула она, и вспеснула руками; «взгляните, взгляните, любезный Др- сельмейеръ! тамъ внизу принцессы Пир- липата глядить на меня, и ласково мнѣ улыбается.» — Щелкунъ вздохнулъ и печально отвѣчалъ ей: «О любезная и почтенная дѣвица Штальбаумъ, тамъ не принцессы Пирлипата, тамъ вы! вездѣ вы! вы одиѣ! — и ваше милое лицико улыбается вамъ изъ глубины Розоваго моря!» — Маша покраснѣла и перестала глядѣться въ воды. — Въ это мгновеніе раковина пристала къ берегу, и Мавры вынесли Машу на землю. Она очутилась въ прекрасной рощицѣ, такой-же свѣтлой, такой-же праздничной, какъ Роже- ственскій лѣсъ, но пріятнѣе еще отъ

неизъяснимо сладостнаго благовонія, разливающагося по ней всюду. Оно происходило отъ безчетнаго множества въ сахаръ вареныхъ различныхъ плодовъ, висящихъ вездѣ по вѣткамъ.—«Это конфектная роща,» сказалъ Щелкунъ, «въ двухъ шагахъ отъ столицы.»—Невозможно описать вамъ, дѣти, прелесть и великолѣпіе того города, который представился Машинъкинымъ взорамъ! Всѣ стѣны и башни, не только свѣтились разноцвѣтными красками, но здѣсь на землѣ не льзя найти формъ для изображенія особеннаго вида всѣхъ чудныхъ строеній. Дома, вмѣсто кровель, увѣнчаны были различными коронами, башни оббиты цвѣточными гирляндами и разноцвѣтною зеленью. Когда они прошли ворота, искусно составленныя изъ различныхъ печеній и фруктовыхъ конфектъ, то цѣлая рота серебряныхъ солдатъ отдала имъ честь ружьемъ, и одинъ мужчина въ парчевомъ халатѣ бросился обни-

мать Щелкуна, восклицая. «Здравствуйте, здравствуйте, любезный принцъ! пора вамъ въ нашъ Конфетенбургъ!» — Маша обрадовалась, услыша, что такой знатный господинъ называетъ Щелкуна принцемъ. Между тѣмъ около нея такой происходилъ шумъ, столько тоненькихъ голосовъ говорили вдругъ, такой раздавался хохотъ, лепетанье, такія пѣсни, игры, что она едва могла опомниться. «Не удивляйтесь, любезная дѣвица Штальбаумъ,» сказалъ ей Щелкунъ, «Конфетенбургъ многолюдный веселый городъ; тутъ безпрерывная толкотня и суматоха. Угодно-ли идти далъе? — Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, пришли они на большую площадь, где все было очаровательно. Дома вокругъ были отличной сахарной работы, одна красивая галлерея возвышалась надъ другою: по серединѣ стоялъ высокій малиновый пирогъ въ видѣ обелиска, около него фонтанами были различные сыропы, оршадъ,

лимонадъ и прочіе подобные напитки. Падая въ басейнъ, пѣна ихъ составляла различные кремы и желе, и ихъ тотчасъ можно было кушать. Больше всего забавляли Машу эти тысячи маленькихъ человѣчковъ, которые не отдыхая сутились, бѣгали, плясали, хохотали, пѣли и шумѣли какъ кому хотѣлось. Всѣ были одѣты въ разнохарактерные костюмы, кто Армяниномъ, кто Жидомъ, кто старинными Маркизами, кто бариномъ и барынями, Тирольцами, офицерами, солдатами, пастухами, танцовщиками, актерами, рыцарями, красавцами, паяцами, однимъ словомъ всякими нарядами, какіе только на свѣтѣ быть могутъ. Въ одномъ углу площади засуетился народъ: вотъ, Маша видѣть, несутъ великаго Могола въ паланкинѣ, за нимъ идутъ 93 вельможи двора его и 700 невольниковъ. — Посмотрѣла въ другой уголъ: тамъ 500 рыбаковъ празднуютъ какую-то знаменитую ловлю, и

что-же? Турецкий Султанъ, съ тремя
тысячью Янычаръ, проѣзжаетъ верхомъ;
и вотъ на бѣду, толпа жрецовъ и жрицъ
съ колокольчиками и гимнами въ то-же
время по этой сторонѣ площади совер-
шаютъ торжественное шествіе. Всѣ
столкнулись, смѣшались! — Крикъ, шумъ,
аханье! — Рыбакъ нечаянно сломалъ голо-
ву одному Брамину, а паяцъ опрокинулъ
Великаго Могола. — Часть отъ часу крики
становились громче, Машъ начинало быть
страшно; вдругъ господинъ въ парче-
вомъ шлафрокѣ, встрѣтившій Щелкуна у
воротъ, взлѣзъ на малиновый пирогъ,
ударилъ три раза въ звонкій вѣчевой
колоколъ, который висѣлъ на верху
пирога, и громко возгласилъ: «Конди-
торъ! Кондиторъ! Кондиторъ!» — Тотчасъ
шумъ умолкъ, вся толпа распуталась,
Великій Моголъ обтерся, Брамину при-
лѣпили голову, и веселье, и пляски
началось снова, какъ будто ничего не-
пріятнаго не бывало. — «Что-же значитъ

тутъ Кондиторъ?» — спросила Маша. — « Ахъ, любезная дѣвица Штальбаумъ, » отвѣчалъ Щелкунъ, « Кондиторомъ называется здѣсь невидимая страшно могущая сила, о которой думаютъ, будто она изъ человѣковъ дѣлаетъ все, что хочетъ. Кондиторъ судьба, управляющая веселымъ, здѣшнимъ народомъ, и вселяющая въ него такой ужасъ, что при одномъ его имени, всякое неустройство прекращается. Вы видѣли, что сдѣлалъ Городничій? — Раздается это таинственное имя, и все земное умолкаетъ, каждый перестаетъ думать о толчкахъ и ушибахъ, каждый входитъ въ себя и говоритъ: что такое человѣкъ! и что изъ него будетъ?»

Маша прошла еще нѣсколько шаговъ, и не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть отъ удивленія, когда подошла ко дворцу. Двѣсти башенъ, возвышающейся на его кровлѣ, освѣщены были какимъ-

то особенно блестящимъ розовымъ сияниемъ. Всюдъ по стѣнамъ висѣли отлично сдѣланныя изъ сахара пестрыя гирланды, качались сахарные пучки левкоевъ, гвоздикъ, нарцисовъ, фіялокъ, тюльпановъ, розъ, и темные колера ихъ выставляли ярче бѣлорозовый блескъ дворцовыхъ стѣнъ. Огромный куполь средняго строенія, и пирамидальныя кровли окружныхъ башенъ усыяны были тысячию золотистыхъ, изумрудныхъ, рубиновыхъ звѣздъ.—Маша примѣтила, что у одной изъ башенъ недоставало кровли, и множество маленькихъ человѣчковъ, подмостившись на корицневыхъ бревнахъ, работали надъ этой кровлей.— «Недавно этому Миндальному дворцу большая угрожала опасность,» сказалъ Щелкунъ. Великанъ Обѣдало шель мимо, скусилъ кровлю у одной башни, и вострилъ уже зубы на середній куполь, но жители Конфетенбурга поднесли ему цѣлую четверть своего города

и значительную часть конфектной рощи: удовольствовавшись этой добровольной данью, онъ продолжалъ путь свой дальше. » — Тутъ во дворцѣ послышалась восхитительная музыка, двери растворились, и двѣнадцать маленькихъ пажей, съ зажжеными гвоздичными головками въ рукахъ, выступили церемонно изъ дворца. — Голова у этихъ пажей была сдѣлана изъ одной крупной жемчужины, туловище изъ яхонтовъ и изумрудовъ, а ножки и ручки золотыя. За ними шли четыре дамы, ростомъ съ Машинькину Мамзель Адель, но въ такомъ ослѣпительно великолѣпномъ нарядѣ, что Маша узнала тотчасъ урожденныхъ Принцессъ. — Онъ бросились обнимать Щелкуна, и восклицали нѣжно: « О принцъ, любезный принцъ! — О братецъ! » — Щелкунъ былъ очень растроганъ и утиралъ текущія по щекамъ слезы, потомъ взялъ Машу за руку и торжественно сказалъ: « Честь имъю рекомендовать вамъ Машу,

дѣвицу Штальбаумъ, дочь искуснаго Доктора Медицины и спасительницу моей жизни! — Она бросила въ Мышинаго Царя башмакъ свой ; она доставила мнѣ саблю отъ стараго подполковника ; безъ нея лежалъ-бы я перегрызенный Мышинымъ Царемъ ! — Принцесса Пирлипата урожденная принцессой , сравнится-ли съ дѣвицею Штальбаумъ красотою , добротелю и благодѣтельностью ? Нѣтъ ! говорю я , нѣтъ ! » — Всѣ дамы воскликнули : « Нѣтъ ! » — и рыдая бросились къ Машѣ на шею. — « О , великодушная избавительница нашего любезнаго принца ! О несравненная дѣвица Штальбаумъ ! » — Послѣ сихъ восклицаній , дамы проводили Машу и Щелкуна во внутренность дворца ; Машѣ больше всего полюбилась одна комната , въ которой всѣ стѣны составлены были изъ разноцвѣтныхъ хрусталей : маленькие стулья , комоды , бюро , горки , ящички изъ краснаго дерева , такъ превосходно были сдѣланы ,

что приводили Машу въ восхищенье. Принцессы посадили Машу и Щелкуна на диванъ, а сами принялись готовить обѣдъ.—Сей часъ принесли онъ множество маленькихъ горшечковъ, тарелокъ, блюдъ, чашь, соусниковъ, судочковъ, все изъ лучшаго Саксонскаго фарфора; кастрюли, вилки, ножи, ложки, кочерги, сковороды и пр., все было изъ чистаго золота или серебра.—Потомъ принесли превосходнаго различнаго варенья, всякаго рода плодовъ, свѣжихъ и вареныхъ въ сахарѣ, всякаго рода конфектъ, и начали бѣлинькими своими ручками толочь пряные коренья, разрѣзывать плоды, тереть на тёркѣ миндаль, и такъ ловко стряпать и хозяйничать, что Машѣ очень захотѣлось показать принцессамъ, что и она въ этомъ дѣлѣ мастерица.—Меньшая Щелкунчикова сестра, какъ будто отгадала Машиныко тайное желаніе, подала ей иготку и сказала: «Безцѣнныи другъ! несравненная спасительница

брата моего! Натолки немножко леден-
цу!» — Маша съ удовольствiемъ взяла
золотую иготку, стала толочь, и слу-
шала въ одно время какъ пѣль чудно-
звукную пѣсенку золотой ея пестикъ,
и какъ Щелкунъ разсказывалъ сестрамъ
всю исторiю битвы своей съ Мышинымъ
Царемъ, и великодушнаго заступленiя
Маши. — Машъ стало казаться, будто рѣчи
Щелкуна все далѣе и далѣе отъ нея
отходили, будто пестикъ, толкаясь объ
иготку, все глуше и глуше звѣнѣль, и
исчезалъ въ какомъ-то серебряномъ ды-
мѣ; — будто дымъ этотъ какъ облако
окружилъ ее, Щелкуна, принцессъ, па-
жей; пѣнiе все утихало, все улетало
далѣе и далѣе; Маша сама стала под-
ниматься; — выше—выше—выше—выше.—

ОКОНЧАНИЕ.

Бухъ! — Маша упала съ необычайной
вышины! — Открывши глаза, увидѣла

оѣ, что лежить на своей постель, день ярко свѣтилъ во всѣ глаза, Маминька стояла передъ иею и говорила: «Какъ можно такъ спать? завтракъ давно на столѣ!» — Ты понимаешь, почтенная внимательная публика, что Маша, утомленная всѣми видѣнными чудесами, заснула въ Миндальномъ дворцѣ, и что Мавры, или Пажи, или сами принцессы отнесли ее на постель, — «Ахъ, Маминька! милая Маминька! куда меня молодой Дросельмейеръ вынче ночью водилъ! что я видѣла!» — И Маша стала рассказывать видѣнное ею, почти также какъ я рассказалъ вамъ теперь; Маминька съ удивленіемъ смотрѣла на кее: «Ты все это во снѣ видѣла, милая Маша; брось всѣ эти глупости и проснись совсѣмъ.» — Маша настаивала на томъ, что все это не сонъ; тогда Маминька подвела ее къ шкафу, вынула изъ него Щелкуна, который по обыкновенію стоялъ на третьей полкѣ, и сказала: — «Ну, какже ты мо-

жешь, дурочка, вѣрить, чтобы Нюрибергская деревянная кукла могла жить и двигаться?» — «Ахъ, Маминька,» отвечала Маша, «я знаю, что мой Щелкунчик молодой Дросельмейеръ изъ Нюриберга, племянникъ нашего дяди Дросельмейера!» — Тогда оба отецъ и мать принялись громко хохотать. — «Вотъ, Папинька,» говорила Маша почти сквозь слезы, ты насмѣхаешься надъ моимъ Щелкунчикомъ, а онъ сказалъ сестрамъ, при всемъ дворѣ своемъ, что ты искусный и уваженный Докторъ. — Хохотъ продолжался, даже Луиза и Фединька смѣялись. Маша побѣжала тогда въ другую комнату, достала изъ своего ящичка семь вѣнцевъ Мышинаго Царя и подала ихъ матери: «Посмотрите, Маминька, посмотрите! вотъ семь вѣнцевъ Мышинаго Царя, молодой Дросельмейеръ въ прошедшую ночь подарилъ мнѣ ихъ залогъ своей побѣды. — Мать съ удивлениемъ разматривала сіяющіе маленькие

вѣнцы, сдѣланные изъ неизвѣстнаго еї металла. Казалось рукамъ человѣческимъ невозможно дойдти до такой совершенно искусной работы. Отецъ дивился имъ также, наконецъ оба строгимъ голосомъ стали допрашивать Машу, откуда она взяла эти вѣнцы? — Маша повторяла сказанное прежде, но когда отецъ съ досадой назвалъ ее лгуньей, то она заплакала горько. « О я бѣдная, бѣдная дѣвочка! — Чѣмъ могу оправдаться? » — Въ эту минуту дверь растворилась, и Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ, вошедши, закричалъ имъ: « Чѣмъ это? Чѣмъ у васъ такое? крестница моя рыдаетъ и плачетъ? — Чѣмъ у васъ сдѣлалось? » — Докторъ Шталбаумъ рассказалъ Дросельмейеру все произшедшее, и подалъ ему вѣнцы. Дросельмейеръ захочоталъ и сказалъ имъ: « Глупый вздоръ! глупый вздоръ! Эти вѣнцы я носилъ прежде на часахъ, и подарилъ ихъ Машѣ, когда еї минуло два года.

Развѣ вы забыли! — Никто этого подарка не помнилъ, и Маша увидѣвши, что лица родителей ея опять развеселились, подбѣжала къ Статскому Совѣтнику и сказала ему: «Дядя Дросельмейеръ, ты знаешь все! скажи пмъ, что мой Щелкунъ племянникъ твой, молодой Дросельмейеръ изъ Нюриберга, и что онъ подарилъ мнѣ эти вѣнцы!» — Статскій Совѣтникъ нахмурился и прорвичалъ: «Чепуха! глупый вздоръ!» — Тутъ отецъ взялъ Машу за руку и очень серьёзно сказалъ ей: «Слушай, Маша! брось всѣ эти бредни и вздоры; если ты еще разъ скажешь, что деревянный уродъ Щелкунъ племянникъ господина Статскаго Совѣтника Дросельмейера, то я не только Щелкуна, да и всѣ куклы твои, не исключая Мамзель Адели, выброшу за окошко!» — Бѣдная Маша послѣ этого запрещенія не могла говорить о томъ, чѣмъ была наполнена душа ея: ведь такихъ чудесъ, какія видѣла Ма-

ша, забыть никому невозможно. Самъ Фединъка отворачивался отъ сестры, когда она начинала ему рассказывать о томъ счастіи, которымъ наслаждалась въ эту знаменитую ночь. Однажды проворчалъ онъ сквозь зубы: «Сумасшедшая дѣвочка!» — Я не совсѣмъ вѣрю такой грубости; Фединъка былъ добръ, а доброму мальчику грубить сестрѣ не годится; вѣрно однакоже то, что, усумнившись въ истинѣ Машиныхъ видѣній, онъ при цѣломъ войскѣ, въ парадѣ выстроенномъ, просилъ формально извиненія у гусаръ своихъ, прикрѣпилъ къ киверамъ ихъ мохнатые значки изъ крашеныхъ гусиныхъ перьевъ, гораздо выше прежнихъ, и позволилъ играть гвардейскій маршъ. — Ну, а мы будто и не знаемъ какъ дѣло происходило! не знаемъ какова была храбрость красныхъ гусаръ, когда посыпались ядра на мундиры ихъ.

Маша перестала говорить о своемъ приключеніи; но воспоминанія волшеб-

наго края посыпались около нея сладостной тайною, и тихими звуками въ ней отзывались; она перестала по прежнему играть, а сидѣла погрузившись въ мечты свои, за что ее часто брали. Однажды случилось, что дядя Дросельмейеръ пришелъ чинить часы, стоящіе въ чайной комнатѣ, Маша сидѣла у стекляннаго шкафа, и забывшись сказала громко: «Ахъ милый Дросельмейеръ! если-бы вы были живые, я бы не такая была, какъ принцессы Пирлипата, и не отвергла-бы руки вашей за то, что для моего спасенія вы сдѣлались уродомъ!»—Статскій Совѣтникъ закричалъ: «Эй, эй, глупый вздоръ!»—И въ то-же мгновеніе Маша услышала такой трескъ и шумъ, что безъ памяти упала съ своихъ креселъ. — Когда она опомнилась, то видѣла, что Маминъка стоитъ передъ нею, и говоритъ ей: «Какъ не стыдно такой большой девушки падать со стула? Встань, оправься, и будь весела!»

Къ намъ пріѣхалъ изъ Нюрнберга племянникъ Статскаго Совѣтника Дросельмейера: познакомься съ нимъ! » — Маша обернулась: Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ стоялъ опять наряженный въ праздничный сертукъ, въ стеклянный парикъ свой, и держалъ за руку маленькаго, но очень красиваго молодаго человѣка. Лице его было какъ кровь съ молокомъ; одежда: красный съ золотомъ фракъ, шелковые чулки и башмаки, большой букетъ цветовъ въ петлицѣ, и красивый пучокъ назади волосъ; подъ мышкой лоснящаяся, какъ шелкъ, шляпа, а на лѣвомъ боку блестящая разноцвѣтными каменьями сабля. — Маша привезъ онъ изъ Нюрнберга множество прекрасныхъ игрушекъ, и еще точно такихъ, какія перегрызъ Мышиный Царь, тортовъ миндальныхъ и лепешекъ, и всякихъ конфектъ, а Оединъкъ безподобную саблю. — За столомъ весьма учтиво грызъ онъ на все общество орѣхи, са-

мые крѣпкіе были ему не по чѣмъ , по-
ложитъ въ ротъ , дернетъ себя за пу-
чекъ—щелкъ!—и полетѣли скорлупки!
—Маша покраснѣла до ушей, увидѣвши
молодаго красавца. Послѣ обѣда пошли
они вмѣстѣ къ стеклянному шкафу, и
она покраснѣла еще больше , когда мо-
лодой Дросельмейеръ, оставшись съ ней
на единѣ , сталъ передъ ней на колѣна
и сказалъ: «Несравненная дѣвица Шталь-
баумъ! здѣсь у ногъ вашихъ спасенный
вами счастливый Дросельмейеръ! Здѣсь
спасли вы мнѣ жизнь , здѣсь сказали
вы , что не отвергли-бы меня , подоб-
но принцессѣ Пирлипать , если-бы я
для васъ сдѣлался безобразнымъ.
Въ ту-же минуту исчезла моя уродли-
вость и я принялъ свой прежній , не
совсѣмъ противный образъ. О несравнен-
ная дѣвица ! осчастливьте меня рукою
свою! раздѣлите со мною тронъ и цар-
ство! Властвуйте со мною въ Миндаль-
номъ дворцѣ , гдѣ я теперь царствую!»

— Маша подняла юношу и тихимъ голосомъ сказала: «Вы добрый человѣкъ, милый Дросельмейеръ, и царствуете надъ веселымъ народомъ, въ прекрасной землѣ: я согласна на ваше предложеніе, и буду ваша невѣста, а вы мой женихъ!»

— Послѣ этого Маша стала невѣстой молодаго Дросельмейера. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ прїѣхалъ за нею въ золотой каретѣ, на серебряныхъ лошадяхъ. На сватъбѣ ихъ плясало двадцать двѣ тысячи фигуръ въ яхонтахъ и жемчугахъ, и теперь Маша царствуетъ въ землѣ, гдѣ безпрестанно сіяютъ Рождественскія ёлки, миндальныя и кара-мельковыя дворцы, и прочія радости, какія только на умъ человѣку взбрести могутъ.

Бранц

МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ

СКАЗКА

ЛАМОТЬ ФУКЭ.

Фридрихъ Баронъ де-ла-Мотъ-Фуки. (de-la-Motte-Fouqué) родился въ 1777 году въ Бранденбургѣ. Въ 90-хъ годахъ онъ сражался на Рейнѣ, во время войнъ противъ Французской революціи, и отличился своимъ мужествомъ въ войнахъ Пруссіи съ Наполеономъ.—Остальные годы своей жизни онъ провелъ тихо въ своемъ загородномъ замкѣ и скончался въ 1842 году.

Знаменитѣйшія изъ его сочиненій суть : *Ундинъ*, напечатанная въ первый разъ въ Берлинѣ въ 1813 году, и превосходно переведенная В. А. Жуковскимъ, *Sigurd, Eginhard und Emma, u Zauberling.*—

МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, малень-
кій Фрицъ, которому еще не было
четырехъ лѣтъ, играя цвѣтами, далеко
зашелъ отъ отцовскаго хутора. — Онъ
еще не могъ говорить и думать, какъ
взрослые. — Отецъ его Вайдгартъ былъ
лѣсничимъ; хижина ихъ стояла въ мрач-
номъ, непроходимомъ лѣсу. Въ немъ
только и жили что онъ, да его семья;
но маленький Фрицъ засмѣялся-бы надо
всякимъ, кто-бы ему сказалъ, что въ со-
сѣствѣ нѣтъ другихъ людей. Онъ хо-
рошо зналъ, что много другихъ малень-
кихъ человѣчковъ населяли тотъ лѣсъ.

Хотя Фрицъ и былъ знакомъ только съ однимъ изъ нихъ, но этотъ одинъ замѣнялъ ему своими разсказами знакомство съ остальными. Фрицъ однажды никогда даже не взначай не видалъ ихъ.

Пупенденцкій, такъ назывался знакомый человѣчикъ маленькаго мальчика, ростомъ былъ не выше Фрица; но лѣтами гораздо старше его.—Фрицъ особенно полюбилъ его и съ нимъ сдружился. Пупенденцкій часто заставлялъ плясать куклы его сестеръ, какъ другие дѣти никакъ не умѣли заставить, и Фрицъ считалъ Пупенденцкаго своимъ великимъ другомъ и товарищемъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ ему товарищъ по школѣ. Когда лѣсничій Вайдгартъ училъ Фрица и двухъ сестеръ его, Юлпинку и Анюту, читать и писать (для чего онъ находилъ въ мѣсяцъ только 2 или 3 часа времени); маленький Пупенденцкій входилъ обыкновенно въ комнату, почтительно снималъ съ зави-

той блокурой головки фуражку, и, послѣ низкаго поклона, говорилъ: « я бы «весъма желалъ воспользоваться вашими «учеными наставлениями; правда, что «отецъ мой очень богатъ, но однако-жъ «онъ никогда не могъ устроить у себя «такой хорошей школы.» Когда онъ въ первый разъ проговорилъ такую рѣчъ, то лѣсничій Вайдгартъ пробормоталъ; «убирайся-ка домой! тебѣ здѣсь кучего дѣлать!» А Юлинька и Аньота много смеялись надъ его учтивостію. Вѣчно веселый Пупенденцій, казалось, хотѣлъ заплакать. — Но Фрицъ сталъ передъ сестрами, и сердито грозя кулакомъ, сказалъ: «полно хохотать; Пупенденцій! не плакать, — Фрицъ не стерпить этого. — И сестры будто побоялись страннаго мальчика и затихли. Потомъ онъ сталъ просить отца, чтобы онъ позволилъ Пупенденцкому брать вмѣстѣ съ ними уроки, и при этомъ рассказалъ, какъ онъ ему приносилъ

въ садъ цвѣты и свѣтящіяся игрушки, которыя всегда уносилъ назадъ съ собою, но что лучше ихъ онъ еще ничего не видывалъ на свѣтѣ.—«Давать взаймы все равно, что дарить» сказаль Вайдгартъ, послѣ недолгаго размышленія:» Пупенденцкій! сынъ мой долженъ быть тебѣ благодаренъ, и по этому ты можешь участвовать въ нашихъ урокахъ.—Смотри-же, чтобъ успѣвать!...

И снова пошло азъ, буки, аб, буки азъ, ба, все одно и тоже и все громче, да громче такъ что окошки дрожали; а иногда Пупенденцкій изъ особаго усердія вскрикивалъ такъ, что деревья въ лѣсу со страху начинали шататься. — Но какъ скоро Вайдгартъ замѣтилъ ему, Пупенденцкій сталъ читать тише.— Такимъ образомъ болѣе полугода онъ посѣщалъ уроки лѣсничаго и всегда входилъ въ класную комнату съ тою-же учтивой фразой. Онъ столько успѣлъ что спустя полгода, могъ уже довольно про-

вороно складывать свое имя и случалось иногда, что даже безъ ошибокъ. Между тѣмъ Юля и Аньота помирились съ Пунденцкимъ, онъ имъ часто приносилъ блестящія стеклянныя игрушечки, которыя чудо какъ свѣтились, и не разбивались, даже когда ихъ роняли на полъ. Однажды Юля изъ шалости взяла отцовскій молотъ, которымъ не мудрено было зарубить самый твердый дубъ, и стала колотить имъ блестящія стеклушки, но они не разбивались.—

И такъ маленький Фрицъ, (какъ я уже вамъ рассказывалъ), въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, бѣгая за бабочками и цветами, такъ далеко зашелъ отъ дому, что уже не могъ болѣе разобрать, въ какой сторонѣ дворъ лѣсничаго, сзади или спереди, въ правъ или въ лѣвъ. «Пунденцкій придетъ и отведетъ меня «домой» подумалъ Фрицъ, и преспокойно легъ на камень поросшій мхомъ, и заснуль. — Скоро показалось

Фрицу, будто Пупенденцкій ъдетъ по лъсу верхомъ на бѣломъ конькѣ, отличномъ отъ другихъ лошадей: маленький блестящій рожокъ торчалъ у него на лбу. Когда вѣтеръ дулъ въ отверстіе рожка, онъ издавалъ чудные звуки, то грустные то веселые, но всегда одинаково прекрасные. —

«Пупенденцкій, хочу ъхать, хочу ъхать! лепеталъ маленький Фрицъ, протирая заспанные глаза. Фрицъ разсердился, когда увидаль, что другъ его погруженный въ глубокія думы продолжалъ путь свой, не обращая на него вниманія, и громко заплакалъ.

Тогда Пупенденцкій оглянулся, и сказалъ: «Ахъ! простите мнѣ, почтеннѣйший сынъ моего ученаго благодѣтеля и любезнѣйший товарищъ, что я не отдалъ вамъ должнаго поклона; я въ эту минуту думалъ о такихъ важныхъ и рѣшительныхъ обстоятельствахъ, «ЧТО. . . . »

« Ты долженъ меня взять съ собой ! »
перебилъ его Фрицъ. « Хочу ѿхать до-
« мой, верхомъ на твоей лѣсной лошадкѣ. »

« Нѣтъ, почтенѣйшій другъ, теперь
« этого никакъ не льзя сдѣлать, » возра-
зилъ тотъ, смышавшись.—« Притомъ и
« батюшка уже вашъ ложится спать, домъ
« заперть, теперь глубокая полночь. »

« Я хочу ѿхать съ тобой ? непремѣнно
хочу ! » кричалъ Фрицъ, и нетерпѣливо
топалъ ногами.—

« Я очень неохотно отказываю вамъ »
увѣрялъ Пупенденцкій, » и какъ же я
« могу иначе ! Они вѣрно всѣ меня ожи-
« даютъ. Будьте здоровы любезный дру-
« жокъ, покойной ночи.—Я дамъ вамъ за
« то свѣтящія лампы ? » Пупенденцкій
опустилъ руку въ густую траву, и
вынулъ изъ нея множество свѣтляковъ,
разсыпалъ ихъ вокругъ маленькаго
Фрица, и запѣлъ очень тихимъ, но
пріятнымъ голосомъ.—

« Вы маленькия свѣчки
 « Хорошенько ночью блестите ;
 « А вы Фрицъ не кричите ,
 « Въ каждой свѣчкѣ сонъ таится
 « Онъ вылѣтаетъ изъ блестящаго цвѣтка
 « И обдаетъ сладкою влагою ;
 « Тамъ увидишь ты много прекраснаго
 « И когда проснешься
 « Станешь отъ сердца смѣяться ,
 « А завтра, я приду сюда
 « Тебя уведу.—Сказано сдѣлано !
 « И снова начнется ученье ! »

Но Фрицъ гнѣвно крикнулъ : « Не будеть ученья.—И ты не смѣй болѣе приходить на уроки, если не хочешь меня взять съ собой ! » — Пупенденцкій поблѣдиѣль и сказалъ : « О почтеннѣйшій, не грозите такъ ! что изъ этого будеть ! Поѣдемте лучше. — Я не могу теперь отвезти васъ въ отцовскій домъ ; но осмѣливаюсь просить съ собою. » — « Хочу, непремѣнно хочу, » съ кри-

комъ продолжалъ Фрицъ, и Пупенденцкій посадилъ его впереди себя на сѣдло.—

Они отъѣхали нѣсколько сотъ шаговъ, и лѣсной рожокъ, находящійся на лбу лошадки, такъ хорошо игралъ, что всѣ лѣсные жители, олени, медвѣди, зайцы, волки и кабаны, учтиво кланяясь уступали дорогу; иногда Фрицу даже казалось, что вѣковыя деревья имъ кланялись, чѣму онъ не мало дивился. Вы я думаю видали, какъ путешественники пѣшіе и конные, кареты и телѣги уступаютъ дорогу почтовой тройкѣ.

Вдругъ показался какой-то странный человѣчикъ, ростомъ меныше самаго Пупенденцкаго. Онъ несъ въ рукѣ напудренный парикъ и, проходя мимо, сказалъ: «Пупенденцкій! ты видишь «вѣнецъ еще не отданъ! Если ты же- «лаешь его, то спѣши.»

Пупенденцкій пришпорилъ конька, а посланникъ съ парикомъ сказалъ: «нѣтъ, «если ты хочешь сѣѣхать съ этой горы,

« да еще взобраться на ту и переправиться чрезъ прудъ, то на вѣрное опознаешь. Надоѣхать по тропинкѣ. » — « Пожалуй, » отвѣчалъ Пупенденцкій. — « Садись-ка ты позади насъ: конекъ споетъ и охотно понесетъ троихъ. » —

Маленький человѣкъ взлезъ на лошадку позади Пупенденцкаго и много хотѣлъ тому, что, ухватившись за него, засыпалъ всего пудрой; дѣйствительно, Пупенденцкій походилъ на мѣльчика. —

Бѣлая лошадка стала съ усиліемъ скрести копытомъ землю, и всѣ четверо опустились въ подземное царство. Фріцъ удивился, но не очень; его занимали звуки золотаго рожка, которые звонко раздавались по лѣсу.

Въ подземномъ царствѣ стало все еще прекраснѣе и чуднѣе; маленькие люди сидѣли по обѣимъ сторонамъ дороги и были заняты разными играми, одни играли гладкими камушками, другие блестящими кусочками стали, золо-

та и серебра, третыи, при свѣтѣ красныхъ камушковъ, проводили свѣтлые ручейки маленькими золотыми трубочками, и составляли маленькие водяные органы, которые играли лучше самаго рожка у бѣлой лошадки. За тѣмъ Пупенденцій что-то прошепталъ своему сосѣду, и они остановили конька, дружески погладили Фрица по щечкамъ и завязали ему шелковымъ платкомъ глаза.

«Играть въ жмурки!» сказалъ Фрицъ, «вы должны мнѣ закричать, огонь, огонь, «если я набѣгу на здѣшнія прекрасныя «игрушки или свѣтишіеся органы.— «Ихъ вѣдь жалко. Не правда-ли?» Но вдругъ онъ заплакалъ «Пупенденцій «стыдно! ты меня ставиши верхъ ногами.» «Послѣ этого Пупенденцій снялъ платокъ съ глазъ Фрица, говоря: «не сердитесь, почтеннѣйший товарищъ; это «маленькое средство противъ головокруженія. Посмотрите, молодой ученый «дружокъ, теперь будетъ славная доро-

“ га.” — Маленький посланникъ усмѣхнулся и сказалъ припѣвая.

“ Пупенденцкій ! престранное дѣло ,
“ Что за слова ты набираешь.”

Пупенденцкій запѣлъ, въ отвѣтъ ему:
“ Молчи дуракъ ! сперва побывай какъ
“ я въ училищѣ , тогда ты не запоешь
“ по птичьему ; но гордо и учено про-
“ твердишь буки азъ ба , буки азъ ба
“ выходить ба, да ба.” Этого испугался
мальчикъ съ парикомъ , присмирѣлъ и
отвѣсилъ такой низкій поклонъ, что чуть
было не упалъ съ лошади. Конекъ ме-
жду тѣмъ весело поднимался все вверхъ,
но не въ ту сторону, какъ бываетъ у
людей на землѣ.

Заигралі водяные органы, то громко, то снова утихая , то звукъ ихъ терял-
ся въ вышинѣ ; вода лилась изъ золо-
тыхъ трубочекъ возлѣ самыхъ путеше-
ственниковъ ; золотой песокъ сыпался

на нихъ и билъ вверхъ фонтаномъ, такъ что Фрицъ бралъ его горстями и разбрасывалъ по дорогѣ; а маленькой посланникъ старательно сдувалъ его съ парика, чтобы не засорилась бѣлая пудра.

Бѣлый конекъ остановился и началъ стучать своимъ лѣснымъ рожкомъ. Веселая роговая музыка раздалась изъ-за мрачнаго входа, котораго затворы нависли надъ головами путешественниковъ, какъ опускная дверь въ подвалъ. Что-то похожее на шелковинки и паутину лѣтало и кружилось вокругъ Фрица. Онъ было хотѣлъ схватить, но Пупенденцкій умоляющимъ голосомъ сказалъ: «Оставьте это, почтеннѣйший. Это корешки хорошенъкихъ цвѣточковъ, которые послѣ такихъ опытовъ не будутъ рости.—

« Не трогать миленькихъ цвѣточковъ, подпѣвалъ Фрицъ. »

Снова постучала маленькая лошадка въ ворота и бѣлокурая головка мальчи-

ка выглянула въ отверстіе. Между нимъ и Пупенденцкимъ начался слѣдующій разговоръ: — « Сколько васъ у воротъ? » — « Насъ четверо. » — Какъ васъ всѣхъ зовутъ? — « Бѣлый конекъ, Фрицъ, Пупенденцкій и шутъ изъ Брабанта. » — « Чѣмъ скажетъ конекъ? » — « Онъ насъ сюда принесъ. » — « А Фрицъ? изъ какого полку? » — Онъ ученый студентъ. Дѣлавши распросы, весьма низко поклонился Фрицу, и продолжалъ: Чѣмъ хочешь ты быть? — « Вашимъ Королемъ » — « а что приносить намъ Брабантскій шутъ? » — « Онъ несетъ съ собой корону. » —

« Отворяй! » — закричалъ бѣлокурый привратникъ, какъ солдатъ у заставы, когда проѣзжаетъ генералъ. Ворота растворились, при свѣтѣ луны въѣхали три наѣздника на бѣломъ конькѣ. Въ прекрасныхъ блестящихъ латахъ, стояли по обѣимъ сторонамъ дороги солдаты, они били въ барабаны, трубили въ трубы и опускали передъ ними золо-

тыя пики. Но было замѣтно, что всѣ эти почести отдавались шуту, котораго величали Брабантскимъ, и еще болѣе парику, который онъ несъ въ рукѣ.—

Онъ вертѣлъ парикъ то въ право, то въ лѣво, и тѣ, на которыхъ попадала сыпавшаяся пудра, были тѣмъ чрезвычайно довольны. Наконецъ наши путешественники при свѣтѣ мѣсяца вѣхали въ большой лѣсъ; въ немъ росли такія деревья и цвѣты, какихъ Фрицъ никогда не видывалъ. Онъ былъ до того удивленъ, что уже начиналъ думать, что все это ему видится во снѣ. Тогда Пупенденцкій сорвалъ на скаку что-то похожее на золотое яблоко, очистилъ его серебрянымъ ножичкомъ и положилъ въ ротъ Фрицу. Когда Фрицъ почувствовалъ сладкое на языкѣ, то съ удовольствiемъ ударилъ себя по животу, и убѣдился что все это дѣйствительно на-яву.

Конекъ все прибавлялъ бѣгу, пока наши всадники не очутились вмѣстѣ съ

нимъ среди великаго множества маленькихъ хорошо одѣтыхъ людей, которыхъ бѣгали, прыгали,ѣздили верхомъ, танцевали, фехтовали, однимъ словомъ, играли во всѣ возможныя рыцарскія игры и казалось никогда не уставали. Маленький старичекъ, съ бѣлыми, какъ лунь, волосами, сидѣлъ на высокомъ блестящемъ мѣстѣ и поглядывалъ на все это веселье; онъ подозревалъ къ себѣ Пупенденцаго, и грозно взглянувъ, сказалъ: — «Пупенденцій! скажи мнѣ, откуда ты? «Чего ты здѣсь хочешь? — и ты, Брабантскій шутъ, скажи мнѣ правду, зачѣмъ «ты уѣжалъ отсюда, и унесъ съ собою «вѣнецъ?»

Маленький мальчикъ съ парикомъ отвѣчалъ за обоихъ, слѣдующей рѣчью:

«Судья! вамъ вѣроятно известно, что «этотъ вѣнецъ принадлежитъ мнѣ, до- «колѣ не изберутъ достойнаго короля, «чтобъ осѣнить имъ главу его. Я при- «велъ Пупенденцаго, можетъ быть онъ

«удостоится высокаго сана. Конекъ
«мчался во всю прыть, теперь мы всъ
«вмѣстѣ, и я надѣюсь чрезъ иѣсколько
«часовъ у насъ будетъ король на славу.
Маленький старичекъ повелъ малень-
кимъ золотымъ смычкомъ по серебря-
ной віолончели, и торжественно взгля-
нуль кругомъ. Крошечные люди, тот-
часъ сбѣжались вокругъ него и нед-
вижимо стали въ кружокъ, точно пре-
красно наряженыя куклы. Судья попро-
силъ Брабантскаго шута повторить, какъ
онъ удостоился владѣть бѣлой короной,
и тотъ началъ разсказывать всѣмъ на
смѣхъ.

«Однажды отправился я гулять на гра-
«ницу, чтобы немного поразвеселиться.
«Вы знаете, я живу въ Брабантѣ, ко-
«торый лежитъ возлѣ пресмышной и
«преудивительной земли Франузовъ.
«Я никогда не заходилъ по ту сторону
«границы, тамъ больше хныкаютъ, чѣмъ
«смѣются, а я большой охотникъ до

«смѣху. И вотъ я привсталъ, чтобы по-
 «смотрѣть вдалъ, и увидалъ людей, по-
 «хожихъ на пуделей. Вдругъ, у меня
 «это свѣжо въ памяти, будто вчера слу-
 «чилось идуть два Француза мнѣ на-
 «встрѣчу, и что-то преважно между
 «собою бормочать? Богъ вѣсть, кто по-
 «нимаетъ ихъ; по крайней мѣрѣ не я; у
 «меня уши готовы были свернуться въ
 «трубку отъ страшнаго бормотанія, а
 «голова чуть было не треснула. Но у
 «каждаго изъ нихъ былъ на головѣ пре-
 «красный парикъ,— такъ называется у
 «нихъ сія почтенная вещь. Я вздумалъ
 «употребить хитрость, и тотчасъ же
 «овладѣлъ такимъ мушнымъ ящикомъ.»

Судья снова взглянулъ строго, и уда-
 рилъ по серебряной віолончели, такъ
 что она издала глубокій, сердитый звукъ.

Разсказчикъ поклонился и продолжалъ.

«Я говорю съ должнымъ почтеніемъ.
 Что жъ дѣлать я принялъ его за запачкан-
 «ный колпакъ сумасшедшаго, а вы въ

«немъ видите корону и такъ я остался
«въ дуракахъ. Вдругъ наши двое Фран-
«цузскихъ кавалеровъ посреди раз-
«говора , вынимаютъ каждый (вѣро-
«ятно для лучшаго спору ,) чтѣ-то
«похожее на иголку , и тогда пошла
«потѣха. Ой, ой, ай ай, кричали они,
«ударяя другъ друга: но правду ска-
«зать, они такъ кричали будто 100000 че-
«ловѣкъ умирало. Друзья мои и Господа,
«Сижрицъ во всѣ свои походы , если ихъ
«взять вмѣстѣ, не нашумѣлъ столько,
«сколько наши два Француза. По край-
«ней мѣрѣ изъ этого вышло что нибудь;
одинъ изъ нихъ оцарапалъ руку , по-
вредилъ ли онъ себѣ своимъ оружіемъ,
или другой ранилъ его иголкой, этого я
не примѣтилъ. Одно мнѣ известно, что
оба остались въ живыхъ, и, сказавъ, да-
зздравствуетъ честь и слава, начали цѣ-
ловаться, этому восторгу я былъ очень
радъ; ибо одинъ изъ нихъ уронилъ
съ это время свой парикъ, а яскорѣе

«съ нимъ да въ землю. Вы полагаете, что «это вѣнецъ. Пожалуй я согласенъ. Но «Брабантскій шутъ по долгу надо всѣмъ «смѣется!» При этихъ словахъ онъ захоталъ очень громко и не пристойно, но глубокій и строгій звукъ віолончели скоро унялъ его. Тогда началъ свою рѣчь маленкій угрюмый старичекъ, произнесъ похвалу парику и объяснилъ, что въ эту же ночь должно решить, кто достоинъ носить его, и утвердить свое Царское достойнство надъ могущественнымъ народомъ.

Тroe прекрасныхъ блокурыхъ рыцарей не выше Пупенденцкаго выступили изъ толпы. Во всѣхъ гимнастическихъ играхъ и рыцарскихъ испытанияхъ, они одержали победу и вызывали теперь Пупенденцкаго помѣриться силами. Многіе зрители готовы были держать большіе заклады противъ него, и казалось что выиграютъ; Пупенденкій выдѣлывалъ всѣ штуки также дурно

и неловко, какъ маленкій конекъ исполнялъ ихъ хорошо. Не разъ онъ былъ сбрасываемъ на землю и, казалось, уже избѣгалъ ударовъ и смѣлаго взора противниковъ; такъ что вскорѣ общій хохотъ и шиканье заставили несчастнаго искателя вѣнца удалиться за золотую рѣшетку ристалища. Даже угрюмый, старый судья удивительнымъ образомъ сморщился какъ будто хотѣлъ смыться, а Фріцъ, спрятался за кустарникъ изъ стыда за своего неуклюжаго и трусливаго товарища. Къ его утѣшенію росли тамъ золотыя яблоки, которые онъ уже разъ отвѣдалъ по милости Пупенденцкаго. Онъ началъ ихъ прилежно покушивать и весьма успокоился.

Между тѣмъ Пупенденцкій выстроилъ себѣ съ рѣдкимъ искусствомъ изъ старыхъ досокъ что-то похожее на конуру; поставилъ ее на землю, влѣзъ туда, и началъ слѣдующую рѣчъ.

« Милые! хотя еще не совсѣмъ обра-

« зованные, но однажды моему сердцу
 « безцѣнныe земляки и Господа! Пожер-
 « твованія для науки повредили моимъ
 « тѣлеснымъ силамъ и гимнастикѣ; и даже
 « тому, что вы изъ пустой гордости на-
 « зываете храбростью, но...»

Тутъ прервалъ его общій смѣхъ, и
 весь народъ запѣлъ въ одинъ голосъ:

« Пупенденцій сошелъ съ ума, награ-
 дите его орденомъ съумасшествія.»

Глубже и глубже прятался Фрицъ
 въ кустарникъ, и отъ стыда еще съ
 большимъ усердіемъ принимался за ябло-
 ка. Пупенденцій напротивъ, казалось,
 не зналъ стыда: спокойно вынуль онъ
 старую азбуку, подаренную ему нѣкогда
 Фрицомъ и его сестрами, и, торжест-
 венно раскрывъ ее передъ всѣмъ со-
 браніемъ, объясниль ему ея высокое наз-
 наченіе.

Маленькие люди вдругъ онѣмѣли, и
 выпрямились; наконецъ начали почти-

тельно кланяться, и всѣхъ ниже старый, угрюмый судья.

Однако подъ конецъ старичекъ началъ сомнѣваться, въ состояніи ли Пупенденцкій воспользоваться превосходною книгою какъ слѣдуетъ, и научить всѣхъ гражданъ могущественнаго Государства чтобы они всѣ поумнѣли;— въ чемъ состояло главное дѣло. Пупенденцкій началъ тотчасъ же громкимъ голосомъ читать азъ, буки, буки азъ, и продолжалъ свое, пока всѣ не пришли въ почтительное удивленіе. Но маленький угрюмый судья былъ очень упрямъ, и ему въ голову пришло новое сомнѣніе, что можетъ быть чтеніе Пупенденцкаго невѣрно, и что можетъ быть въ школѣ, которой онъ такъ хвалится, не такъ читаютъ. «Почтеннѣйшій! сказалъ Пупенденцкій, судьба дала мнѣ славное оружіе противъ вашей излишней догадки; а именно, молодаго студента, который изъ дружбы путешествуетъ вмѣсть

со мною, онъ покажетъ вамъ лучше-ли моего выговаривають и учать въ школахъ превосходное азъ буки и еще полезнѣйшее буки азъ ба. »

Фрицъ былъ тотчасъ позванъ и Пупенденцкій, взявъ его къ себѣ въ кануру, заставилъ говорить склады; раздались громкія рукоплесканія и Пупенденцкій былъ тотчасъ же провозглашенъ королемъ; о трехъ рыцаряхъ не было и помину.

Фрицъ напротивъ слѣдилъ за ними очень пристально, ему очень хотѣлось научиться отъ нихъ бѣганью, прыганью, и всякимъ разнымъ играмъ. Сперва Фрицъ робѣлъ, они ему казались слишкомъ величественными. Теперь же, когда о нихъ никто болѣе не заботился и они со стыда удалилися пзъ собранія, то Фрицъ едва дождался конца своего буки азъ ба, бросился изъ кануры прямо къ нимъ и пролепеталъ просьбу, быть его наставникомъ въ веселыхъ играхъ.

Всѣ трое рыцарей были готовы слу-

жить Фрицу. Игра началась бѣгомъ, маленький незнакомецъ сначала очень отставалъ, и готовъ былъ уже плакать,— тогда маленькие рыцари употребили еще большее старанье, чтобы выучить его всему искусству бѣганья. Они твердили ему: грудь впередъ, руки назадъ, не дышать ртомъ и тому подобное. Фрицъ вскорѣ почти уже обгонялъ ихъ и легко могъ мѣряться силами съ своими радужными учителями. Потомъ дошло дѣло до лазенья, метанья кольцами, фехтованья, и пр. добрые рыцари все время не переставали заботиться, чтобы Фрицъ не ушибся, и вмѣстѣ съ тѣмъ употребляли всякое стараніе, чтобы онъ въ это короткое время занялъ какъ можно болѣе отъ ихъ искусства. Все происходило очень удивительнымъ образомъ. Черезъ три четверти часа достигъ Фрицъ такого совершенства, что уже объѣзжалъ конька Пупенденцкаго. По берейтарски выдѣлывалъ онъ свой кругъ рысью, мастерски держалъ поводья и да-

валъ шенкеля; рыцари были въ восхищены; иногда онъ заставлялъ даже конька галопировать. Но вдругъ громкія, радостныя восклицанія обратили взоры ученика и учителей на деревеній пригородъ, гдѣ теперь должно было совершиться коронованье новоизбраннаго князя.

Гордо и торжественно выступалъ Пупенденцкій, но Фрицъ и рыцари не могли удержаться отъ смѣху; шутъ Брабантскій присоединился къ нимъ, и хохотъ отъ всего сердца. Чтобы торжественное и ловчее носить корону, Пупенденцкій острогъ подъ гребенку свои русые кудри и получилъ отъ этого преглупый и презабавный видъ. Проче казалось не замѣчали. Когда поднимался общій хохотъ, то Пупенденцкому стоило только прокричать изо всего горла, буки азъба, и всѣ какъ бы заколдованные погружались въ новое торжественное молчаніе.— Только Фрицъ, трое рыцарей и Брабантскій шутъ не стояли смироно, и казалось что

конекъ также хотѣлъ засмѣяться, только не могъ. Маленький судья иногда очень угруюмо посматривалъ въ ту сторону, гдѣ собирались наши насмѣшики; но Пупенденцкій благосклонно извинялъ ихъ говоря что у Фрица студентскій обычай, какъ даже замѣтно изъ его неумѣстной охоты фехтовать, и что вѣроятно отъ него заразились шутъ, рыцари и конекъ, но что всѣ они впрочемъ весьма благонамѣренные люди. Повѣлители-же, какъ онъ, не должны въ общежитіи заниматься такими мѣлочами. Судья особенно похвалилъ его за такое расположение, и при торжественной рѣчи возложилъ ему на голову парикъ; длинные напудренные локоны какъ-бы мантіей накрыли всего маленькаго человѣчка. —

Тогда настала для всего собранія, и особенно для судьи, торжественная минута, когда надо было провозгласить многолѣтіе новому королю. Но тутъ судья раздумалъ, что имя Пупенденцкій не до-

вольно звучно и торжественно для такой великой особы, и по этому предложилъ всему собранію, что должно назвать ученаго правителя болѣе достойнымъ его именемъ Пуппентанца I.

Предложеніе было одобрено и тотчасъ загремѣло въ воздухъ « Да здравствуетъ Пуппентанцъ I-й! Да здравствуетъ Пуппентанцъ! » Конекъ, Фрицъ, шутъ и рыцари помирали со смѣху.—

Между тѣмъ что-то занималось на небосклонѣ, словно полоса утренней зары, и Пуппентанцъ I-й тогда-же доказалъ, что онъ не забываетъ добра ему сдѣланнаго, когда онъ еще былъ только Пуппенденцкій. При явной опасности для своего парика, и не смотря на свою важную особу, онъ не задумался взять на руки Фрица, и, принеся какую-то чудную пѣсню, поскакалъ на вѣрномъ конькѣ по ближайшей дорогѣ къ хутору лѣсничаго, вмѣстѣ съ полусоннымъ Фрицомъ.

Фрицу казалось, что онъ въ люлькѣ и наконецъ мальчикъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Когда онъ проснулся, то увидаль себя въ своей постелѣ. Солнце блистало въ окошко, Юлпинка и Аниота стояли возлѣ постели и смѣялись надъ соней. — Фрицъ отвѣчалъ. «Не соня, совсѣмъ не соня! много Ѣздилъ, много дрался и много смѣялся.» И вспоминая про Пупенденцка-го, который тогда уже былъ королемъ, громко захохоталъ. Сестры выбѣжали изъ комнаты разскaзать отцу о маленькомъ мечтателѣ. — Но лѣсничій ушелъ за слѣдомъ дикаго кабана, и хотѣлъ возвратиться только къ обѣду. —

Когда Фрицъ вышелъ изъ комнаты, то сестры, держа передъ нимъ куклы, просили: заставь ихъ плясать, заставь плясать! Но мальчикъ отвернулся и сказалъ: не хочу! у меня важнѣе дѣло, я долженъ продолжать свое ученье верхомъ! — Тутъ опять засмѣялись

Юлінъка и Анюта надъ чуднымъ мальчикомъ, который хотѣлъ ъздить верхомъ, не имѣя даже лошади на чѣмъ ъздить. —

Между тѣмъ Фрицъ приманилъ хлѣбомъ большую козу, которая издавна жила въ дворѣ лѣсничаго, вмигъ накинула на морду веревку и вспрыгнула ей на спину. — Отъ испуга и нетерпѣнія, коза начала брыкаться и становиться на дыбы, маленькия сестры Фрица плакали изъ боязни за брата. Но Фрицъ смотрѣлъ на дѣло шутя, и долго, крѣпко держался на дикомъ и борзомъ конѣ. Наконецъ козелъ сдѣлалъ такой крутой прыжокъ вверхъ и потомъ внизъ, что маленький наездникъ полетѣлъ черезъ голову далеко въ сторону. «Глупая козлиная лошадь» бормоталъ Фрицъ. «Маленький конекъ быль лучше тебя гораздо лучше. «Дѣвочки не успѣли подбѣжать и остановить его, какъ маленький братъ уже снова сидѣлъ на козлѣ и безъ пощады колотилъ ему бока ногами».

ми; — такъ что наконецъ рогатое животное утихло и признало надъ собой господство маленькаго наѣздника. —

Сестры съ удивленіемъ держали ру-
ченки на головѣ, когда онъ сталъ очер-
чивать вокругъ нихъ правильный кругъ
рысью, то поворачиваль уже обѣзжено-
ное животное, вправо и влѣво, и ловко
управлялъ имъ во всѣ стороны. —

Потомъ онъ сошелъ съ козла, снялъ
съ него уздечку и дружески погладилъ
свою верховую лошадку. — Юля и Аньота
начали просить его. « Еще! милый Фрицъ,
поѣзди еще немножко на свое мѣсто глу-
помъ козлѣ. » Но Фрицъ очень умно от-
вѣчалъ. « Лошадка устала теперь, ло-
шадка должна идти покушать » — и за-
тѣмъ пустилъ ее въ загороженный лугъ.

Межу тѣмъ ему хотѣлось повеселить
сестеръ, и онъ сталъ показывать имъ
всѣ разныя искусныя штуки, которымъ
выучили его три рыцаря, и много дру-
гаго презабавнаго, такъ что онъ не

могли довольно нарадоваться. — Всѣ троє зашли не много въ чашу лѣса, и Аниота уже боялась, чтобы не случилась съ ними какая бѣда, и говорила что лучше было бы вернуться домой.

«Какая бѣда можетъ случиться, отвѣчала Юля, мы вѣдь теперь въ той долинѣ, по которой вернется батюшка. —

Аниота на это согласилась, и въ самомъ дѣлѣ скоро послышалась издали шумная охота собакъ лѣсничаго ; голосъ ихъ отдавался эхомъ отъ скалъ.

Но вдругъ изъ за кустарника бросился на беззащитныхъ дѣтей разсвирѣпѣлый, раненый кабанъ; издали преслѣдовали его собаки, съ крутаго утеса видѣлъ лѣсничій опасность, которая грозила всему, что было у него милаго на свѣтѣ. Мѣтко прицѣленный выстрѣль снова задѣлъ кабана, но не повалилъ его, кабанъ только что болѣе разсвирѣпѣлъ; дѣти казались пропадшими. Фрицъ прыгнулъ въ сторону отъ побѣжавшихъ

сестеръ, и вѣроятно, видавъ прежде какъ дѣлалъ отецъ, обратилъ разсвирѣпѣвшаго кабана прямо на себя крикомъ: «атуй, атуй его.» — Вмигъ бросился кабанъ на него; но Фрицъ былъ проворнѣе; и вмигъ взобрался вверхъ по гладкой ели. Звѣрь съ пѣной у рту, въ тщетномъ бѣшенствѣ грызъ корни и рѣлъ копытами, а маленький мальчикъ смѣялся, и, словно красное яблочко, выставляя свое смѣющеся лицико изъ-за густо-зеленыхъ вѣтвей, которыхъ благосклонно качали по вѣтру своего маленькаго гостя. Скоро схватили кабана вѣрныя собаки, и сильный ударъ ножа подоспѣвшаго лѣсничаго положилъ замертво звѣря. Припѣвавъ веселую пѣсенку, спустился Фрицъ съ дерева, и ласково прыгалъ вокругъ отца. Сердце отца исполнилось благодарности къ Богу за спасеніе дѣтей, и въ особенности за умнаго, тѣломъ и духомъ крѣпкаго сына, которымъ Онъ наградилъ его. —

Онъ не высказалъ передъ мальчикомъ все, что думалъ, но на возвратномъ пути все время не могъ свести глазъ съ него, и безпрестанно возвращался къ распросамъ, какъ ему достало духа и какъ ему блеснула такая смѣлая мысль? Маленький мальчикъ пробормоталъ ему что-то, и за тѣмъ, разумѣется, послѣдовалъ разсказъ о Пупенденцкомъ, о 3-хъ рыцаряхъ, о Брабантскомъ шутѣ и о всѣхъ удивительныхъ событіяхъ прошлой ночи. Съ радостью и часто призадумываясь, слушалъ его лѣсничій Вайдгартъ, но ничѣмъ не далъ замѣтить, что было у него на мысли. На другое утро началось снова ученье, и лѣсничій все время часто поглядывалъ на дверь, въ ожиданіи кого-то. — Желанный гость заставилъ себя на этотъ разъ дожидаться дольше обыкновенного, однакожъ черезъ три четверти часа вошелъ Пупенденцкій весь запыхавшись и началъ отвѣшивать поклоны. Громко захотели

дѣти и самъ угрюмый Вайдгартъ не могъ не сморщиться, стараясь удержаться отъ смѣха; такой смѣшной и дурацкій видъ имѣлъ Пупенденцкій съ выбритой головой. «Вамъ бы надо было его видѣть въ коронѣ,» закричалъ между тѣмъ смѣющійся Фрицъ, «когда его зовутъ Пупентанцемъ! Вотъ смѣхъ-то.» — Пупентанцъ однако смѣшался и дѣлалъ всевозможныя усиленія, чтобы скрыть свое сердце противъ непристойнаго смѣха. Вайдгартъ, выходя изъ двери, подозвалъ къ себѣ Пупенденцкаго, и дѣти видѣли, какъ оба скорыми шагами ходили взадъ и впередъ подъ тѣнью елей, недалеко отъ пригорка, и съ жаромъ о чёмъ-то разговаривали. — Наконецъ они остановились, дали торжественно другъ другу руку, какъ бы надъ важнымъ обѣщаніемъ и, послѣ привѣтливаго поклона, разошлись. — Съ этого времени Вайдгартъ былъ особенно веселъ, часто даже шутливъ, и черное облако, которое, казалось, всегда

висѣло на его бровяхъ, теперь совсѣмъ исчезло. —

Съ этого дня Фрицъ почти всякую 3-ю или 4-ю ночь былъ уводимъ въ землю маленькихъ людей, надъ которыми царствовалъ Пупенденцкій. Сначала приходилъ за нимъ самъ король и рѣдко присыпалъ вмѣсто себя, одного изъ трехъ рыцарей; но подъ конецъ, по видимому, управлѣніе земли стало отнимать у него столько времени, что онъ со дня на день прѣзжалъ все рѣже,ѣздила верхомъ все хуже, и слабѣе сидѣлъ на своемъ конѣ. Фрицъ продолжалъ совершать свои ночные путешествія въ сопровожденіи одного изъ рыцарей. По ту сторону чудной тропинки онъ проводилъ все время съ рыцарями, которые ему показывали всякія удивительныя штуки. — Когда Фрицъ разсказывалъ про это отцу, лѣсничій не могъ довольно нарадоваться. — Только въ тѣ дни казался лѣсничій угрюмъ, когда Пупен-

денцкій, все еще съ выбритой головой, а иногда и въ парикѣ, пріѣзжалъ къ нему по утрамъ за урокомъ. Весь въ поту, и обвѣвая величественное лицо платкомъ, онъ выдѣлывалъ подъ руководствомъ Вайдгарта буки азъ ба, ба, или, какъ говорили Юля и Аньютѣ, къ великому гнѣву Пупенденцкаго, — блеялъ по бѣраньему.

Отецъ Вайдгартъ снова развеселялся и, смѣясь во все горло, говорилъ: « Да получить каждый, что ему надо и чего желаетъ; промѣнъ съ моей стороны честень, а тѣ нѣсколько глупыя заботы и трудъ, которыхъ онъ мнѣ стоить, вознаградятся въ счастьи и довольствѣ Фрица, дѣтей его и внучатъ (*).

Фрицъ замѣтилъ черезъ нѣсколько времени, что маленькие люди на публич-

---

(*) Не слѣдуетъ забывать о блестящихъ крѣпкихъ стеклушкиахъ которыхъ Пупенденцкій приносилъ играть дѣтамъ.

ныхъ праздникахъ, на которыхъ ему случалось быть у нихъ, уже почти бросили игры и прыганье, не бѣгали въ запуски, не ъздили верхомъ; но проводили почти все время за выдѣльванье труду заученнаго азъ буки, азъ буки, буки азъ, ба. — А когда доходило дѣло до прекрасныхъ рыцарскихъ ристалищъ и игоръ, то они уже показывали въ нихъ такую неловкость, что ясно было, какъ старое, благородное искусство въ нихъ во все угасло. — Фрицъ упражнялся только съ своими тремя старыми наставниками; всѣ прочіе были слишкомъ слабы, неповоротливы и безсильны. Но казалось и наши 3 рыцаря много потеряли изъ своей любви къ боямъ и старой силы. — Фрицъ начиналъ и ихъ усиливать. Отчасти тому причиною было то, что Фрицъ росъ быстро и крѣпко и многому уже научился въ школѣ своихъ учителей; но видно было что и съ ихъ стороны была вина. —

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и Фрицъ уже объѣзживалъ дикихъ лошадей большаго лѣса, взбирался на крутизны и на всемъ скаку, спускаясь подъ гору, вдругъ удерживалъ своего коня. — Однажды пришли къ нему въ мрачное и отдаленное мѣсто лѣса трое рыцарей и начали слѣдующую рѣчъ: —

» Ты уже теперь не ученикъ нашъ,
» смѣлый Фрицъ, но собрать и това-
» рищъ по оружію. — Намъ тебя учить
» болѣе нечemu; и такъ не сердись на
» насъ, если мы съ тобой простимся и
» отправимся искать себѣ счастья и при-
» ключеній на бѣломъ свѣтѣ. — Вообще
» теперь разрушено все условіе, которое
» насъ связывало; Пупентанцъ 1-ї вы-
» училъ у твоего отца буки азъ ба, какъ
» только онъ самъ знаетъ.—азъ, буки А, Б,
» буки азъ, ба. Жаль только, что ученое
» ба ба отшибло всѣ мускулы нашему на-
» роду, какъ ты уже долженъ былъ дав-

» но замѣтить. Они не умѣютъ болѣе ни
» бороться, ни прыгать, ни пѣть, разу-
» чилисьѣздить верхомъ и драться, —
» едва ноги волочатъ, однимъ словомъ,
» они всѣ стали бабами; проклятое буки,
» азъ буки, насы ужасно уронило.—Мы
» же трое не умѣли достичь въ этой
» наукѣ совершенства, и по этому Пупен-
» танцъ 1-й почитаетъ насы необразо-
» ванными, беспокойными и весьма опас-
» ными подданными, и съ радостью даль-
» намъ отпускъ лѣтъ на триста. Прости
» нашъ любезный, храбрый Фрицъ. Тебѣ
» нечего искать дороги въ наше отече-
» ство;—мимоходомъ сказать, она лежитъ
» далеко за моремъ, въ Государствѣ же
» Пуппентанца ; нѣтъ болѣе веселья даже
» Брабантскій шутъ и тотъ со скуки
» бросилъ азбучныхъ людей; но мы вст-
» рѣшимся когда нибудь съ тобою, и то-
» гда повеселимся на славу и покажемъ
» цѣлому свѣту, какими закадышными,
» старыми друзьями и товарищами поору-

»жію умъютъ бытъ Фрицъ и его ста-
»рые учители.—

Фрицу было горько разставаться съ ними, но онъ не могъ и не хотѣлъ противиться; ибо зналъ, что они избрали благой путь. Но оставаться одному въ лѣсу, когда простились маленькие рыцари, показалось ему невыносимо скучно. Возвратившись домой, онъ сказалъ о томъ отцу.—Вайдгартъ, послѣ недолгаго размышленія, сказалъ:» съ Богомъ отправляйся храбрый Фрицъ. Ты долженъ знать, что я ушелъ въ дикий лѣсъ отъ людей, я не могъ болѣе жить вмѣстѣ; съ ними было что съ Пуппентанцомъ и его Царствомъ.—Они уничтожили въ себѣ своимъ безпрестаннымъ аб, аб, и ба, ба, все старое рыцарское и теперь походить болѣе на тѣнь, чѣмъ на человѣка. Но я думаю, и что если явится между ними кто нибудь смѣлый крѣпкій, какъ ты, то онъ еще найдетъ себѣ товарищѣй,

и сиова пошло бы дѣло на ладъ. Самъ я слишкомъ старъ и угрюмъ. Отправляйся одинъ, и если тамъ станетъ лучше чѣмъ было, то приходи за мной и за сестрами.

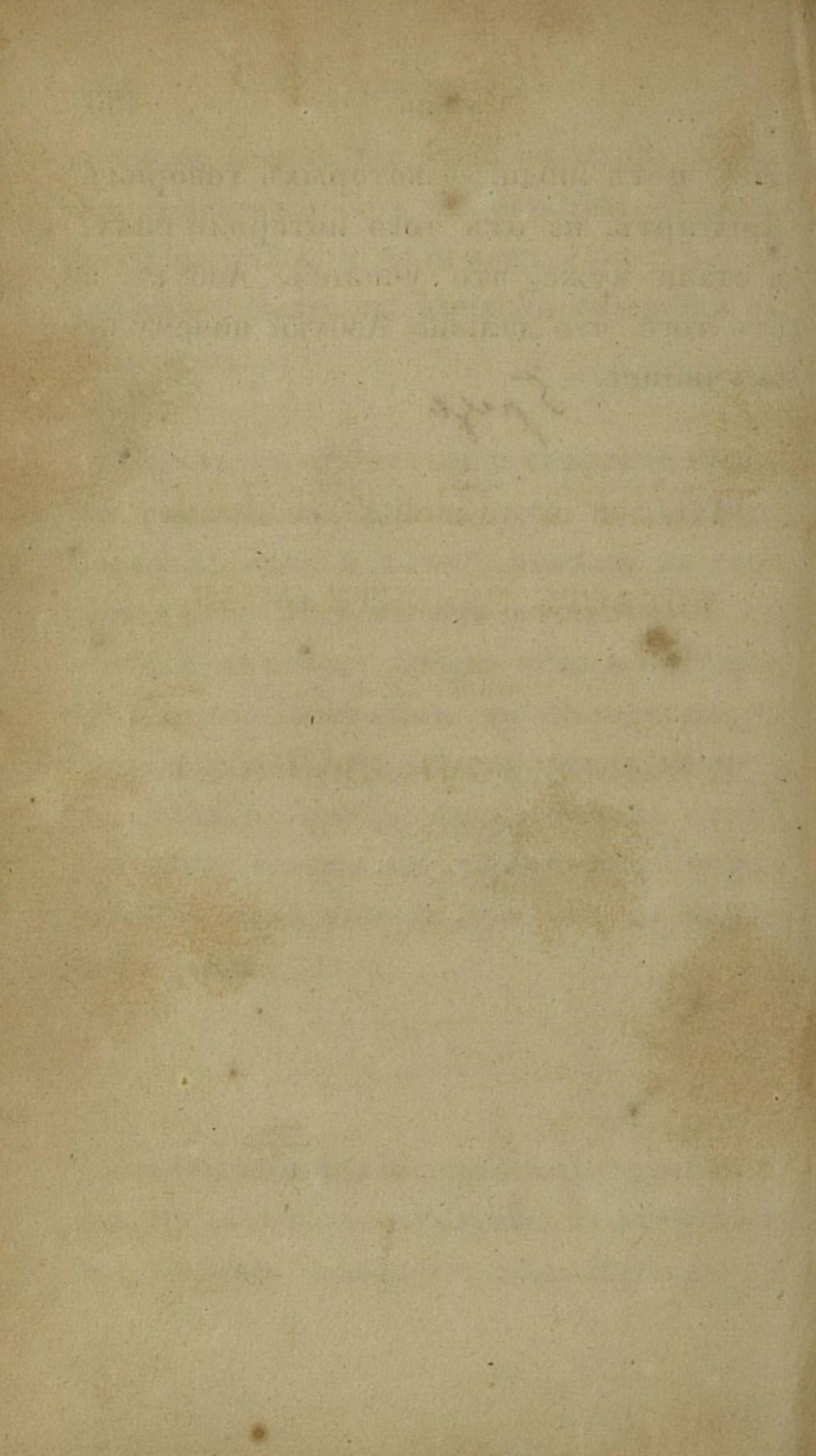
Фрицъ съ радостью и свѣжими силами пошелъ въ свѣтъ, онъ послушалъ совѣтовъ отца и славно успѣлъ въ свое дѣлѣ. Потомъ онъ возвратился въ лѣсъ и взялъ съ собою отца и сестеръ. Онъ сталъ великимъ полководцемъ, и носилъ много рыцарскихъ звѣздъ на груди. Юля и Аиюта, со временемъ стали знатными Княжнами и, кажется, царицами, и, если еще не умерли, то и теперь живы.

Одинъ маленький мальчикъ, прочитавъ сказку, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: что вѣроятно маленькие люди Пупенденц-

каго, и тѣ люди, о которыхъ говорилъ Вайдгартъ, не отъ того потеряли силу, и стали хуже, что учились Азбукѣ, а отъ того, что дальше Азбуки ничему не выучились.—

Бруд.

ПЕТРЪ ШЛЕМИЛЬ,
ПОВѢСТЬ УДИВИТЕЛЬНАЯ,
СООБЩЕННАЯ
АДАЛЬБЕРТОМЪ ШАМИССО.

Адальбертъ Шамиссо, (собственно Louis Charles Adelaide de Chamisso de Boncourt,) отличный испытатель природы и одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ писателей Германіи, родился во Франціи, въ 1781 году 27 Генваря.—Во время Французской революціи, его семейство переселилось въ Пруссію, — и здѣсь молодой Адальбертъ былъ лейбъ-пажемъ Королевы-матери, (съ 1796 по 1798). Послѣ, до 1808 онъ служилъ въ Прусской арміи. Съ 1810 по 1812 годъ, онъ былъ профессоромъ въ лицѣѣ Наполеонвильскомъ. — Въ 1815 году, сопутствовалъ знаменитому Коцебу въ его путешествіи вокругъ свѣта; — въ 1818 онъ возвратился въ Берлинъ, и до конца своей жизни

прилежно занимался естественными науками. Онъ скончался 21 Августа 1838 года.

Въ 1821 году, онъ издалъ *Bemerkungen und Ansichten auf einer Entdeckungsreise*. Въ 1804 *Musealmanns*—и *Peter Scheemiehls*. Стихотворенія его были изданы нѣсколько разъ; въ нихъ Шамиссо является чисто народнымъ Германскимъ поэтомъ, не смотря на свое Французское происхожденіе.

ПЕТРЪ ШЛЕМИЛЬ.

I.

Свершивъ довольно счастливое, но для меня все таки очень тягостное морское путешествіе, вошли мы наконецъ въ гавань. Когда ботъ причалилъ къ берегу, я взялъ подъ мышку небольшое имущество мое и, протѣснившись сквозь суетившуюся толпу народа, взошелъ въ ближайшій и бѣднѣйшій домишко съ выѣской надъ дверью. Я потребовалъ комнату; прислужникъ посмотрѣлъ на меня довольно пристально и свелъ подъ самую крышу. Я спросилъ воды и гдѣ мнѣ найдти господина Джонса.» За сѣверными воротами, на правой сторонѣ первый

загородный домъ, домъ совершенно новый и большой, изъ краснаго и бѣлаго мрамора, и съ колонами.» — Спасибо. —

Было еще довольно рано; не мѣшкая развязалъ я узелокъ мой, вынулъ только что вывороченный черный фракъ, припарядился опрятно и чистенько въ лучшее платье мое, положилъ въ карманъ рекомендательное письмо и пошелъ къ человѣку, отъ котораго зависило исполненіе смиренныхъ надеждъ моихъ.

Пройдя всю длинную съверную улицу, за воротами я увидалъ тотчасъ же бѣлѣвшіяся сквозь густую зелень, колонны. «Такъ, здѣсь — то!» подумалъ я. — Я обтеръ носовымъ платкомъ пыль съ сапоговъ, поправилъ галстухъ и позвонилъ. Дверь отворилася. На порогѣ я долженъ былъ выдержать цѣлый допросъ; швейцаръ велѣлъ, однакожъ, доложить обо мнѣ, и меня почтили приглашеніемъ въ паркъ, гдѣ господинъ Джонсъ прохлаждался съ гостями. — Я узпалъ

его тотчасъ по блеску тучнаго самодовольствія. Онъ принялъ меня очень хорошо — какъ богачъ бѣдняка, обратился даже ко мнѣ, не отвернувшись впрочемъ отъ общества своего, и взялъ подаваемое мною рекомендательное письмо.

— А, отъ брата моего! давно уже не имѣлъ обѣ немъ никакихъ извѣстій! Что, онъ здоровъ, однакожъ? Вотъ тамъ, продолжалъ онъ обращаясь къ обществу, не дождавшись отвѣта и показывая письмомъ на холмъ находившійся въ небольшомъ отдаленіи, тамъ я намѣренъ воздвигнуть новое зданіе.

Онъ сорвалъ печать, не прерывая однакожъ разговора, перешедшаго теперь на богатство.

— Кто не имѣть покрайней мѣрѣ міліона, замѣтилъ онъ какъ бы мимоходомъ; тотъ, извините это выраженіе, просто дрянь! —

— О, какъ это справедливо! восклик-

нуль я съ глубокимъ, пересилившимъ меня чувствомъ.

Кажется это понравилось ему.

Вы любезный другъ, сказалъ онъ мнѣ, улыбаясь, можете остатся у меня. Послѣ я найду, можетъ быть, время сказать вамъ свое мнѣніе на счетъ этаго, прибавилъ онъ показывая на письмо, которое положилъ за тѣмъ въ карманъ и обратился опять къ обществу.

Онъ подалъ руку какой—то молодой дамѣ, другіе сдѣлали тоже и всѣ пошли къ холму покрытому кустами розоновъ.

Я плелся въ слѣдъ за ними не обременяя никого, потому что болѣе никто уже и не заботился обо мнѣ. Всѣ были очень веселы: играли, шутили; говорили по временамъ о вздорѣ съ важностю, а о важномъ какъ о вздорѣ; но болѣе всего острелили надѣ отсутствовавшими знакомыми. Такъ какъ я былъ тутъ совершенно чуждъ, то и не понималъ боль-

шней части; сверхъ того я былъ слиш-
комъ озабоченъ самимъ собой, слишкомъ
углубленъ въ себя, чтобы заниматься
такими загадками.

Мы подошли къ холму. Прекрасной
Фанни, которая, какъ казалось, была
дарицей дня этого, вздумалось сломить
цвѣтущую розовую вѣтку, она уколола
пальчикъ, и какъ изъ темной розы по-
лился пурпуръ по ея нѣжной ручкѣ.
Случай этотъ привелъ все общество въ
величайшее волненіе. Требовали ан-
глійского пластиря. Молчаливый, высо-
кій, сухощавый и пожилой уже человѣкъ,
шедшій подлѣ меня и котораго я
до сихъ поръ не замѣчалъ, опустилъ тот-
часъ же руку въ приплюснутый карманъ
своего старомоднаго кафтана изъ темносѣ-
рой шелковой матеріи, вынулъ изъ не-
го маленький бумажникъ, разкрылъ и по-
далъ Фанни требуемое съ почтитель-
нымъ поклономъ. Она взяла пластирь,
не поблагодаривъ и не обративъ на него

нималъшаго вниманія. Ранку перевязали и пошли на холмъ, съ вершины котораго хотѣли насладиться видомъ на зеленющій лабиринтъ парка и на безбрежную поверхность океана.

Видъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ прекрасенъ и величественъ. На горизонтѣ, тамъ, гдѣ ясная лазурь неба сливалась съ темнымъ краемъ моря, виднѣлась свѣтлая точка.

— Зрительную трубу! закричалъ Джонсъ, и прежде чѣмъ служители явившіяся на возгласъ его, двинулись съ мѣста, сѣрый человѣкъ опустилъ уже руку въ карманъ кафана, вынулъ изъ него прекраснѣшую трубку Доллонда и вручилъ ее, смиренно кланяясь, господину Джонсу.

Джонсъ приставилъ ее къ глазу и объявилъ всему обществу, что это корабль вчера отплывшій и задержанный въ виду гавани противными вѣтрами. Трубка переходила изъ рукъ въ руки и невозвра-

щалась къ хозяину. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я на этого человѣка, рѣшительно не понимая, какъ могла помѣститься такая большая вещь въ его маленькомъ, сжатомъ карманѣ; но это никому не бросалось въ глаза и на него обращали также мало вниманія, какъ и на меня.

Принесли закуски: рѣдчайшіе плоды всѣхъ странъ, въ драгоцѣннѣйшей посудѣ. Господинъ Джонсъ подчывалъ всѣхъ, и тутъ во второй разъ почтилъ меня словомъ, сказавъ:

— Кушайте; вѣдь на морѣ вы не ъдали ничего такого.

Я поклонился; но онъ не видалъ этого, потому что говорилъ уже съ другими.

Захотѣли расположиться на травѣ, на склонѣ холма; передъ чуднымъ ландшафтомъ; но опасались сырости.

— Вотъ было бы прекрасно, сказалъ кто-то, еслибы у насъ были здѣсь Турецкіе ковры!

Не успѣлъ онъ еще и выговорить этого, а человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ вытаскивалъ уже изъ кармана съ смиреннымъ, почти униженнымъ видомъ богатѣйшій Турецкій коверъ. Служители, какъ будто это такъ и слѣдовало, взяли его, разослали на показанномъ мѣстѣ, и все общество расположилось на немъ безъ всякой церемоніи. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я опять на этого человѣка, на карманъ его, на коверъ, имѣвшій аршинъ двадцать въ длину и покрайней мѣрѣ десять въ ширину и протиралъ глаза, незная что и думать, особенно когда замѣтилъ, что и это никого не удивило.

Миѣ ужасно хотѣлось узнать что это за человѣкъ, но не зналъ къ кому обратиться съ вопросомъ, потому что господа служившіе были для меня почти страшнѣе господъ, которымъ они служили. Наконецъ, я собрался съ духомъ и подошелъ къ молодому господину, который показался мнѣ не такъ важенъ, какъ

другое, и который чаще прочихъ оставался одинъ. Тихохонъко попросилъ я его сказать мнѣ, кто этотъ услужливый человѣкъ въ сѣромъ платьѣ.

Тотъ, что страхъ какъ похожъ на конецъ нитки, выскочившей изъ иглы портниаго?

— Да, тотъ что стоитъ одинъ одинечонекъ.

— Я не знаю его, сказалъ онъ мнѣ и, какъ бы, желая избѣжать дальнѣйшихъ разговоровъ со мною, обернулся къ другому и заговорилъ съ нимъ о какомъ-то вздорѣ.

Солнце начало палить, и тѣмъ сильно беспокоить дамъ. Прекрасная Фани, обратилась тутъ къ сѣрому человѣку, съ которымъ, сколько я помню, никто не сказалъ еще и слова, и спросила очень небрежно: нѣтъ ли съ нимъ и палатки. Онъ отвѣтилъ ей такимъ низкимъ поклономъ, какъ будто бы ему сдѣлали особенную, нисколько имъ неза-

служиваемую честь и опустилъ руку въ карманъ, изъ котораго явились полотна, колья, шнурки, коротко, все, что нужно для прекраснѣйшей палатки. Молодежь принялась разбивать ее; она покрыла все протяженіе ковра—и это никакого не удивило.

Давно становилось мнѣ какъ-то жутко, даже страшно; вообрази же мой ужасъ, когда я увидалъ, что по желанію, вскорѣ послѣ того кѣмъ-то выговоренному, онъ вынимаетъ изъ кармана три верховыя лошади—три прекрасныя, рослыя лошади съ сѣдлами и со всей збруей! Представь себѣ, три оседланыя лошади изъ того же кармана, изъ котораго вынуль уже бумагникъ, зрительную трубку, коверъ въ двадцать аршинъ длины, и въ десять ширинъ, палатку такой же величины со всѣми принадлежащими къ ней кольями, жердями и желѣзами. Еслибъ я не поклялся тебѣ, что видѣлъ все собствен-

ными глазами, ты никогда не поверишь
бы этому.

Не смотря на всю смиренность и уни-
женнность этого человѣка, не смотря на
то, что на него никто не обращалъ ни-
малѣйшаго вниманія, блѣдное лицо его,
съ котораго я не могъ спустить глазъ
ни па одно мгновеніе, сдѣлалось мнѣ такъ
страшно, что долѣе я не могъ уже вы-
носить его.

Я рѣшился убраться ~~в~~ потихоньку, по-
лагая это по незначительности роли,
которую тутъ разыгрывалъ, весьма
нетруднымъ. Я хотѣлъ возвратиться въ
городъ съ тѣмъ, чтобы на другой день
снова попытать счастія у господина Джон-
са, и если достанетъ духу разспросить
его даже о странномъ сѣромъ человѣкѣ!

Я и въ самомъ дѣлѣ счастливо про-
брался промежь розовыхъ кустовъ при-
подошвѣ холма, и стоялъ уже на откры-
той лужайкѣ; но вотъ, изъ опасенія, чтобы
кто нибудь не замѣтилъ какъ я пойду

прямо по травѣ, мнѣ вздумалось прежде осмотрѣться.—Вообрази же испугъ мой когда я увидалъ, что человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ идетъ за мной и прямо ко мнѣ. Онъ тотчасъ же снялъ шляпу и поклонился такъ низко, какъ никто мнѣ еще не кланивался. Не было никакого сомнѣнія, что онъ хотѣлъ заговорить со мной, и не сдѣлавъ величайшей грубости я не могъ ускользнуть отъ него. Я также снялъ шляпу, поклонился ему и стоялъ на солнцѣ съ непокрытой головой, точно пригвожденный. Я смотрѣлъ на него съ ужасомъ и неподвижно, какъ птичка очарованная змѣю. Онъ самъ казался очень смущеннымъ; отвѣсилъ мнѣ еще нѣсколько поклоновъ, подошелъ поближе и, не подымая глазъ, заговорилъ тихимъ трепетнымъ, почти нищенскимиъ голосомъ:

— Милостивый государь, покорнѣйше прошу извинить мою навязчивость, что я человѣкъ, совершено вамъ незнакомый,

преслѣдую васъ. У меня есть до васъ просьба. Будьте такъ милостивы —

— Но, ради Бога, государь мой, воскликнулъ я въ тоскѣ; что могу я сдѣлать для человѣка, который —

Мы смутились оба и оба, какъ мнѣ показалось, покраснѣли.

Послѣ минутнаго молчанія онъ началъ снова:

— Въ продолженіи того короткаго времени, которое я имѣлъ счастіе провести подлѣ васъ, вы нѣсколько разъ доставляли мнѣ случай — извините, милостивый государь, что я говорю вамъ это; — любоваться съ истинно не выражимъ восторгомъ прекраснѣйшею тѣнью, которую вы на солнцѣ сами не замѣчая этого, такъ сказать, съ благодарнымъ нѣкотораго рода презрѣніемъ отъ себя отбрасываете. Простите мнѣ мое дерзкое предположеніе: я не знаю, но можетъ быть вы и согласитесь предоставить мнѣ тѣнѣ вашу?

Онъ умолкъ, а у меня въ головѣ вертѣлось, какъ въ мѣльницѣ. Какъ понять странное предложеніе продать ему тѣнь мою! — Онъ вѣрно сумашедшій, подумалъ я, и отвѣтилъ ему измѣнившимся голосомъ, который шелъ гораздо болѣе къ его смиренной рѣчи.

— Помилуй, любезный, да не ужели тебѣ мало своей собственной? Вотъ торговля рѣшительно новаго рода!

— Въ карманѣ у меня, подхватилъ онъ тотчасъ-же, есть многое, чѣмъ, можетъ быть, вы и не пренебрежете. За безцѣнную тѣнь вашу я не подорожу ничѣмъ.

Только что онъ напомнилъ мнѣ о карманѣ, меня бросило опять въ озабѣ: и мнѣ стало непонятно, какъ могъ я назвать его любезнымъ.

— Милостивый Государь, сказалъ я, желая исправить грубость мою униженійшій вѣжливостью; извините покорнѣйшаго слугу вашаго. Можетъ быть, я

не совершенно понялъ васъ; но какже
тѣнь мою —

— Я прошу только вашего позволенія, перебилъ онъ меня, поднять и спрятать ее въ карманъ; какъ я это сдѣлаю, это уже не ваша забота. Въ замѣнѣ же и въ доказательство моей признательности я позволяю вамъ выбрать любую изъ драгоцѣнностей, которая имѣю обыкновеніе носить при себѣ. Хотите настоящую разрывъ траву, корень мандрагоры, всегда возвращающейся алтalerъ, скатерть Ролландовыхъ оруженосцевъ или лучше шапку невидимку Фортуната, вновь и надолго реставрированную или неизѣточимый кошелекъ его?

— Кошелекъ Фортуната! воскликнулъ я, совершенно отуманенный словомъ этимъ. Голова у меня кружилась, передъ глазами сверкали двойные дукаты.

— Неугодно-ли вамъ, Милостивый Государь, прежде осмотрѣть и испытать его? сказалъ онъ, вытащивъ изъ кар-

мана за два толстые шнурка крѣпко
сшитый кожаный кошелекъ средней
величины.

Я опустилъ въ него руку и вынулъ
десять золотыхъ, потомъ еще десять,
и еще десять, и еще.

— Я согласенъ; за кошелекъ я отдаю
вамъ тѣнь мою, воскликнулъ я, протя-
нувъ руку.

Мы ударили по рукамъ. Онъ тотчасъ-
же сталъ передо мной на колѣни и при-
нялся отдѣлять тѣнь мою отъ травы
тихо и съ необыкновеннымъ искусствомъ.
Отдѣливъ ее до самыхъ ногъ, онъ свер-
нулъ ее, сложилъ и спряталъ въ кар-
манъ; потомъ всталъ, поклонился и
скрылся въ кустахъ розоновъ. Мне по-
казалось, что онъ тамъ какъ будто по-
смѣвается. Я же держалъ кошелекъ
крѣпко за шнурки; вокругъ меня вся
земля ярко была освѣщена солнцемъ, а
я все еще не могъ прийти въ себя.

II.

Наконецъ я опомнился и спѣшилъ оставить мѣсто, гдѣ казалось нечего было больше дѣлать. Сперва я наполнилъ карманы мои золотомъ, а потомъ обвязавъ крѣпко шнурки около шеи, спряталъ самый кошелекъ за пазуху. Я вышелъ изъ парка никѣмъ незамѣченный, выбрался на дорогу и пошелъ въ городъ.

— Баринъ! баринъ! Да послушайтѣ же! раздалось вдругъ позади меня, когда я погруженный въ мысли подходилъ къ воротамъ города.

Я обернулся, какая-то старуха кричала мнѣ въ слѣдъ:

— Осмотритесь, вы потеряли тѣнь вашу.

— Благодарю, любезная! сказалъ я; швырнуль ей за добродушное предостереженіе золотой и повертилъ въ тѣнь подъ деревья.

У заставы та-же исторія.

— Да куда-жъ дѣвалъ онъ тѣнь свою?
пробормоталъ часовой.

— Матерь Божія, вѣдь у бѣдняшки
нѣтъ тѣни! «закричали вслѣдъ за тѣмъ
двѣ старухи. Наконецъ это надоѣло мнѣ,
и я всячески сталъ избѣгать мѣсть,
освѣщенныхъ солнцемъ. Однакожъ это
не вездѣ было возможно; такъ напри-
мѣръ на широкой улицѣ, которую мнѣ
пришлось переходить и къ вищему еще
несчастію, именно въ то самое мгновеніе,
когда куча мальчишекъ выходила изъ
школы. Проклятый горбатый мерзавецъ,
— я какъ теперь вижу его, — замѣтилъ,
тотчасъ-же, что у меня нѣтъ тѣни. Съ
громкимъ крикомъ объявилъ онъ полно-
му собранію литературно-уличной мол-
одежи предмѣстія, и она принялась
рецензировать меня и словами и грязью.

— Порядочные люди, кричали они,
выходя на солнце беруть съ собой и
тѣнь свою!

Чтобъ отдѣлаться отъ нихъ, я швыр-

нуль имъ горсть золота и вскочилъ въ наемную карету, которую добыли мнъ сострадательные люди.

Въ каретѣ я залился горькими слезами. Вѣроятно во мнѣ пробуждалось уже предчувствіе, что на сколько золото перевѣшиваетъ въ этомъ мірѣ достоинство и добродѣтель, на столько превозносится въ немъ и тѣнь надъ самымъ золотомъ; и что какъ я прежде пожертвовалъ совѣсти богатствомъ, такъ точно отдалъ я теперь тѣнь мою за ничтожное золото. Какъ-же быть мнѣ, и что же будетъ со мной !

Я былъ еще очень разстроенъ, когда карета остановилась передъ старымъ трактиромъ моимъ. Меня испугала одна уже мысль о комнаткѣ подъ самой крышей. Я велѣлъ снести пожитки мои, съ презрѣніемъ принялъ жалкій узелокъ мой; бросилъ нѣсколько золотыхъ и велѣлъ вѣхать въ самую лучшую гостиницу. Гостинница эта была расположе-

на на Съверъи потому мнъ нечего было бояться солнца. Я отпустилъ карету, потребовалъ самыя лучшія комнаты окнами на улицу и заперся въ нихъ тотчасъ-же.

Какъ ты думаешьъ , чѣмъ-же занялся я?—О другъ мой! даже и тебъ краснью я признаюсь въ этомъ.—Я вытащилъ гибельный кошелекъ изъ за-пазухи и съ какимъ-то бѣшествомъ, которое какъ пожаръ росло во мнъ само собою, принялъ вынимать изъ него золото и золото и все золото. Я сыпалъ его на полъ и ходилъ по немъ и звѣнѣль имъ; и все сыпалъ прельщая бѣдное сердце мое и блескомъ и звукомъ его до тѣхъ поръ, пока утомленный не упалъ на драгоцѣнное ложе это; и я валялся на немъ и рылся въ немъ въ неистовомъ восторгѣ. Такъ прошелъ и день и вечеръ — я не отпиралъ дверей комнаты моей : ночь застала меня лежащимъ на золотѣ, на немъ и заснуль я.

Мнъ снился ты. Мнъ казалось, что я стою за стеклянной дверью твоей маленькой комнатки и вижу, какъ ты сидишь за рабочимъ столомъ между скелетомъ и кипой высушенныхъ растѣній; передъ тобой лежали разкрытыя Галлеръ, Гумбольдъ и Линней; на софѣ часть Гёте и Волшебное кольцо. Я долго разматривалъ тебя и каждую вещь въ комнатѣ, и потомъ опять тебя; ты нешевелился однокожъ, ты и не дышалъ даже — ты былъ мертвъ.

Я пробудился. Казалось еще очень рано. Часы мои стояли. Я былъ весь какъ разбитый; меня мучила и жажда и голодъ; со вчерашняго утра я не тѣль ничего. Съ досадой, съ отвращеніемъ оттолкнулъ я отъ себя золото, которымъ такъ недавно и такъ сильно восхищалось глупое сердце мое. Теперь я не зналъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Не льзя же было оставить его такъ; я попробовалъ не приметъ ли его кошелекъ — нѣтъ. Ни

одно изъ оконъ моихъ не выходило на озеро. Какъ быть, пришлось перетаскивать его съ трудомъ и въ потѣ лица въ большой сундукъ, стоявшій въ кабинетѣ. Я оставилъ только нѣсколько пригоршней. Кончивъ работу эту, я бросился совершенно изнуренный въ кресла и ждалъ пробужденія служителей. Только что зашевелились въ домѣ, я велѣлъ подать себѣ юстъ и позвать хозяина.

Съ нимъ я посовѣтывался обѣ устройствѣ моего будущаго житѣя бытъя. Онъ предложилъ мнѣ взять въ услуженіе человѣка, какъ онъ говорилъ, очень вѣрнаго, по прозванію Бенделя. Честное и умное лицо этого Бенделя расположило меня тотчасъ же въ его пользу; и его-то утѣшительная привязанность помогала мнѣ переносить всѣ несчастія, которымъ въ послѣдствіи подвергла меня жестокая судьба моя.

Цѣлый день провелъ я въ моихъ комнатахъ съ неимѣвшими мѣстъ служи-

телями, съ сапожниками, портными и купцами. Я устроивалъ хозяйство свое; накупилъ въ особенности много драгоцѣнностей, чтобы хоть нѣсколько уменьшить набросанную мною кучу золота; но она, казалось, никакъ не уменьшалась.

Междуду тѣмъ состояніе мое беспокоило меня чрезвычайно. Я не смѣлъ выдти за дверь, а вечеромъ, прежде чѣмъ выберусь изъ потемокъ, приказывалъ зажечь въ залѣ сорокъ восковыхъ свѣчей.

Съ ужасомъ припоминалъ я страшный случай съ школьніками. Наконецъ, какъ ни было это для меня трудно, я рѣшился, однакожъ, испытать еще разъ общественное миѣніе.—Ночи въ это время были мѣсячныя. Поздно вечеромъ накинулъ я на себя широкій плащъ, надвинулъ на глаза шляпу, прокрался потихоньку и дрожа, какъ преступникъ, на улицу, и только на самой отдаленной площади осмѣлился выдти изъ тѣни

отбрасываемой домами, съ трепетомъ ожидая приговора изъ усть проходящихъ.

Избавь меня, любезный другъ, отъ тягостнаго повторенія всего, что я долженъ былъ вытерпѣть. Женщины обнаруживали неразъ глубочайшее страданіе, но въ такихъ выраженіяхъ, которые пронзали сердце мое не менѣе насмѣшекъ ребята и надменнаго презрѣнія мужей, въ особенности такъ толстыхъ, что бросали даже и тѣнь широкую. Прекрасная молодая дѣвушка, шедшая вѣроятно съ родителями, которые смотрѣли только на свои ноги, глянула случайно свѣтлыми глазками на меня и въ тоже мгновеніе замѣтивъ, что я небросаю тѣни, вздрогнула видимо, закрыла прекрасное лицо вуалемъ, опустила головку и прошла безмолвно.

Далѣе я не могъ выносить. Градомъ брызнули слезы изъ глазъ моихъ и съ разтерзаннымъ сердцемъ, шатаясь спѣ-

шиль я снова въ тѣнь. Я долженъ бытъ идти по стѣнкамъ, чтобы не упасть, и поздно ужъ возвратилсѧ домой.

Всю ночь провелъ я безъ сна. На другой день, первое, что мнѣ пришло въ голову—это было послать отыскивать человѣка въ сѣромъ кафтанѣ. Можетъ быть и удастся найти его; и что если и онъ, какъ я, разсказывается въ глупомъ промѣнѣ этомъ? — Я позвалъ Бенделя; онъ былъ смысленъ и разсторопенъ; я подробно описалъ ему человѣка, въ рукахъ котораго находится сокровище, безъ котораго жизнь для меня просто мученіе. Я передалъ ему время и мѣсто, гдѣ я его видѣлъ; описалъ всѣхъ, кто тамъ былъ, прибавилъ еще чтобы онъ освѣдомился о Долондовѣ зрительной трубкѣ, о богатомъ Тураецкомъ коврѣ, о палаткѣ и наконецъ о черныхъ верховыхъ лошадяхъ, не объясняя ему, что за отношеніе между всѣмъ этимъ и загадочнымъ человѣкомъ,

на котораго никто не обращалъ никакого вниманія , и который однімъ появлениемъ своимъ лишилъ меня и спокойствія и счастія.

Кончивъ это порученіе , я досталъ столько золота , сколько могъ донести, прибавилъ еще не мало бриліантовъ и драгоцѣнностей и сказалъ:

— Бендель, это пролагаетъ вездѣ путь, дѣлаетъ возможнымъ многое, что до того кажется невозможнымъ ; не скучись точно также, какъ и я нескуплюсь. Ступай и обрадуй господина своею вѣстію, отъ которой зависитъ счастіе всей жизни его.

Онъ ушолъ. Возвратился онъ поздно и нерадостенъ : никто изъ людей Джонса, никто изъ гостей его — онъ говорилъ со всѣми, — никто и припомнить даже не можетъ человѣка въ сѣромъ кафтанѣ. Новая зрительная трубка тамъ еще и никто не знаетъ откуда взялась она; коверъ, палатка все еще на холмѣ, служители хва-

стаютъ богатствомъ господина своего и ни одинъ не знаетъ, откуда получилъ онъ эти новыя драгоцѣнности. Онъ понравились ему и его никакъ не беспокоитъ, что онъ и самъ не знаетъ откуда получиль ихъ. Лошади стоять въ стойлахъ молодыхъ людей, которые на нихъ ъздили и они превозносятъ щедрость господина Джонса, отъ котораго они въ тотъ-же самый день получили ихъ въ подарокъ. Вотъ все, что я узналъ изъ подробнаго разсказа Бенделя, котораго, не смотря на неуспѣшность, я не могъ не похвалить за старательность и тщательность, съ которой онъ выполнилъ порученіе мое. Грустно махнулъ я ему рукою, чтобы онъ оставилъ меня одного.

— Я передалъ вамъ то, что полагалъ для васть всего важнѣе, сказалъ онъ тутъ же. Теперь мнѣ остается сообщить вамъ то, что поручилъ мнѣ сегодня по утру человѣкъ, на котораго я натолкнулся, выходя изъ гостиницы на ро-

зыски, такъ неудачно окончившіеся. Вотъ его собственныя слова : «Скажите господину Шлемилю, что онъ не увидитъ уже меня здѣсь, потому что я ѿду за морѣ и что я сейчасъ-же отправляюсь въ гавань. Но что ровно черезъ годъ, именно въ тотъ-же самый день, я самъ отъишу его съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ему другое предложеніе, отъ котораго онъ, можетъ быть, не откажется. Засвидѣтельствуйте ему мое глубочайшее почтеніе и прибавьте, что я много, много ему благодаренъ.» — Я спросилъ его кто онъ; и получилъ въ отвѣтъ, что вы ужъ знаете его.

— А каковъ онъ собой? спросилъ я быстро, волнуемый горькимъ предчувствіемъ. Бендель описалъ мнѣ человѣка въ сѣромъ кафтанѣ черта въ черту, слово въ слово, какъ описывалъ его за минуту, разсказывая всѣ свои разспросы объ немъ.

— Несчастный! воскликнулъ я, ломая

руки; да вѣдь это именно онъ и былъ! Тутъ у него какъ бы съ глазъ свалилась повязка.

— Да, это онъ, именно онъ! И я слѣпой, безглазый, не узналъ его, не узнай и измѣнилъ господину своему.

Онъ плакалъ горько, осыпая себя жесточайшими упреками, и отчаяніе его было такъ сильно, что мнѣ самому стало жаль его. Я сталъ утѣшать его, повторялъ нѣсколько разъ, что я нисколько не сомнѣваюсь въ вѣрности его, и тотчасъ же послалъ въ гавань, чтобы открыть хоть слѣды этого удивительного человѣка. Но именно въ это утро вышло нѣсколько кораблей, задержанныхъ въ гавани противными вѣтрами и все въ разныя страны, и сѣрий человѣкъ изчезъ безъ слѣда, какъ тѣнь.

III.

Къ чему крылья закованному въ железныя цѣпи? Развѣ для того, чтобы его отчаяніе было еще мучительнѣе. Какъ Фафнеръ при сокровищѣ своемъ, отрѣшенный отъ всего человѣческаго, томился я при золотѣ моемъ; но оно не было душой моей, я проклиналъ его за то, что оно удалило меня отъ всего живущаго. Тая въ самомъ себѣ горестную тайну мою, я страшился послѣдняго служителя и въ тоже время завидовалъ ему, потому что у него была тѣнь и онъ могъ смѣло ходить по солнцу. Одиночъ грустилъ я дни и ночи; скорбь сушила сердце мое.

Скорбѣль и еще одинъ — мой вѣрный Бендель, не перестававшій мучить себя безмолвными упреками въ томъ, что обманулъ довѣріе доброго господина своего и не узналъ человѣка, за которымъ

былъ посланъ и съ которыемъ, какъ онъ очень легко могъ догадаться, тѣсно была связана горестная судьба моя.

Желая испытать все, послалъ я однажды Бенделя съ драгоцѣннымъ бриліантovымъ перстнемъ и съ просьбою посѣтить меня къ славнѣйшему живописцу города. Онъ пришелъ, я удалилъ всѣхъ служителей, заперъ двери, попросилъ садиться, превознесъ его искусство до небесъ и наконецъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ приступилъ къ самому дѣлу, взявъ прежде съ него торжественнѣйшую клятву хранить молчаніе.

— Господинъ профессоръ, началъ я, не можете ли вы, написать фальшивую тѣнь, для человѣка, который имѣлъ несчастіе лишиться настоящей?

— То есть тѣнь, которую отбрасываетъ отъ себя тѣло человѣка?

— Именно ее.

— Но скажите, пожалуста, есть ли какая возможность быть такъ оплошну,

такъ неосмотрительну, чтобы потерять собственную тѣнь свою?

— Разсказомъ о томъ, какъ онъ потерялъ ее не поможешь. Впрочемъ, я скажу вамъ какъ это случилось. Прошлой зимой путешествовалъ онъ по Россіи и тамъ, въ одинъ изъ жесточайшихъ морозовъ тѣнь его примерзла къ земль такъ крѣпко, что онъ уже никакъ не могъ оторвать ее.

— Фальшивая тѣнь, которую я конечно могъ бы написать ему, возразилъ профессоръ, будеть однажды такъ невѣрна, что онъ потеряетъ ее опять при малѣйшемъ движеніи; да и гдѣжъ удержать ее, если ужъ и врожденная держалась такъ слабо, какъ это видно изъ самаго рассказа вашего. У кого нѣть тѣни, тому не надо ходить на солнцѣ; это будетъ и благоразумнѣе и вѣрище.

Сказавъ это, онъ всталъ, и удалился, взглянувъ на меня такъ проницательно, что я не вынесъ взгляда его. Я упалъ

опять въ кресла и закрылъ лицо руками.

Въ этомъ самомъ положеніи засталъ меня вошедшій Бендель. Изъ уваженія къ скорби господина своего, онъ тихо и почтительно хотѣлъ уже удалиться. — Я поднялъ глаза — тягость горя подавила меня совершенно; мнѣ надо было высказатьсь.

Бендель! воскликнулъ я; Бендель, ты одинъ видиши и уважаешь страданія мои; ты сочувствуешь имъ тихо и безмолвно, пискалько не оскорбляя меня неумѣстнымъ любопытствомъ. Приди въ объятія мои, будь другомъ сердца моего. Я не запиралъ отъ тебя сокровищъ золота моего, не хочу запирать отъ тебя и сокровищъ горя моего. Бендель, не оставляй меня. Бендель, ты знаешь, я богатъ, щедръ, добръ. Ты воображаешь, что свѣтъ долженъ уважать меня, и видишь что я бѣгаю свѣта, запираюсь отъ свѣта. Бендель, свѣтъ рѣшилъ уже и

отвергъ меня; можетъ быть, и ты оставилъ меня, когда узнаешь страшную тайну мою. Бендель, я богатъ, щедръ, добръ; но — о Боже, — у меня нѣтъ тѣни.

— Нѣтъ тѣни! воскликнулъ онъ въ ужасѣ и крупныя слезы брызнули изъ глазъ его. О, горе! горе мнѣ, осужденному на служеніе безтѣнному господину!

Онъ замолкъ, а я сидѣлъ закрывши лицѣ руками.

— Бендель, началъ я опять послѣ долгаго молчанія трепетнымъ голосомъ. Я все повѣрилъ тебѣ, теперь ты можешь измѣнить мнѣ. Ступай, разскажи это всѣмъ.

Казалось, что въ душѣ его происходило спльное бореніе; наконецъ онъ упалъ передо мной на колѣни, схватилъ руку мою и оросилъ ее слезами.

— Нѣтъ, воскликнулъ онъ, чтобы тамъ ни сказалъ свѣтъ, а я не могу и не оставлю доброго господина моего изъ какой

и пбудь тѣни; я хочу поступать не благоразумно, а честно. Я остаюсь у васъ, стану ссужать васъ мсю тѣнью, помогать вамъ гдѣ можно, а гдѣ не льзя, буду вмѣстѣ съ вами плакать.

Я бросился къ нему на шею изумленный такимъ рѣдкимъ образомъ мыслей; потому что я былъ твердо увѣренъ, что все это дѣлается не изъ денегъ.

Съ этой поры и судьба и образъ жизни моей нѣсколько измѣнились. Я не могу выразить съ какой заботливостью и съ какимъ искусствомъ скрывалъ Бендель недостатокъ мой. Онъ былъ вездѣ и передъ мной и со мной, все предвидѣль, все предупреждалъ, а гдѣ грозила нежданная опасность прикрывалъ меня тотчасъ же своей собственной тѣнью, потому что онъ былъ и выше и толще меня. Такимъ образомъ я отважился вступить опять въ среду людей и началь уже играть въ свѣтѣ ролю довольно значительную. Разумѣется, я долженъ былъ

накинуть на себя много причудъ и странностей; но вѣдь эти вещи идутъ къ богатому; и до тѣхъ поръ, пока не открылась роковая тайна, я пользовался всѣми почестями и всѣмъ уваженіемъ, которое доставляетъ золото. Я ожидалъ уже спокойнѣе приближеніе обѣщаннаго черезъ годъ свиданія съ таинственнымъ незнакомцемъ.

Я понималъ очень хорошо, что мнѣ никакъ не слѣдовало оставаться долго въ городѣ, гдѣ меня видѣли уже безъ тѣни, и гдѣ весьма легко могла открыться тайна моя; кромѣ того, можетъ быть, и воспоминаніе о моемъ первомъ явленіи къ Джонсу тяготило меня и потому я рѣшился пробыть тутъ очень короткое время, и то для испытанія себя, чтобы въ другомъ мѣстѣ явиться съ большей уже увѣренностью. Но нашлась пища тщеславію, и оно задержало меня. Тщеславіе это такой грунтъ въ

человѣкѣ, въ который якорь впивается глубже и крѣпче, чѣмъ во всякой другой.

Именно та самая Фанни, съ которой мнѣ привелось уже разъ встрѣтиться и которая со всѣмъ забыла, что видѣла меня прежде, почтила меня особыннмъ вниманіемъ, потому что теперь я былъ и уменъ и остроуменъ.—Когда я говорилъ, все слушало меня; и я самъ не знаю откуда взялась у меня тогда способность овладѣвать разговоромъ и вести его легко и занимателно. Впечатленіе произведенное мною на прекрасную, когда я самъ замѣтилъ его, сдѣлало именно то, чего ей такъ хотѣлось—свело меня рѣшительно съ ума; съ этого мгновенія я слѣдовалъ за ней всюду, когда только позволяли тѣнныи сумерки, что было однажды сопряжено съ величайшими трудностями. Я только тщеславился тѣмъ, что она тщеславится мною и не смотря на все

желаніе не могъ перенести упосенія изъ головы въ сердце.

Но къ чему пересказывать тебъ всѣ подробности этой пошлой исторіи, ты самъ разсказывалъ мнѣ не мало подобныхъ. Эта старая, всѣмъ извѣстная піеса, въ которой я такъ простодушно принялъ на себя самую изтертую роль, кончилась однакожъ катастрофой, которой, конечно, ни она да и никто не ожидалъ.

Однимъ прекраснымъ вечеромъ, какъ обыкновенно, собралъ я въ саду довольно большее общество. Гуляя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ гостей рука въ руку съ моей владычицей, нашептывалъ я ей разныя любезности. Она смиленно смотрѣла въ землю и отвѣчала тихимъ пожатіемъ руки моей. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, позади насть выглянула изъ за облоковъ мѣсяцъ и она увидала одну только свою тѣнь. Вздрогнувъ, посмотрѣла она съ удивле-

ниемъ на меня, потомъ опять на землю, какъ бы вызывая глазами тѣнь мою; и все, что тогда происходило въ ней, выразилось на лицѣ ея такъ странно, что я разохотался бы непремѣнно, еслибы самого не обхватилъ хладный трепетъ.

Она лишилась чувствъ, а я какъ стрѣла пролетѣлъ мимо испуганныхъ гостей, бросился въ первую стоявшую у воротъ карету и возвратился въ городъ, гдѣ на бѣду мою оставилъ моего осторожнаго Бенделя. Онъ ужаснулся увидавъ меня; одно слово объяснило ему все. Въ туже минуту были приведены почтовыя лошади. Я взялъ съ собой только одного изъ служителей моихъ, хитраго мошенника Раскаля, который проворствомъ и вкрадчивостью своей умѣлъ сдѣлаться для меня необходимымъ, и который не могъ и предчувствовать случившагося со мною въ тотъ вечеръ. Въ туже самую ночь проскакали

мы тридцать миль. Бендель же остался въ городѣ для разплаты съ хозяиномъ и съ должниками и для того, чтобы захватить все необходимое. На другой день, когда онъ нагналъ насъ, я бросился въ его объятія и клялся, что впередъ не сдѣлаю уже никакой глупости, что буду гораздо осторожнѣе. Мы перѣхали границу и горы и только за ними, отдаленный этой высокой преградой отъ бѣдственнаго для меня города, согласился я отдохнуть въ маленькомъ мѣстечкѣ съ минеральными водами, имѣвшими очень немного посѣтителей.

IV.

Быстро долженъ я пробѣжать въ моемъ разсказѣ время, на которомъ остановился бы такъ охотно, еслибы только могъ воскресить въ памяти живый духъ его. Но изчезъ цвѣтъ живившій — цвѣтъ, который только и можетъ ожи-

вить его, и когда я силюсь отыскать въ груди моей все, что такъ сильно тогда воздымало ее: и восторги и горести и свѣтлыя мечты—тщетно стучу я въ въ скалу, изъ которой не брызнуть уже живому источнику. Господь покинулъ меня. И какъ измѣнилось для меня прошедшее время это!—Въ мѣстечкѣ я принялъ на себя роль — роль слишкомъ плохо заученную, и изъ которой тотчасъ вышелъ, засмотрѣвшись на пару голубыхъ глазъ. Обманутые игрой моей родители, старались всѣми силами заключить торгъ какъ можно скорѣе и пошлый фарсъ кончился для меня позоромъ. И только!—Все это представляется мнѣ теперь такъ глупымъ, такъ пошлымъ, и въ тоже время мнѣ становится какъ то страшно, что мнѣ можетъ такъ представляться и то, что такъ чудно тогда счастливило и наполняло грудь мою. О, Мина, какъ тогда, теряя тебя, я плакалъ горько, такъ и теперь

горько плачу я, что потерялъ тебя и
въ самомъ себѣ. Неужели я такъ старъ
уже? О, безпощадный разумъ! возврати
мнѣ хоть одно мгновеніе того времени,
хоть одну мечту того обольщенія; но
нѣтъ--одинокъ я на великому, на пустын-
номъ океанѣ горькихъ водъ твоихъ, и
давнымъ давно вылѣтель уже эльфъ
шампанскаго изъ послѣдняго бокала.

Я послалъ Бенделя впередъ съ нѣ-
сколькими мѣшками золота, чтобы онъ
отыскалъ и приготовилъ приличную
квартиру. Онъ сыпалъ деньги не жалѣя,
насчетъ же знатнаго иностранца, кото-
рому служилъ, выражался довольно не-
определенno, и потому все это навело
простодушныхъ жителей на довольно
страное предположеніе. Приготовивъ
квартиру, Бендель приѣхалъ тотчасъ за
мною, и мы отправились.

За милю отъ мѣстечка, на полянѣ яр-
ко освященной солнцемъ, большая толпа
народа въ праздничныхъ одеждахъ пре-

градила намъ дорогу. Карета остановилась. Музыка гремѣла, колокола звѣнѣли, слышны были даже пушечные выстрѣлы и наконецъ громкое ура потрясло всю окрестность. Къ дверцамъ кареты подошелъ хоръ дѣвушекъ красоты необыкновенной, но одна затемняла ихъ всѣхъ, какъ яркое солнце блѣдныя звѣзды ночи. Она выступила изъ среды подругъ своихъ, преклонила передо мной колѣни, протянула ко мнѣ атласную подушку, на которой лежалъ вѣнокъ сплетенный изъ лавровъ, оливъ и розъ, и краснѣя отъ застѣнчивости прошептала что-то о величествѣ, уваженіи и любви. Я рѣшительно ничего не понялъ и не смотря на то иѣжный и серебристый звукъ ея голоса, очаровалъ и слухъ и сердце мое. Мнѣ казалось, что это небесное видѣніе когда-то являлось уже мнѣ. Только что она кончила, хоръ запѣлъ хвалу доброму королю и счастію народа его.

И все это, на мѣстѣ ярко освѣщен-

номъ солнцемъ! Она все еще стояла въ двухъ шагахъ отъ меня на колѣнахъ, а я, безъ тѣни, не могъ перескочить че-резъ эту пропасть, чтобы самому пасть передъ ангеломъ. О, чего не отдалъ бы я въ это мгновеніе за какую бы ни было тѣни! я долженъ былъ скрывать мой стыдъ, мою тоску, мое отчаяніе въ глубинѣ кареты. Наконецъ Бендель спо-хватился и выскочилъ съ другой сторо-ны; я кликнулъ его назадъ и вручилъ ему попавшійся подъ руку бриліантовый вѣнчикъ, который долженъ былъ укра-шать головку Фанни. Онъ подошелъ къ толпѣ, объявилъ отъ имени господина своего, что онъ не можетъ и не хочетъ принять всѣхъ этихъ почестей, что тутъ должна быть какая нибудь ошибка и что, не смотря на то, онъ все таки благода-рить добрыхъ жителей города. Сказавъ это, онъ взялъ предлагаемый вѣнокъ, замѣнивъ его бриліантовымъ вѣнчи-комъ; поднялъ потомъ прекрасную, по-

просилъ толпу раздвинуться, вскочилъ потомъ въ карету и она, быстро проскакавъ сквозь ворота сдѣланныя изъ зеленыхъ вѣтвей и цветовъ, понеслась прямо въ городъ.

А пушки все еще гремѣли. Карета остановилась передъ крыльцомъ дома моего, и я выскочилъ изъ нея быстро раздѣляя толпу, которую собрало здѣсь любопытство и желаніе видѣть меня. Народъ кричалъ ура подъ моими окнами и я велѣлъ бросить ему золота. По вечеру весь городъ былъ илюминованъ.

Я все еще не зналъ, что это значить и за кого принимаютъ меня. Я послалъ Раскаля развѣдать и ему рассказали, какъ получено вѣрнѣйшее извѣстіе, что добрый Король Пруссій путешествуетъ по владѣніямъ своимъ подъ именемъ какого-то графа, какъ узнали моего адъютанта, какъ онъ измѣнилъ и мнѣ и самому себѣ, и какъ велика ихъ радость видѣть меня въ городѣ ихъ. Что теперь,

такъ какъ очевидно, что я хочу сохранить строжайшее инкогнито, они конечно понимаютъ какъ неосторожно поступили приподнявъ такъ дерзко завѣсу тайны. Но что я гнѣвался такъ милостиво, такъ великодушно, что они надѣются, что я прощу имъ преизбытокъ любви ихъ.

Негодяю показалось это такъ забавнымъ, что онъ съ своей стороны сдѣлалъ все что могъ, чтобы утвердить ихъ въ этомъ предложеніи еще болѣе. Онъ рассказывалъ все это чрезвычайно смѣшно; увидавъ же это что забавляетъ меня, онъ не скрылъ отъ меня даже и злобной насмѣшки своей надъ ихъ легко-мысліемъ. Признатся ли? Миѣ льстило что меня принимаютъ за вѣнценосца.

Я приказалъ устроить къ слѣдующему вечеру подъ деревьями, оставившими площадку передъ моимъ домомъ, празднество, на которое пригласилъ цѣлый городъ. Таинственная сила кошелька,

моего, старательность Бенделя и быстрая изобретательность Раскаля побѣдили самое время. Въ самомъ дѣлѣ все было устроено въ нѣсколько часовъ съ удивительнымъ великолѣпіемъ и роскошью; освѣщеніе же придумали такъ хитро, что мнѣ рѣшительно нечего было опасаться.

Вечеръло. Гости собирались и представлялись мнѣ. Величества не было и въ поминѣ; все съ глубочайшимъ уваженіемъ величало меня только графомъ. Дѣлать было нечего; напрасно сталъ бы я отпираться и я остался графомъ Петромъ. Между тѣмъ и въ шумѣ празднества душа моя жаждала одной. Поздно явилась она, такъ достойная вѣнца, въ вѣнцѣ ей подаренномъ. Скромно шла она за родителями и, какъ казалось, нисколько не подозрѣвая, что она всѣхъ прекраснѣе. Миѣ представили господина Форшмейстера, его супругу и дочь. Старикамъ я наговорилъ много лестнаго и обязательнаго,

передъ дочерью же стоялъ, какъ школьнікъ получившій порядочный нагоняй, и немогъ вымолвить слова. Наконецъ запинаясь, попросилъ я ее почтить празднество это, быть Царицей его. Съ прелестнѣйшей стыдливостью съ умоляющимъ взглядомъ, просила она уволить, ее; но я, закраснѣвшись еще болѣе чѣмъ она, преклонилъ уже передъ ней колѣна какъ первый подданный; и всѣ гости сдѣлали тоже; примѣръ графа былъ для нихъ закономъ. Счастливые родители Мины думали, что только въ честь имъ возвышали такъ дочь ихъ; я былъ въ какомъ-то упоеніи. Всѣ перлы, всѣ бриліанты — которыхъ я накупилъ множество, чтобы хоть нѣсколько избавиться отъ обременительного золота, — велѣлъ я положить на два закрытыхъ блюда и разносить отъ имени царицы между подругами ея и дамами; народу же, который толпился вокругъ загородки, бросали безпрестанно золото.

На другое утро Бендель открылъ мнъ, что давнее подозрѣніе его Раскалевой честности, подтвердилось наконецъ совершено; что вчера онъ утаилъ нѣсколько мѣшковъ золота.

—Это ничего не значитъ, сказалъ я ему; я такъ охотно бросаю золото мое всѣмъ, отчего жъ и ему не попользоваться. И онъ и всѣ новые служители тобой набранные содѣйствовали вчерашнему празднеству превосходно; я вполнѣ доволенъ ими.

Такъ это и кончилось. Раскаль остался первымъ изъ моихъ служителей, Бендель же былъ моимъ другомъ и повѣреннымъ. Послѣдній привыкъ уже думать, что богатство мое неизтощимо и потому, никогда не развѣдывая объ источникахъ его, вошелъ совершенно въ желанія мои, и помогалъ мнѣ всячески выказывать и разточать его. Что же касается до незнакомца такъ онъ думалъ, что только онъ и можетъ снять съ меня тяжелое, лежавшее на мнѣ про-

клятіе, что я боюсь его какъ человѣка, на котораго положилъ всѣ надежды свои, и что убѣдившись наконецъ въ невозможности отыскать его, я рѣшился ждать обѣщанаго дня.

Великолѣпіе празднства и необыкновенная щедрость моя утвердили легко-вѣрныхъ жителей города въ нелѣпномъ предположеніи ихъ еще болѣе. Вскорѣ они узнали конечно изъ газетъ, что все это баснословное путешествіе короля Прускаго, былъ пустой наничемъ не основанный слухъ. Но они пожаловали уже меня въ Короли и потому не смотря ни на что, я долженъ былъ остаться Королемъ и притомъ еще королевственнѣйшимъ и богатѣйшимъ. Не могли только опредѣлить, какой собственно я Король. Миръ никогда не могъ пожаловаться на недостатокъ въ монархахъ и тѣмъ паче въ наше время; добряки эти никогда невидав-шие ни одного, принимали меня то за то-

го, то за другаго, — графъ Петръ оставался все тѣмъ-же, что онъ былъ.

Въ числѣ посѣтителей водъ, былъ купецъ обанкротившійся для обогащенія, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и отбрасывавшій отъ себя нѣсколько блѣдоватую, но за то довольно широкую тѣнь. Онъ хотѣлъ блеснуть здѣсь собраннымъ богатствомъ, и наконецъ вздулся даже соперничать со мною. Я прибѣгъ къ кошельку моему и глупецъ вскорѣ долженъ былъ обанкротиться снова и убраться за горы. Такъ избавился я отъ него.—Многихъ сдѣлалъ я въ мѣстѣчкѣ этомъ тунеядцами и негодяями.

При всемъ царскомъ блескѣ, при всей разсточительности, самъ я жилъ очень просто и уединенно. Въ мою комнату доступъ былъ возбраненъ строжайше всякому, кромѣ Бенделя. Пока свѣтило солнце, я сидѣлъ въ ней съ нимъ запершись, и тутъ говорили, что графъ работаетъ въ своемъ кабинетѣ; къ этимъ

же работамъ относились и частые курьера, которыхъ я посыпалъ за всякой бездѣлицей ! Я принималъ только по вечеру подъ деревьями, осѣнявшими домъ мой, или въ залѣ, ярко освѣщенной, по особенному разпредѣленію Бенделя. Я выходилъ, и то подъ аргусовскимъ надзоромъ Бенделя, только въ садъ Форшт-мейстера, куда влекла меня любовь— любовь, сдѣлавшаяся душой всей жизни моей.

О , добрый мой Шамиссо , надѣюсь, что ты не забылъ еще, что такое любовь ! Я предоставляю тебѣ самому пополнить здѣсь многое. Мина была, въ самомъ дѣлѣ, милое , доброс и кроткое созданіе. Я сосредоточилъ на себѣ всѣя помышленія; въ простотѣ души своей, она рѣшительно не понимала, чѣмъ могла она обратить на себя вниманіе мое и платила любовію за любовь со всѣмъ юношескимъ увлеченіемъ невиннаго сердца. Она любила какъ благородная жен-

щина, забывая самое себя, отдаваясь совершенно тому, кого почитала жизнью своей, никаколько не заботясь о томъ, что можетъ погубить себя. Она любила истинно.

А я—о, какія ужасныя мгновенія!—Да, ужасныя, и вмѣстѣ такъ прекрасныя, что не льзя не пожелать возвращенія ихъ. Сколько разъ, очнувшись отъ упоительного самозабвенія, сообразивъ съ какимъ коварнымъ самолюбіемъ увлекъ, привязалъ я къ себѣ—я человѣкъ безъ тѣни, чистую невинную душу эту, упадаль я со слезами на грудь Бенделя, клялся, что открою ей все, что оторвусь отъ нея, что бѣгу и черезъ минуту—совѣтовался опять съ нимъ, какъ бы повечеру увидаться съ ней въ саду Форштмейстера.

По временамъ я обольщалъ себя, Богъ знаетъ, какими надеждами на близившееся посѣщеніе съраго незнакомца, и снова проливалъ слезы, когда надежды эти

помрачались сомнѣніями. Я вычислилъ день, въ который онъ долженъ явиться; онъ сказалъ: ровно черезъ годъ, а я вѣрилъ слову его.

Родители Мины, были добрые, довольно пожилые уже люди, любившіе ее, какъ единственное дитя свое; отношенія мои къ ней поразили ихъ совсѣмъ неожиданно, тогда какъ они совсѣмъ уже опредѣлились, и они не знали что дѣлать. До этого имъ и въ голову не приходило, чтобы графъ Петръ могъ когда нибудь заняться дочерью ихъ и вотъ, онъ любить ее и любимъ. — Мать была впрочемъ на столько тщеславна, что почитала соединеніе наше возможнымъ и даже хлопотала о немъ; но здравый смыслъ старика не могъ допустить этого никакимъ образомъ. Они оба были убѣждены въ чистотѣ любви моей — имъ оставалось только молиться за дитя свое.

Вотъ мнѣ попалось подъ руку одно изъ писемъ Мины того времени :

« Я глупая , неразумная дѣвушка ; я вообразила , что мой милый—потому что я глубоко , глубоко люблю его,—никогда не захочетъ огорчить бѣдную дѣвушку . —Ахъ , ты такъ добръ , такъ невыразимо добръ — пойми-же меня хорошенъко . Ты ничѣмъ не долженъ мнѣ жертвовать , не долженъ даже и желать этого . О , Боже ! я въ состояніи возненавидѣть себя , если ты хоть чѣмъ нибудь по- жертвуешь мнѣ . —Нѣтъ — ты сдѣлалъ меня безконечно счастливой , ты научилъ меня любить тебя . — Уѣзжай ! Вѣдь я знаю судьбу мою — графъ Петръ при- надлежитъ не мнѣ , а свѣту . Я стану гордиться когда услышу : это онъ и опять онъ , это сдѣлано имъ , и здѣсь благо- словляли его , и тамъ богоотворятъ его . — Видишь-ли , какъ я подумаю объ этомъ , такъ мнѣ и станетъ досадно на тебя , что ты въ состояніи забыть свое высо-

кое предназначение, для такой простой и ничтожной девушки, какъ я. — Пожай! а то пожалуй мысль эта сдѣлать меня еще несчастною — меня такъ счастливую тобою. — Развѣ я не вплела оливъ и розъ въ жизнь твою точно также, какъ въ вѣнокъ, который подала тебѣ при первой встрѣчѣ нашей. Не бойся удаленія отъ меня; ты всегда будешь въ сердцѣ моемъ — я умру счастливая, невыразимо счастливая тобою. »

Можешь себѣ представить какъ должны были разтерзать сердце мое слова эти. Я объяснилъ ей, что я совсѣмъ не то, за что меня принимаютъ; что я очень богатый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безконечно несчастный человѣкъ; что на мнѣ тяготѣть проклятие, которое должно остаться единственной тайной между ею и мной, потому что я не совсѣмъ еще лишенъ надежды избавиться отъ него; что это отрава всей жизни моей; что я могу увлечь вмѣстѣ съ собой въ без-

дну и ее—ее, свѣтъ, счастіе, душу жизни моей. И она плакала, что я несчастливъ. Ахъ, она была такъ добра, такъ полна любви! Съ восторгомъ пожертвовала-бы она собою, если-бы могла изкупить тѣмъ хоть одну слезу мою.

Но она все еще никакъ не подозрѣвала настоящаго значенія словъ моихъ; она полагала, что я какой нибудь князь, или какое нибудь другое значительное гонимое лицо, и воображеніе ся украшало меня всѣми геройскими доблестями.

— Мина, сказалъ я ей однажды; послѣдній день слѣдующаго мѣсяца можетъ измѣнить и решить судьбу мою; обманетъ онъ ожиданія мои, я умру, потому что не хочу сдѣлать тебя несчастною.

— Перемѣнится судьба твоя, говорила она, скрывая орошенное слезами лицо свое на груди моей; я не имѣю на тебя никакихъ притязаній, — я буду до-

вольна однимъ уже сознанiemъ , что ты счастливъ. Будешь несчастенъ— соедини судьбу мою съ твою , и я помогу тебѣ нести тягостное горе.

— О, возьми , воскликнулъ я , возьми назадъ поспѣшную, глупую просьбу эту, такъ необдуманно сорвавшуюся съ устъ твоихъ ! Знаешь-ли ты , что это за несчастіе , что это за проклятіе ? Знаешь-ли ты кто твой возлюбленный — что онъ ? — Развѣ ты не видишь какъ судорожно потрясаетъ меня тайна , которой не могу открыть даже и тебѣ !

Рыдая упала она къ ногамъ моимъ и заклинала исполнить просьбу ея.

Я объявилъ вошедшему Форштейнеру , что въ первое число слѣдующаго мѣсяца я намѣренъ просить у него руки дочери его ; что срокъ этотъ я назначаю потому , что до того времени можетъ случиться многое , что должно имѣть большее вліяніе на судьбу мою ,

и что любовь моя къ его дочери неизменна.

Добрякъ, услыхавъ такие слова изъ устъ графа Петра, изпугался рѣшитель-но. Онъ бросился ко мнѣ въ объятія и тотчасъ-же сконфузился, что могъ до того забыться. За тѣмъ пошли сомнѣнія, опасенія и разспросы; онъ заговорилъ о приданомъ, объ обезпеченіи, о будущности своей возлюбленной дочери. Я поблагодарилъ за напоминовеніе; сооб-щилъ, что думаю навсегда поселиться въ странѣ, гдѣ такъ любимъ и наконецъ попросилъ скупить на имя дочери всѣ лучшія продажныя помѣстья, предоставивъ разплачиваться мнѣ.

Порученіе это заставило его похлопотать порядкомъ, потому что его предупреждали вездѣ, куда онъ ни являлся, и всѣ покупки его обошлись мнѣ небольшое количество.

Все это была невинная хитрость, чтобъ только удалить его, и я пользовался

ей не въ первый разъ, потому что, надоѣло признаться, старикъ былъ въ самомъ дѣлѣ иѣсколько докученъ. Добрая же маменька была напротивъ не много глуховата и иѣсколько не имѣла нелѣпой фантазіи занимать графа.

Тутъ подошла къ намъ и она. Счастливые люди эти просили меня провести съ ними весь этотъ вечеръ; мнѣ же долѣе ни минуты не льзя было оставаться, потому что на горизонтѣ виднѣлся уже край выплывавшаго мѣсяца.

Въ слѣдующій вечеръ пошелъ я опять въ садъ Форштмейстера. Взглянувъ на меня совсѣмъ закутаннаго въ широкій плащъ, и съ шляпой падинутой на глаза, Мина сдѣлала какое-то невольное движеніе, и въ душѣ моей воскресло чудное явленіе страшной ночи, когда на мѣсячномъ сіяніи меня увидали безъ тѣни. Въ самомъ дѣлѣ это была она. Но узнала-ли она меня? — Она была ти-

ха и задумчива; у меня лежалъ камень на сердцѣ. Я всталъ съ мѣста моего; безмолвно рыдая бросилась она ко мнѣ на грудь. Я ушелъ.

Послѣ этого я уже часто заставалъ ее въ слезахъ; — душа моя мрачилась все болѣе и болѣе — только родители ея были необыкновенно счастливы. Роковый день близился глохно и сумрачно какъ грозовая туча. Насталъ послѣдній вечеръ — дыханіе мое занималось. Я наполнилъ на всякий случай цѣлый сундукъ золотомъ. Съ страшной тоской ждалъ я двѣнадцати часовъ. — Пробило и двѣнадцать.

Устремивъ глаза на стрѣлку часовъ, сидѣлъ я неподвижно считая секунды и минуты, какъ удары кинжала. Малѣйшій шорохъ заставлялъ меня вскакивать. День занялся. Свинцовыея часы смѣнялись; наступилъ и полдень и вечеръ; настала и ночь. Стрѣлки двигались, надежды блекли; пробило одиннадцать и никто не

являлся; прошумѣли и послѣднія се-
кунды послѣдняго часа и никто не явля-
лся; прозвучалъ и первый и послѣдній
удары двѣнадцати — слезы брызнули изъ
глазъ моихъ и я упалъ безнадежный на
скорбное ложе мое. Завтра, навсегда
лишенный тѣни, долженъ я просить ру-
ку возлюбленной моей. Къ утру глаза
мои сомкнулись какимъ-то тяжелымъ
сномъ.

V.

Рано утромъ меня разбудилъ шумный
споръ у дверей моей комнаты. Я сталъ
прислушиваться. Бендель не позволялъ
Раскалю войти ко мнѣ; а Раскаль клял-
ся, что не послушается и не посмотрить
на такого-же служителя, какъ онъ, и
взойдетъ непремѣнно. Бендель замѣтилъ
ему, что онъ можетъ лишиться очень
выгоднаго мѣста, если, паче чаянія, дерз-
кія рѣчи его дойдутъ до меня. Раскаль

грозилъ отколотить его, если онъ все еще будетъ удерживать его.

— Что тебѣ надо бездѣльникъ! закричалъ я, разтворивъ съ сердцемъ двери, и бросился къ нему полуодѣтый.

— А попросить Ваше Сіятельство, отвѣчалъ онъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ, отступивъ шага два назадъ; показать мнѣ тѣнь вашу. Солнце свѣтить теперь на дворѣ такъ прекрасно.

Я сталъ какъ пораженный громомъ и долго не могъ найти словъ.

— Какъ смѣеть рабъ, воскликнулъ я наконецъ.

— И рабъ можетъ быть очень честнымъ человѣкомъ, перебилъ онъ меня съ тѣмъ же спокойствіемъ; можетъ не имѣть желанія служить человѣку безъ тѣни; я прошу уволить меня.

— Но, любезный Раскаль, началь я, видя что угрозами ничего не сдѣлаешь; помилуй, какъ могло это прийти тебѣ въ голову, какъ могъ ты подумать. —

— Есть люди, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ; которые увѣряютъ, что у васъ нѣтъ тѣни и — коротко, вы покажете мнѣ тѣни вашу или уволите меня.

Бендель блѣдный и трепещущій; и все таки сохранившій болѣе меня прі-
сутствіе духа показывалъ мнѣ знаками,
чтобъ я прибѣгъ къ всемогущему золо-
ту, что я тотчасъ-же и сдѣлалъ; но и
оно потеряло обычную силу свою.

— Отъ человѣка безъ тѣни я не при-
му ничего, сказалъ онъ бросивъ къ но-
гамъ моимъ золото, которое я всунулъ
ему въ руку, надѣль шляпу, повернул-
ся ко мнѣ спиною, и на свитывая по-
шелъ вонъ изъ комнаты.

Мы стояли съ Бенделемъ какъ око-
менелыя и смотрѣли вслѣдъ ему без-
молвно и безсмысленно.

Со страхомъ и смертію въ сердцѣ
готовился я исполнить данное мною
слово; въ садъ Ферштмейстера я дол-

женъ былъ явиться какъ преступникъ передъ судей своихъ.—Я вошелъ въ тѣнистую бесѣдку названную моимъ именемъ, и въ которой они и теперь должны были ожидать меня. Мать встрѣтила меня беззаботно и радостно. Мина сидѣла прекрасная и блѣдная, какъ первый снѣгъ, который осенью лобызаетъ иногда послѣдніе цвѣты и тотчасъ-же разпускается въ горькую воду. Форштмейстеръ ходилъ взадъ и впередъ съ какой-то бумагой въ рукѣ, и что-то съ большимъ усилиемъ подавлялъ въ себѣ, какъ это обнаруживалось безпрестанными перемѣнами въ лицѣ, обыкновенно довольно недвижномъ. Онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и прерывающимся голосомъ попросилъ позволенія поговорить со мною наединѣ. Аллея, по которой онъ приглашалъ пройтись съ нимъ, вела на открытое со всѣхъ сторонъ мѣсто сада. Безмолвно опустился я на стоявшую подлѣ скамью, и за тѣмъ послѣдовало глубочайшее

молчаніе, котораго даже и мать не осмѣливалась нарушить.

Форштмейстеръ принялъ сіяятьходить взадъ и впередъ по бесѣдкѣ, и по томъ вдругъ остановился передо мною.

— Скажите, графъ, сказалъ онъ, посмотрѣвъ въ бумагу, которую держалъ въ рукѣ, и устремивъ потомъ на меня испытующій взглядъ; вѣроятно вамъ знакомъ Петръ Шлемиль.

Я молчалъ.

— Человѣкъ весьма замѣчательный, одаренный необыкновенными свойствами? прибавилъ онъ и ждалъ отвѣта.

— А если я самъ этотъ человѣкъ? —

— Потерявший тѣнь свою, подхватилъ онъ быстро!

— О мое предчувствіе! Да, давно уже знаю я, что у него иѣть тѣни! воскликнула Мина и бросилась на грудь матери, которая въ испугѣ, судорожно прижимая ее къ себѣ, упрекала, что она на бѣду себѣ скрывала эту тайну

такъ долго. Она-же какъ Аретуза обратилась въ слезный потокъ, который отъ звуковъ моего голоса усиливался, а отъ приближенія выступалъ даже изъ береговъ.

— И вы, началь Форштмейстеръ сно-
ва съ возрастающею яростю; и вы не
посовѣтились обмануть и ее и меня
такъ нагло? и вы еще говорите, что лю-
бите ее? Вы любите ее—вы губите ее!
Посмотрите какъ она плачетъ, какъ она
ломаетъ руки! О, это ужасно! ужа-
сно! —

Я до того разтерялся, что заговорилъ
было какъ сумасшедшій; что тѣнь все
таки тѣнь, что и безъ нея можно обой-
титься и что изъ такого вздора не сто-
ить поднимать такого шума. Но я тутъ
же почувствовалъ, какъ неосновательно
говорилъ и потому замолчалъ; онъ же
не удостоилъ меня никакимъ возраже-
ніемъ. Я прибавилъ одинакожъ еще, что
потерянное не то, чтобы решительно не

возвратимо, что если можно потерять такъ можно и найти.

— Скажите-же, Милостивый Государь, воскликнулъ онъ тутъ съ сердцемъ ; скажите, какъ лишились вы тѣни вашей ?

· Надобно было снова лгать.

— Какой-то неучь, пробормоталъ я, наступилъ однажды на тѣнь мою, такъ неловко, что сдѣлалъ въ ней большую дыру ; зная, что золото всемогуще, я отдалъ ее въ починку, и еще вчера долженъ былъ получить ее назадъ.

— Прекрасно Милостивый Государь, возразилъ Форштейстеръ ; вы ищете руки дочери моей ; руки ея ищутъ и другое ; какъ отецъ, я долженъ печься о будущности ея ; я даю вамъ три дня сроку, если въ эти три дня вы явитесь ко мнѣ съ благопристойной тѣнью — я буду очень радъ вамъ ; на четвертый-же день — даю вамъ честное слово — моя дочь будетъ женой другаго. —

Я хотѣлъ сказать еще нѣсколько словъ Минѣ , но она , рыдая еще сильнѣе, прижималась еще крѣпче къ матери своей, которая безмолвно движеніемъ руки попросила меня удалиться. Колеблясь вышелъ я вонъ , и мнѣ казалось, что за мною навсегда замкнулось все свѣтлое и жизненное.

Ускользнувъ отъ дружескаго надзора Бендея, скитался я безъ всякой цѣли по лѣсамъ и пустынямъ. Холодный потъ тоски струился по челу моему, глухія степанія вырывались изъ груди ; въ головѣ кипѣло безуміе.

Не знаю долго ли находился я въ этомъ положеніи , какъ вдругъ , пробѣгая по пустоши ярко озаренной солнцемъ, я почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за руку. Я оглянулся—это былъ неизнакомецъ въ сѣромъ кафтанѣ, который, какъ мнѣ казалось , догоняя меня , выѣхалъ изъ силъ совершенно.

— Я назначилъ для свиданія съ вами нынѣшній день, началъ онъ тотчасъ же; вы не дождались меня. Но это ничего; вы примете совѣтъ мой, выкупите тѣнь вашу, которая готова къ услугамъ вашимъ, и немедля вернетесь назадъ. Васъ примутъ въ саду Форшт-мейстера съ радостію; все что было, примется за невинную шутку. Раскаля же, который измѣнилъ вамъ и теперь сватается за вашу невѣсту, я беру на себя. Молодецъ созрѣлъ уже.

Я все еще стоялъ, какъ во снѣ. « Я назначилъ для свиданія съ вами нынѣшній день? » — Я снова перебралъ все въ памяти моей — онъ былъ правъ, не знаю какъ, но я всегда просчитывалъ одинъ день. Я засунулъ правую руку запазуху, чтобы вынуть кошелекъ — онъ тотчасъ-же угадалъ намѣреніе мое.

— Нѣть, благородный графъ, сказалъ онъ отступивъ два шага назадъ; онъ въ такихъ прекрасныхъ рукахъ; вы оста-

вите его у себя. Я попрошу у васъ, единственно на память, самую сущую бездѣлицу. Вы вѣрно не откажетесь подписать записку эту?

На небольшемъ клочкѣ пергамена было написано:

«Въ силу этой подписи я завѣщаю мою душу, по естественномъ отдѣлениіи я отъ тѣла, владѣльцу сей записки.»

Съ нѣмымъ изумленіемъ смотрѣлъ я то на пергаменъ, то на сѣраго незнакомца; а онъ подавалъ мнѣ между тѣмъ вновь очищенное перо, которое успѣлъ уже обмокнуть въ кровь, выступившую изъ свѣжей царашинки на руцѣ моей.

— Да кто-же вы? спросилъ я его наконецъ.

— Къ чему вопросъ этотъ. Я думаю довольно одного взгляда на меня, чтобы сдѣлать его совершенно ненужнымъ. Бѣднякъ, такъ нечто въ родѣ ученаго и фокусника, которому друзья его, за всѣ величія услуги, платятъ величайшую

неблагодарностію и у котораго въ мірѣ
этомъ нѣтъ другаго наслажденія, кромѣ
посильныхъ опытовъ — да подпишите
же. Вотъ тутъ, внизу ; только имя и
фамилію.

— Извините, милостивый государь,
сказалъ я качая головою ; я не подпи-
шу этого.

— Не подпишите ? А почему жъ не
подписать-бы ?

— Мне кажется слишкомъ несообраз-
нымъ отдать душу за тѣнь.

— Вотъ, что ! сказалъ онъ смеясь. А
осмѣлюсь спросить, что такое душа
ваша ; видѣли вы ее когда нибудь и на
что она вамъ, когда вы умрете ? Вы дол-
жны радоваться, что нашли охотника,
который за завѣщаніе ему этого икса, этой
гальванической сплы, этого полярнаго
взаимодѣйствія, или какъ-бы вы тамъ
ни называли странную вещь эту, сей-
часъ-же готовъ заплатить вполнѣ дѣй-
ствительнымъ — существенной тѣнью

вашей, чрезъ посредство которой можете добыть руку возлюбленной, достигнуть исполненія всѣхъ желаній. Или вы находите лучшимъ предать бѣдную девушку Раскалю, этому гнусному бездѣльнику.—Впрочемъ, почемужъ бы не удостовѣриться вамъ въ справедливости словъ моихъ собственными глазами. Вотъ шапка невидимка, прибавилъ онъ, вынимая что-то изъ кармана; я ссужу вамъ ее, и мы войдемъ въ садъ Форштмейстера никѣмъ невидимые.

Надобно признаться, что мнѣ чрезвычайно не хотѣлось быть осмѣяннымъ страннымъ человѣкомъ этимъ. Я ненавидѣлъ его отъ всей души и я думаю, что нестолько правила и предразсудки, сколько отвращеніе къ нему удерживали меня отъ выкупа требуемой подписью тѣни моей, какъ ни была она необходима мнѣ. Мнѣ противно было даже идти съ нимъ вмѣстѣ въ садъ Форштмейстера. Мысль, что я поставлю та-

кимъ образомъ между мной и милой моей, между двумя разтерзанными и обливающимися кровью сердцами этого отвратительного проныру, этого насмѣшилиаго демона, возмущала душу. Я принялъ все, что случилось, за предъопредѣленіе, и рѣшилъ, что несчастіе мое неотвратимо.

— Милостивый государь, сказалъ я ему послѣ нѣкотораго молчанія, я продалъ вамъ тѣнь мою за кошелекъ, имѣющій конечно большое достоинство, и не смотря на то, горько разскаеваюсь въ этомъ. Если есть возможность размѣняться намъ снова — я готовъ.

Онъ покачалъ головою и сморщился.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ я, мнѣ остается прибавить что, я не продамъ вамъ ничего, ни даже за тѣнь мою. Вы поймете изъ этого, что и странная прогулка, которую вамъ угодно было предложить мнѣ, для меня не будетъ

уже такъ пріятна какъ для васъ, и потому извините меня.

— Очень жаль господинъ Шлемиль, что вы съ такимъ упорствомъ отказываетесь отъ моего совершенно дружескаго предложенія. Впрочемъ, въ другой разъ я буду можетъ быть, посчастливѣе. До свиданія и, надѣюсь, скораго. Да, кстати—позвольте показать покрайней мѣрѣ вамъ, что покупаемыя мной вещи у меня не въ забросѣ, напротивъ берегутся въ особеннымъ тщаніемъ.

Онъ тотчасъ же вынуль изъ кармана тѣнь мою, развернуль ее однимъ чрезвычанно искуснышъ швыркомъ и она легла къ ногамъ его съ солнечной стороны. Онъ двигался теперь между двухъ подвластныхъ ему тѣней своей собственной и моей, потому что и моя повиновалась движеніямъ его.

Увидавъ такъ долго невиданную тѣнь мою и еще осужденную на столь унипительную службу, тогда какъ она бы-

ла такъ необходима мнъ, я зарыдалъ горько.

— Вы можете еще возвратить ее, сказалъ ненавистный, величаясь добычей своей; черкните только перомъ и, бѣдная Мина вырвана изъ когтей бездѣльника и въ объятіяхъ благороднѣйшаго графа. Черкните только перомъ, говорю я вамъ.

Слезы полились еще сильнѣе; но я отвернулся и махнулъ рукой, чтобы онъ оставилъ меня.

Въ это самое время подоспѣлъ отыскивавшій меня Бендель. Увидавъ, что я рыдаю и тѣнь мою, которой нельзя было не узнать, — во власти сѣраго неизнакомца, онъ рѣшился тотчасъ же возвратить мнъ мою собственность хотьбы ~~даже~~ и силой. А такъ какъ самъ онъ неумѣлъ обращаться съ вещью, такъ нѣжной, какъ тѣнь, то и накинулъ прямо на похитителя съ требованіемъ, чтобы онъ возвратилъ принадлежащее мнъ.

Незнакомецъ, вмѣсто всякаго отвѣта, по-
вортился къ нему спиною и пошелъ.
Бендель за нимъ и давай колотить его
толстой палкой, которую всегда носилъ
съ собою, все повторяя, чтобъ онъ воз-
вратилъ мнѣ тѣнь мою. Незнакомецъ
какъ будто-бы уже привыкшій къ та-
кому обращенію, склонилъ только голо-
ву, сгорбился и шелъ все далѣе увле-
кая за собой и тѣнь и служителя моего.
Долго раздавался еще въ пустынѣ глу-
хой звукъ ударовъ, наконецъ и онъ из-
чезъ, и я остался снова одинъ съ моимъ
несчастіемъ.

VI.

Оставшись одинъ, я далъ полную волю
слезамъ моимъ, облегчая тѣмъ бѣдное
сердце мое отъ страшной безъименной
тягости. Несчастію моему я не видалъ ни
предѣловъ, ни конца, ни цѣли; съ ка-
кой-то бѣшеной жадностію всасывалъ я

новый ядъ, влитый незнакомцемъ въ раны мои. Когда я вызвалъ изъ глубины души моей образъ Мины ; когда она предстала мнѣ блѣдная, заливающаяся слезами, именно въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, между мной и ею явился издѣвавшійся прѣзракъ Раскаля. Закрывъ лицо руками, бросился я бѣжать, но гнусное видѣніе не отставало ; оно преслѣдовало меня до тѣхъ поръ пока выбившись изъ силъ, я не упалъ на землю и не оросилъ ее новымъ потокомъ слезъ.

И все это изъ за-тѣни ! И эту тѣнь я могъ возвратить однимъ почеркомъ пера ! Я сталъ думать о предложеніи незнакомца и о моемъ отказѣ. Смутно было все во мнѣ ; я не могъ ни обсуживать, ни понимать.

День прошелъ. Я утолилъ голодъ дикими плодами, а жажду водой ближайшаго источника. Настала ночь, я легъ подъ деревомъ. Влажное утро пробудило меня

изъ тяжелаго усыпления, въ которомъ — я самъ слышалъ это, — я хралъ какъ умирающій. Бендель потерялъ вѣроятно слѣды мои, и это радовало меня. Я не хотѣлъ возвращаться къ людямъ, которыхъ бѣгалъ теперь, какъ робкая серна. Такъ провелъ я три дня.

Утромъ четвертаго я находился на песчаной долинѣ. Сидя на солицѣ, которымъ любилъ теперь пользоваться, я молча питалъ сердце мое отчаяніемъ. Вдругъ легкій шорохъ заставилъ меня встрепенуться; готовый бѣжать я осмотрѣлся и не видаль никого, только по песку, озаренному солнцемъ, неслась человѣческая тѣнь довольно похожая на мою — она неслась одна, лишенная господина своего.

Сплюно забилось сердце мое; бѣдная тѣнь, подумалъ я, ты вѣрно ищешь господина своего? позволь-же я буду имъ! И я бросился за ней съ тѣмъ, чтобы завладѣть ею. Миѣ представилось, что

если мнѣ посчастливится попасть на слѣдъ ея, такъ она сама подбѣжитъ къ ногамъ моимъ, можетъ быть пристанетъ къ нимъ и такимъ образомъ со временемъ привыкнетъ ко мнѣ.

Но тѣнь обратилась въ бѣгство только что я тронулся ; я гнался за ней съ быстротой, которую могла придать только мысль, что явилась наконецъ возможность выдти изъ страшнаго положенія моего. Она бѣжала къ лѣсу, конечно довольно еще отдаленному, но доберись она до него, мнѣ ужъ не видать ее. Я понялъ это и содрогнулся, опасеніе придало мнѣ крылья — я видимо догонялъ ее, вотъ совсѣмъ уже готовъ былъ догнать ее, какъ вдругъ она остановилась и обратилась прямо на меня. Какъ левъ на свою добычу ринулся я къ ней, чтобы завладѣть ею, и совсѣмъ неожиданно встрѣтилъ твердое тѣлесное препятствіе. Невидимо посыпались на меня жесточайшіе удары.

Въ ужасъ крѣпко охватилъ я протянутыми впередъ руками то, что незримо стояло передо мною, и грянулся вмѣстѣ съ нимъ на землю. Тутъ только увидалъ я, что подо мной лежалъ лицемъ вверхъ какой-то человѣкъ.

Теперь все стало ясно. Человѣкъ этотъ несъ, а теперь вѣроятно обронилъ незримое гнѣздо, которое скрывая нощатая не скрываетъ однокожъ тѣни. Я взглянулъ вокругъ и увидалъ тотчасъ же тѣнь незримаго гнѣзда; подскочить къ нему и завладѣть драгоцѣнной добычей было дѣло одного мгновенія. Незримый и безъ тѣни стоялъ я съ гнѣздомъ въ рукахъ моихъ.

Сшибенный съ ногъ бѣднякъ вскочилъ тотчасъ же и искалъ глазами счастливаго побѣдителя, но ни его, ни даже тѣни его, которую онъ въ особенности высматривалъ, не было на всемъ ярко озаренномъ протяженіи равнины. Что я не имѣлъ тѣни, въ попыхахъ онъ не могъ

передъ тѣмъ замѣтить, да и могло ли такое прийти ему въ голову. Убѣдившись, что не возможно открыть ни малѣйшаго слѣда ни того, ни другаго принялъ онъ въ отчаяніи рвать на себѣ волосы. Миѣ же дало добытое сокровище возможность и желаніе возвратиться снова въ среду людей. За оправданіемъ такого наглаго похищенія въ собственныхъ глазахъ, у меня не стало дѣло, или лучше: я и не нуждался въ немъ; чтобы поскорѣе избавиться отъ всѣхъ мыслей такого рода, побѣжалъ я не оглядываясь на несчастнаго, жалобные стенанія котораго долго еще раздавались въ ушахъ моихъ. Такъ, покрайней мѣрѣ, представились миѣ тогда всѣ обстоятельства случая этого.

Я сгараю неперпѣніемъ попасть поскорѣе въ садъ Форштмейстера и убѣдиться собственными глазами въ справедливости сказаннаго ненавистнымъ неизакомцемъ; но я не зналъ, гдѣ я. Чтобы

осмотрѣться я взбрался на ближайшій холмъ и увидалъ въ недальнемъ разстояніи городокъ, а у подошвы садъ Форштмейстера. Сильно забилось сердце мое и слезы совсѣмъ отличныя отъ тѣхъ, которыя доселѣ проливалъ я, навернулись на глаза — мнѣ можно было увидать ее опять. Съ боязливымъ нетерпѣніемъ быстро спустился я съ холма. Нѣсколько мужиковъ шли изъ города мнѣ на встрѣчу. Не видя меня, они говорили о мнѣ, о Раскаль и о Форштмейстерѣ; но я не хотѣлъ ничего слышать.

Я взошелъ въ садъ, со всѣмъ трепетомъ ожиданія въ груди — меня встрѣтило что-то похоже на хохотъ; я вздрогнулъ, осмотрѣлся быстро, но не открылъ никого. Я пошелъ далѣе и мнѣ послышались близехонько отъ меня какъ бы шаги человѣка, и все таки я не видалъ никого. Я подумалъ, что это обманываетъ меня слухъ мой. Было еще

рано, въбесѣдѣ граfa Петра ни души, ни души и въ цѣломъ саду; я пробѣжалъ всѣ такъ знакомыя дорожки, прорвался почти къ самому дому. Тотъ же шорохъ шаговъ преслѣдовалъ меня очень явственno. Я сѣлъ на лавку, находившуюся передъ домомъ, на мѣстѣ озаренномъ лучами солнца. Мне показалось, что иенезримый Кобольдъ смеясь сѣлъ подъ меня. Замокъ двери щелкнулъ, Форштмейстеръ вышелъ съ бумагами въ рукахъ. Надъ головой моей надвинулось какъ-бы облако, я обернулся и—о, ужасъ! человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ сидѣлъ подлѣ меня и смотрѣлъ на меня съ сатанинскoй улыбкой. Онъ осѣнилъ и меня шапкой невидимкой, мирно лежали рядушкомъ у ногъ его и моя и его собственная тѣни; небрежно игралъ онъ извѣстнымъ пергаменомъ.

— Ну вотъ, вы приняли таки приглашеніе мое, шепталъ онъ мнѣ на ухо, — между тѣмъ какъ Форштмейстеръ за-

нятый бумагами прохаживался въ тѣни бесѣдки. Теперь нась двѣ головы подъ одной шапкой. Все идетъ какъ не лъзя лучше. Однакожь, возвратите-ка мнѣ птичье гнѣздо мое, теперь оно не нужно вамъ, и вы слишкомъ честны, чтобы оттягать его у меня. Благодарности не нужно — увѣряю васъ я уступилъ его вамъ съ величайшей радостью.

Онъ взялъ его изъ рукъ моихъ и положилъ въ карманъ свой, смѣясь надо мной такъ громко, что Форштмейстеръ обернулся.—Я сидѣлъ какъ окаменелый.

— Вы должны однакожь сознаться, продолжалъ онъ, что шапка эта гораздо удобнѣе. Она прикрываетъ не только человѣка но и тѣнь его, прикроетъ пожалуй и не одну, а сколько хотите. Нынче, какъ вы сами видите, у меня опять ихъ двѣ. Замѣтьте, любезный Шлемиль, прибавилъ онъ съ новымъ хохотомъ; часто по неволѣ дѣлаемъ мы то чего сначала по добру ни-

какъ не хотѣли. Право, выкупите у меня тѣнь вашу, спасите невѣсту; время не ушло еще,—а Раскаля мы вздернемъ на висѣлицу ; это нисколько не трудно, была бы только веревка. Послушайте, хотите въ придачу и эту шапку?

Тутъ вышла мать и стала разговаривать съ мужемъ своимъ.

—Что Мина ? спросилъ онъ ее.

—Плачетъ.

—Глупая, вѣдь ужъ этого не перемѣнишь !

—Конечно ; но выдти такъ скоро за другаго ! Послушай, ты слишкомъ жестокъ съ единственнымъ дѣтищемъ своимъ.

—Нѣть, ты не понимаешь этого. Вышедъ за богатаго , всѣми уважаемаго человѣка прежде чѣмъ выплачетъ всѣ ребяческія слезы свои—она утѣшится, пробудится отъ горя, какъ отъ тягостнаго сновидѣнія и поблагодарить и Бога и насть. Ты увидишь.

— Дай Богъ !

— Конечно, теперь она довольно богатая невѣста ; но послѣ того шума , который надѣлала несчастная исторія съ извѣстнымъ искателемъ приключеній, не скоро найдеть она такую выгодную партію какъ господинъ Раскаль. Знаешь ли какъ богатъ этотъ господинъ Раскаль. Онъ накупилъ въ одной нашей окружѣ почти на шесть миллионовъ земель, и все на чистыя деньги. Я видѣлъ купчія собственными глазами. Именно это онъ-то и перекупалъ у меня вездѣ самыя лучшія помѣстья. Кромѣ того, я видѣлъ у него миллиона на полтора векселей на Томаса Джонса.

— Какъ же много наворовалъ онъ !

— Это что опять такое ! Онъ сберегаль тамъ , гдѣ другіе разточали. —

— Человѣкъ носившій ливрею. —

— Чтожъ такое ? за то у него тѣлья хотѣтъ куда.

— Такъ, но —

Смѣясь взглянула на меня человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ. Дверь разтворилась, вышла Мина, опираясь на плечо горничной, и безмолвныя слезы катились по прекраснымъ, блѣднымъ щекамъ ея. Она сѣла въ кресла, поставленные для нея подъ тѣнью липы; а отецъ подлѣ на стулѣ. Онъ взялъ ее за руку и она заплакала еще сильнѣе.

— Доброе, милое дитя мое, началъ онъ кроткимъ нѣжнымъ голосомъ; я увѣренъ, ты будешь умна, ты не захочешь огорчить стараго отца твоего, который имѣеть въ виду одно только счастіе твое. Я очень хорошо понимаю, что все это должно было потрясти тебя жестоко; особенномъ чудомъ избавилась ты отъ ужаснѣйшаго несчастія! Прежде чѣмъ мы открыли обманъ, гнусный обманъ, ты очень любила безсовѣстнаго негодяя я знаю все и не упрекаю тебя. Я и самъ любилъ его, воображая что онъ знатный человѣкъ;

но теперь — теперь совсѣмъ не то! Какъ — да у послѣдняго пуделя есть своя тѣнь, а мое милое, мое единственное дѣтище должно выдти за человѣка — никогда, вѣдь ты перестала ужъ и думать о немъ. — Послушай, Мина, теперь сватается за тебя человѣкъ, которому солнце не страшно, человѣкъ всѣми уважаемый; конечно онъ не князь; но зато у него десять миллионовъ, въ десять разъ болѣе чѣмъ у тебя — онъ сдѣлаетъ тебя совершенно счастливой. Не возражай, не противься; будь по прежнему моей доброй, послушной дочерью, позволь любящему тебя отцу похлопотать о тебѣ, осушить слезы твои. Обѣщай отдать руку свою господину Рascalю. Ну полно же, скажи, обѣщаешь миѣ?

— У меня не осталось уже ни воли, ни желанія, и потому разполагайте мною, какъ вамъ угодно, сказала она замирающимъ голосомъ.

Доложили, что приѣхалъ господинъ Раскаль который вслѣдъ за симъ и явилъся. Мина лежала безъ чувствъ.

— И вы можете переносить это, прошепталъ мнѣ ненавистный незнакомецъ, глядя на меня съ негодованіемъ. Да что же послѣ этого течетъ у васъ въ жилахъ?

Тутъ быстро оцарапалъ онъ мнѣ руку и когда выступила кровь, онъ воскликнулъ:

— Кровь, и притомъ красная еще! Подписывайте же!

Перо и пергаменъ были уже въ рукахъ моихъ.

VII.

Суди меня, любезный Шамиссо, какъ хочешь; я не намѣренъ оправдываться. Я и самъ каралъ себя и долго и жестоко, питая безпощаднаго червя въ груди моей. Безпрестанно носилось передъ

глазами души это ужасное мгновение жизни моей, и я въ смиреніи все смотрѣлъ на него и скорбѣлъ и терзался. Да, другъ мой, сдѣлай по легкомыслію хоть одинъ шагъ съ прямой дороги и пошолъ въ сторону, и все дальше и дальше; тутъ, какъ-бы ни сверкали путеводныя звѣзды неба — для тебя нѣтъ уже выбора, тебя такъ и тянетъ внизъ, и ты самъ долженъ принести себя въ жертву безжалостной Немезидѣ.

Сдѣлавъ необдуманный проступокъ, на-
влекшій на меня страшное проклятіе,
втѣснившись святотатственной любовію
въ судьбу другаго существа — тамъ, гдѣ
я посыпалъ гибель, гдѣ требовалась бы-
страя помощь, мнѣ слѣдовало конечно
броситься на помощь слѣпо и не медля,
потому что послѣдній часъ звучалъ уже.
Не унижай меня, любезный другъ, пред-
положеніемъ, что я не сдѣлалъ этого по-
тому, что цѣна спасенія показалась мнѣ

слишкомъ высокою; не думай, чтобы я подорожилъ чѣмъ бы то ни было мнѣ принадлежащимъ болѣе, чѣмъ золотомъ. Нѣтъ, меня остановила непреоборимая ненависть къ отвратительному незнакомцу; меня возмущало всякое сношеніе съ нимъ. И тутъ, какъ это не разъ повторялось уже въ моей жизни и какъ это вообще такъ часто бываетъ во всемирной исторіи, дѣяніе замѣнилось событіемъ. Въ послѣдствіи я помирился съ самимъ собой. Прежде всего я научился уважать необходимость; и что же болѣе содѣянаго дѣла, совершившагося событія можно назвать собственностю ея? За симъ и на эту необходимость научился я смотрѣть, какъ на мудрое предопредѣленіе вѣюще по всему гигантскому снаряду мірозданья, въ которомъ мы то содѣйствующія, то движимыя, то движущія колеса. Чемъ быть — то будетъ; чему надобно было свершиться, то свершилось и не безъ

предъопредѣленія, которое я научился наконецъ уважать какъ въ своей судьбѣ, такъ и въ судьбѣ увлеченыхъ моему.

Не знаю чѣму приписать это: чрезмѣрному ли напряженію души, напору ли столь сильныхъ ощущеній, изтощенію ли силъ физическихъ необкновеннымъ постомъ, которому я подвергъ себя въ послѣдніе дни, или наконецъ невыносимому отвращенію, которое возбуждала во мнѣ близость сѣраго чудовища — довольно я лишился чувствъ именно въ то самое мгновеніе, какъ пришлось подписывать и долго лежалъ словно мертвый.

Когда я очнулся, слухъ мой поразили топанье ногами и проклятія. Я открылъ глаза, было темно; ненавистный незнакомецъ радуясь хлопоталъ около меня.

— Ну что это, ворчалъ, онъ; точь въ точь какъ старая баба. Вставай, подними или опять раздумалъ, нашелъ что лучше хныкать?

Съ трудомъ всталъ я на ноги и молча

посмотрѣлъ вокругъ. Было уже поздно, въ ярко освѣщенномъ домѣ форштмейстера гремѣла музыка; По алеямъ сада гуляли гости; одна пара разговаривая подошла близехонько и сѣла на лавку, на которой передъ тѣмъ сидѣлъ я съ незнакомцемъ. Они разговаривали о свершенному въ это утро бракосочетаніи богатаго Раскаля съ дочерью форштмейстера.— Кончено!

Я сдвинулъ съ головы шапку невидимку изчезнувшаго, въ тоже мгновеніе, незнакомца, и углубившись въ мракъ рощи побѣжалъ молча мимо бесѣдки графа Петра къ выходу изъ сада. Но мучитель мой гнался за мной незримо осыпая меня колкими насмѣшками.

— Такъ вотъ награда, говорилъ онъ, за всѣ труды мои, за ту заботливость, съ которой я цѣлый день хлопоталъ около слабонервнаго господчика. И я разыграю дурака? Никогда! Бѣги, бѣги отъ меня безсмысленный упрямецъ; мы

все таки неразлучны. У тебя мое золото
у меня тѣнь твоя; это не дастъ намъ
покоя ни на мгновеніе. Когда же тѣнь
не слѣдовала за господиномъ своимъ?
Твоя будешь гонять меня за тобою до
тѣхъ поръ, пока ты не умилосердишься
надъ нею и не избавишь меня отъ нея.
Погоди, отъ скуки и пустоты душев-
ной, ты похлопочешь еще о томъ,
что прозѣвалъ теперь такъ глупо;
никто не уходилъ еще отъ судьбы своей!

Онъ все говорилъ въ этомъ тонѣ; ни-
сколько не отставая отъ меня, какъ ни
усиливалъ я бѣгъ мой. Я никакъ не могъ
привести въ порядокъ мыслей моихъ.

Добѣжавъ самыми безлюдными улица-
ми до дома моего, я едва узналъ его —
онъ стоялъ теменъ и безмолвенъ; двери
были заперты, окны повыбиты. Подлѣ
меня раздался злобный хохотъ.

— Каково! заговорилъ опять незнако-
мецъ. Впрочемъ вы найдете здѣсь Бен-
деля; недавно его отослали домой такъ

изнуреннымъ, что ему и теперь, я думаю, не до выходовъ. Вотъ онъ пораз- скажетъ вамъ. Позвольте однажды по- желать вамъ доброй ночи; до свиданія и надѣюсь, скораго.—

Я позвонилъ, показался свѣтъ и Бен- дель не отпирая спросилъ: кто тамъ. Какъ обрадовался онъ, когда узналъ го- лось мой. Дверь отворилась и рыдала бросились мы другъ къ другу въ объя- тія. Я нашелъ его очень измѣнившимся, слабымъ, больнымъ; у меня же волосы посѣдѣли совершенно.

Онъ провелъ меня по пустымъ, опу- стошеннымъ комнатамъ въ маленькую нетронутую горенку; принесъ кой-чего съѣсть и выпить и когда мы сѣли за- лился опять слезами. Онъ разсказалъ мнѣ, что послѣ того, какъ онъ встрѣ- тилъ сѣраго человѣка съ моей тѣнью, онъ гналъ и колотилъ его такъ долго, что потерялъ слѣды мои и совсѣмъ обезси- ленный упалъ наконецъ на землю; что

затѣмъ отчаявшись отыскать меня онъ возвратился въ домъ мой, въ который вскорѣ ворвался возбужденный Раскалемъ народъ, разбивая стекла и ломая мебель. Такъ отблагодарилъ онъ благодѣтелю своему. Служители мои разбѣжались. Мѣстное начальство нашло меня подозрительнымъ и потому предписало, чтобы я оставилъ и городъ и округъ ихъ въ двадцать четыре часа. Все это было дѣло Раскаля. Вѣроятно, что бездѣльникъ открылъ тайну мою еще въ самомъ началѣ; движимый корыстолюбіемъ онъ подбілся ко мнѣ; подобралъ вскорѣ послѣ того ключъ къ сундуку съ моимъ золотомъ и такимъ образомъ ему не трудно было составить состояніе позволившее ему бросить меня.

Всѣ это рассказалъ мнѣ Бендель со слезами; онъ плакалъ и послѣ, но тутъ уже отъ радости, что видитъ меня опять и что, тогда какъ онъ полагалъ меня падшимъ подъ бременемъ несчастія, несу я

его напротивъ покойно и твердо. И въ самомъ дѣлѣ отчаяніе мое приняло именно эту форму. Я созналъ все исполинское величіе несчастія моего и его неотвратимость. Я выплакалъ всѣ слезы мои; оно не много уже вырвать изъ груди моей ни одного стона; хладнокровно, равнодушно подвергалъ я ударамъ его обнаженную голову мою.

—Бендель, началъ я; ты знаешь судьбу мою. Не безъ вины несу я тягостное наказаніе это. Я не хочу, чтобъ ты, добрый и невинный, страдалъ вмѣстѣ со мною. Я иду въ ту же ночь; осѣдлай мнѣ лошадь; я ѿду одинъ, ты останешься — я хочу этого. Въ сундукѣ довольно еще золота, оно твое. — Безъ цѣли буду я скитаться по свѣту, улыбнется мнѣ счастіе снова — я не забуду того, на чьей вѣрной груди пролилъ столько горькихъ слезъ.

Никакія представления, ни просьбы, ни слезы его не могли поколебать рѣшенія моего и онъ нехотя долженъ быть

исполнить послѣднее приказаніе госпо-
дина своего.

Еще разъ прижалъ я горько плачу-
щаго къ груди моей, вскочилъ на ло-
шадь, и поѣхалъ прикрытый мантіей ночи
прочь отъ кладбища всѣхъ радостей мо-
ихъ, нисколько незаботясь куда несетъ
меня лошадь моя, потому что на всей
землѣ у меня не было уже ни цѣли, ни
желанія, ни надежды.

Вскрѣ присоединился ко мнѣ како-
то пѣшеходъ, который пройдя не много
подлѣ лошади моей, обратился ко мнѣ
съ просьбою о позволеніи, такъ какъ
намъ одна дорога, положить епанчу свою
за сѣдло мое. Я позволилъ; онъ побла-
годарилъ меня за ничтожную услугу
эту очень вѣжливо, похвалилъ мою ло-
шадь, затѣмъ принялъ превозносить
счастіе богатыхъ, наконецъ, незнаю какъ,
углубился въ какое-то странное бесѣ-
дованіе съ самимъ собой, сдѣлавъ меня
просто слушателемъ.

Онъ началъ развивать взглѣды свои на жизнь и свѣтъ и тотчасъ же перешелъ къ метафизикѣ, отъ которой потребовалъ отысканія слова, служащаго разрѣшеніемъ всѣхъ загадокъ. Изложивъ задачу эту съ необыкновенной ясностью онъ тутъ же приступилъ и къ разрѣшенію ея.

Любезный другъ, ты знаешь, что, пройдя курсъ философіи, я созналъ вполнѣ, что философскія умозрѣнія никогда не будутъ призваніемъ моимъ, а потому и бросилъ ихъ совершенно. Съ тѣхъ поръ многое оставилъ я втунѣ; многое отказался и знать и понимать, и — какъ ты самъ, полагаясь на здравый смыслъ мой, совѣтовалъ мнѣ, — слѣдовалъ только внутреннему голосу живущему въ каждомъ человѣкѣ. Говорунъ этотъ выводилъ съ необыкновеннымъ искусствомъ крѣпко сколоченное зданіе, само на себѣ зиждущееся и какъ бы внутренней необходимостью сдерживающее-

ся. Но я не находилъ въ немъ именно того, что такъ хотѣлось бы найти, и отъ того оноказалось мнѣ художественнымъ произведеніемъ пріятнымъ по замкнутости и окончанности своей, только для глазъ. Я слушалъ однажды краснорѣчиваго человѣка этого съ большимъ удовольствіемъ; какъ-то нечувствительно отвлекъ онъ меня отъ горя моего и вполнѣ предался бы ему, еслибы онъ подѣйствовалъ и на душу мою также сильно, какъ на разумъ.

Междуд тѣмъ время шло, а я и незамѣчалъ, что ужъ свѣтало. Какже изпугался я, когда взглянувъ случайно въ сторону, увидалъ на востокѣ яркій румянецъ, предвѣщавшій скорое появленіе солнца, а въ этотъ часъ, когда оно заставляетъ отбрасывать самыя длинныя тѣни, противъ него на полѣ открытомъ не было рѣшительно никакой защиты. И я былъ не одинъ! Я взглянулъ на спутника моего и изпугался еще болѣе —

ПОДЛЪ МЕНЯ ШОЛЪ ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ СЪРОМЪ
КАФТАНѢ.

— Онъ улыбнулся моему смущенію.

— Соединимся же на нѣкоторое время, продолжалъ онъ, предупреждая меня, какъ это водится въ свѣтѣ, хоть изъ взаимной выгоды. Разстаться мы успѣемъ еще. Для васъ нѣть другой дороги, кромѣ той, что идетъ вдоль горъ, потому что спуститься въ долину вы не посмѣете, а возвратиться назадъ черезъ горы не захотите ; и мнѣ надобно идти тутже. Я вижу, что восходящее солнце гонить уже краску съ лица вашего. Хстите я на время ссужу вамъ тѣнь вашу , а вы за это позовите мнѣ попользоваться пріятной компаніей вашей. Съ вами вѣдь нѣть уже Бенделя, я послужу вамъ не хуже его. Вы не любите меня — очень жаль. Дьяволъ совсѣмъ не такъ горекъ, какъ говорять про него. Вчера, правда, вы очень досадили мнѣ; да я не злопамя-
тенъ; признайтесь, вѣдь сегодня я на

много уменьшилъ вамъ скуку дороги.—
Что тутъ думать, возьмите тѣнь вашу
хоть на пробу.

Солнце взошло; по дорогѣ на встречу
намъ шли люди; и я принялъ предло-
женіе его, не безъ внутренняго отвра-
щенія однокожъ. Улыбаясь спустилъ онъ
тѣнь мою на землю и она, занявъ въ то-
же мгновеніе свое мѣсто на тѣни лоша-
ди, поскакала подлъ меня веселехонько.
На душѣ у меня было какъ-то странно.
Я поровнялся съ толпой поселянъ и они
дали мнѣ дорогу и сняли шляпы какъ
передъ зажиточнымъ человѣкомъ. Я
ѣхалъ далѣе и жадно, съ бѣющимся серд-
цемъ, посматривалъ на тѣнь когда то
бывшую мою и которую теперь я дол-
женъ былъ занять у другаго, и даже у
врага моего.

А онъ шелъ себѣ подлъ меня безза-
ботно, насвистывая какую то пѣсенку.
Онъ шелъ пышкомъ, я былъ верхомъ;
голова моя закружилась, искуше-

ніе было слишкомъ велико — я приспопрілъ и понесся что есть мочи въ сторону; по я не увлекъ за собой тѣни. При поворотѣ она соскочила съ лошади и ждала законнаго владѣльца своего на дорогѣ. Пристыженный поворотилъ я назадъ; человѣкъ въ сѣромъ кофтанѣ досвиставъ преспокойно пѣсню свою, посмѣялся надо мнойъ, усадилъ опять тѣнь мою на тѣнь лошади и объяснилъ мнѣ потомъ, что она пристанеть ко мнѣ только тогда, когда сдѣлается снова моей законной собственностью.

— Я такъ крѣпко держу васъ тѣнью вашей, прибавилъ онъ въ заключеніе, что вамъ никакъ не оторваться отъ меня. Такому богатому человѣку, какъ вы, тѣнь необходима, ужъ это такъ должно быть, и если можно за что похулить васъ, такъ это именно за то, что вы не смѣкли этого съ самаго начала.

Я продолжалъ путь мой все тойже дорогой; всѣ удобства и даже самая ро-

скошь жизни возвратились; имѣя хоть и занятую тѣнь я могъ вращаться легко и свободно, вездѣ пользовался я уваженіемъ, которое вселяетъ богатство, и все таки въ сердцѣ у меня была смутъ. Чудный спутникъ мой, самъ выдававшій себя вездѣ за служителя моего, былъ чрезвычайно предъупредителенъ, ловокъ и расторопенъ, коротко, образецъ камердинера богатаго человѣка; но онъ не отходилъ отъ меня ни на минуту и безпрестанно обнаруживалъ совершенныи-шую увѣренность, что я выкуплю же наконецъ тѣнь свою хоть только изъ того, чтобы избавиться отъ него. Онъ былъ для меня также тягостенъ, какъ и ненавистенъ. Я могъ даже бояться его. Втолкнувъ меня опять въ свѣтъ, котораго бѣжалъ я, онъ поставилъ меня въ совершенную отъ себя зависимость; я по неволѣ долженъ былъ выслушивать всѣ доводы его, очень хорошо чувствуя, что онъ правъ. Дѣйствительно богатый

не могъ существовать въ свѣтѣ безъ какой бы то нибыло тѣни, и чтобы оставаться въ томъ положеніи, которое онъ сно-ва раззвѣтилъ мнѣ, разумѣется не было другаго средства. Но послѣ того, какъ я пожертвовалъ любовію, послѣ того какъ жизнь поблекла для меня ничто не могло уже измѣнить твердаго рѣшенія моего не жертвовать душой моей ни за какую тѣнь въ цѣлой вселенной, и я не зналъ чѣмъ все это кончится.

Однажды мы сидѣли передъ входомъ въ пещеру, которая такъ сильно возбуж-даетъ любопытство всѣхъ путешествую-щихъ по горамъ этимъ. Въ неизмѣримой глубинѣ ея слышалось рокотаніе под-земныхъ потоковъ и брошенный въ нее камень летѣлъ съ шумомъ и казалось не-находилъ дна. Онъ рисовалъ мнѣ, что дѣлывалъ очень часто, со всей роскошью богатаго воображенія своего и въ са-мыхъ яркихъ краскахъ, все что я могъ бы сдѣлать силою кошелька моего, ко-

гда бы имѣлъ тѣнь.—Опершись локтями на колѣни, закрывъ лицѣ руками, слушалъ я колориста и сердце разрывалось обольщеніемъ и силой воли. Наконецъ я немогъ выносить долѣ.

— Кажется, вы забыли милостивый государь, началъ я, что я позволилъ вамъ сопутствовать мнѣ, только съ условіемъ: ни чѣмъ не сковывать свободы моей?

— Если вамъ угодно, я готовъ оставить васъ, сказалъ онъ съ величайшимъ спокойствіемъ.

Я молчалъ, а онъ принялся тотчасъ же свертывать тѣнь мою. Я поблѣдѣлъ, но не останавливалъ его.

— Вы не терпите меня, заговорилъ онъ послѣ довольно продолжительного молчанія; вы ненавидите меня,— я знаю это; но за чѣмъ ненавидите вы меня? за то ли, что напавъ на меня на дорогѣ думали завладѣть птичьимъ гнѣзdomъ моимъ? или за то, что такъ коварно хо-

тѣли похитить мою собственность—тѣнь, которую я повѣрилъ вамъ полагаясь только на честность вашу? что до меня я никакъ не разположенъ ненавидѣть васъ за это; я нахожу напротивъ очень естественнымъ, что вы испытали и хитрость и силу—всѣ средства, какія были во власти вашей; что вы при всемъ этомъ имѣете строжайшія правила, думаете какъ сама честность, не имѣю ничего и противъ этого—у всякаго свой вкусы. Я совсѣмъ не такъ взыскателенъ, какъ вы; я только дѣйствую такъ, какъ вы думаете. Скажите сами, хватить я васъ когда нибудь за горло для того, чтобы завладѣть драгоцѣнной душой вашей какъ ни нравится она мнѣ? Старался я какимъ бы то ни было средствомъ похитить промѣненный вамъ кошелекъ?

Мнѣ нечего было возвражать противъ этого.

— Хорошо, милостивый государь, про-

должалъ онъ; вы не можете терпѣть меня, и это понимаю я, и не виню васъ за это. Намъ надо разстаться—это ясно; сказать правду и я начинаю уже скучать вами. Позвольте же посовѣтовать вамъ въ послѣдній разъ: выкупите у меня тѣнь вашу, чтобы навсегда избавиться отъ моего такъ унизительнаго для васъ присутствія.

— За это, сказалъ я протягивая ему кошелекъ.

— Нѣтъ.

— Такъ и я отвѣчу вамъ тѣмъ-же, сказалъ я съ тяжелымъ вздохомъ. А за тѣмъ прошу оставить меня и не преграждать мнѣ дорогу въ мірѣ, въ которыемъ надѣюсь довольно мѣста для насъ обоихъ.

— Я иду, возразилъ онъ улыбаясь; позвольте однажды прежде сообщить вамъ какъ позвать меня, если, паче чаянія, когда нибудь понадоблюся вамъ покорнѣйшій рабъ вашъ. Тряхните только кошелькомъ и звонъ вѣчныхъ

монетъ его привлечетъ меня въ тоже мгновеніе. Въ мірѣ этомъ каждый думаетъ о своей собственной выгодѣ; я же, какъ вы видите, не забываю и вашей, открывая вамъ новую силу въ кошелькѣ вашемъ. Кошелекъ этотъ даже и въ томъ случаѣ, когда ваша тѣнь пожрется молью, будетъ крѣпчайшей связью между нами. Коротко, вы держите меня во власти своей моимъ-же золотомъ; разполагайте рабомъ вашимъ даже заочно; вы вѣдь знаете какъ я услужливъ съ друзьями; и въ особенности съ богатыми; вы испытали это даже на самомъ дѣлѣ. Только одну тѣнь вашу—позвольте еще разъ повторить это—я не могу уступить вамъ безвозвѣздно.

Въ памяти моей мелькнули тутъ образы временъ прошедшихъ.

— А если у васъ расписка Господина Джонса? спросилъ я его быстро.

— Отъ такихъ короткихъ друзей я не требую расписокъ.

— Гдѣ-же онъ? я хочу это знать не-премѣнно!

Тутъ какъ-то неохотно опустилъ онъ руку въ карманъ и вытащилъ изъ него за волосы блѣдную и обезображенную фигуру Томаса Джонса, посинѣвшія губы котораго лепетали: « *Justo judicio Dei judicatus sum; Justo judicio Dei condemnatus sum.* »

Я ужаснулся.

— Именемъ Всевышняго заклинаю я тебя, изчезни! воскликнулъ я, быстро бросилъ роковой кошелекъ въ бездну и онъ поднялся мрачный и изчезъ за скалами поросшими дикимъ кустарникомъ.

IX.

Я сидѣлъ на томъ-же мѣстѣ безъ тѣни и безъ денегъ и не смотря на то съ груди моей свалилась ужаснѣйшая тяжесть и на душѣ стало какъ-то веселѣй. Не лишился я любви моей, или

лишись я ее только безъукоризненно—
мнѣ кажется я могъ быть даже сча-
стливъ.—Я не зналъ что мнѣ начать; об-
шаривъ карманы мои я нашелъ въ нихъ
нѣсколько золотыхъ и перечелъ ихъ
смѣясь. Лошадь моя стояла подъ горой
въ трактирѣ; возвратиться туда я сты-
дился; надобно было дождаться покрай-
ней мѣрѣ заката солнца, оно стояло вы-
соко еще на небѣ. Я легъ подъ тѣнь
ближайшаго дерева и заснуль преспо-
койно.

Цѣлые вереницы прекрасныхъ обра-
зовъ, вращаясь въ воздушной пляскѣ,
сплелись наконецъ въ пріятнѣйшее сно-
видѣніе. Съ нѣжной улыбкой въ вѣнкѣ
изъ цвѣтовъ пронеслась мимо меня Ми-
на, а за ней и честный Бендель также
увѣчанный цвѣтами; и много еще дру-
гихъ и, какъ мнѣ кажется, и ты любез-
ный Шамиссо. Было очень свѣтло, а
ни у кого не было тѣни, и что всего
странище, это было даже совсѣмъ не

дурно. Цвѣты, пѣсни, любовь и радость и все это посреди роскошнѣйшихъ пальмовыхъ рощей. Всѣ эти милые образы были такъ легки, такъ удободвижимы, что ни одного не могъ я ни удержать, ни вполнѣ уяснить себѣ и, несмотря на то, сонъ этотъ мнѣ нравился и я боялся проснуться, и проснувшись долго не открывалъ глазъ, чтобы задержать хоть на мгновеніе улетавшее видѣніе.

Наконецъ я открылъ глаза; солнце было еще на небѣ, но уже на востокѣ; я проспалъ цѣлую ночь. Я принялъ это за указаніе не возвращаться въ гостиницу; отказаться отъ небольшаго имущества, тамъ оставленнаго мнѣ, было не трудно, и я рѣшилъ предавшись совершенно на волю судьбы пуститься по небольшой дорожкѣ, извивавшейся по лѣсистому скату горъ. Я такъ отрѣшился отъ всего прошедшаго, что не подумалъ даже прибѣгнуть къ Бенделю, котораго оставилъ богатымъ. Послѣ

этого я обратилъ вниманіе на нарядъ свой—онъ былъ очень скроменъ. На мнѣ былъ старый черный казакинъ, который носилъ еще въ Берлинѣ и въ который не знаю зачѣмъ послѣ столь долгаго времени нарядился опять. Кромѣ того на головѣ у меня была дорожная фурашка, а на ногахъ старые сапоги. Я всталъ, вырѣзalъ на память палку и пустился въ путь.

Въ лѣсу попался мнѣ старый поселянинъ, привѣтствовавшій меня дружественнымъ поклономъ; я вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Какъ любознательный путешественникъ я спросилъ его прежде о дорогѣ, потомъ о самой странѣ, о жителяхъ ея, о произведеніяхъ и о многомъ тому подобномъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ на все очень умно и словоохотно. Мы пришли къ ложу горнаго потока, разорвавшаго лѣсъ на довольно большее пространство. Ярко озаренная солнцемъ прогалина эта испугала меня

и я пошелъ позади поселянина. Но онъ остановился на самомъ опаснѣйшемъ для меня мѣстѣ и обернулся ко мнѣ съ разсказомъ объ опустошеннѣяхъ, сдѣланныхъ этимъ потокомъ.

—Что-же это однажды значить, сказалъ онъ мнѣ прерывая вдругъ разсказъ свой. У васъ совсѣмъ кажется нѣть тѣни?

—Да, нѣть, пролепеталъ я вздыхая. Жестокая и продолжительная болѣзнь лишила меня и волосъ и ногтей и тѣни. Волосы выросли, но ты самъ видишь какіе — совсѣмъ бѣлые и несвойственные лѣтамъ моимъ, ногти подрастаютъ также, а тѣнь и до сихъ поръ не показывается.

—Быть безъ тѣни, это ужасно! Злая же была болѣзнь у васъ, пробормоталъ старикъ, качая головою; но разсказа своего онъ не доканчивалъ уже, и при первомъ поворотѣ оставилъ меня, не сказавъ ни слова.

Горькія слезы брызнули опять изъ глазъ моихъ ; послѣ этого я не искалъ уже людскаго общества. Я все держался лѣса и часто, когда приводилось переходить освѣщенное солнцемъ мѣсто выжидалъ цѣлые часы , чтобы сдѣлать это непримѣтно. На ночлегъ останавливался я поздно вечеромъ въ деревняхъ. Я шелъ въ рудники, надѣясь найти тамъ работу, которая кромѣ того что была теперь необходима для пропитанія моего была бы въ тоже время и самымъ дѣйствительнымъ противудѣйствиемъ разрушительному вліянію мыслей моихъ.

Два дождливые дня дали мнѣ возможность пройдти порядочное разстояніе но только на счетъ сапогъ моихъ , подошвы которыхъ годились для графа Петра, а не для простаго пѣшехода. Я шелъ уже почти босикомъ ; надо было добыть новую пару. Въ слѣдующее-же утро проходя маленькимъ мѣстечкомъ , въ которомъ была въ то время ярмарка

я вошелъ въ лавку, гдѣ продавались старые и новые сапоги и занялся этимъ дѣломъ серьёзно. Я выбиралъ и торговался очень долго. Отъ пары новыхъ, очень мнѣ нравившихся, я долженъ былъ рѣшительно отказаться испугавшись огромнаго запроса, и удовольствовался старыми но довольно еще крѣпкими, которые съ ласковой улыбкой подалъ мнѣ прекрасный блокурый мальчикъ, ходившій въ лавкѣ. Я надѣлъ ихъ тотчасъ-же и вышелъ изъ мѣстечка въ сѣверные ворота.

Углубленный въ мысли я не обращалъ вниманія на дорогу; меня занимало какъ и что скажу я въ рудникахъ, до которыхъ къ вечеру надѣялся добраться. Сдѣлавъ, однаждѣ, не болѣе двухсотъ шаговъ я замѣтилъ что сбился съ дороги и когда осмотрѣлся то увидалъ себя въ древнемъ сосновомъ лѣсу, котораго топоръ, какъ казалось, никогда не касался еще. Я сдѣлалъ еще нѣсколь-

ко шаговъ и очутился по срѣди голыхъ пустынныхъ скалъ, кой гдѣ только покрытыхъ мохомъ и раздѣленныхъ снѣгами и льдами. Было очень холодно; я оглянулся — лѣсъ изчезъ, Я сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ-вокругъ меня безмолвіе смерти, ледяной равнинѣ, на которой стоялъ я, не было конца; густой тяжелый туманъ носился надъ ней и на краю горизонта какъ-бы облитое кровью краснѣлось солнце. Холодъ былъ невыносимый. Я не зналъ что со мною дѣлалось, ледянящій морозъ заставилъ меня ускорить шаги; мнѣ послышался отдаленный шумъ волнъ, еще шагъ — и я стоялъ на ледяномъ краю какого-то океана. Увидавъ меня, съ шумомъ начали бросаться въ волны безчисленные стада тюленей. Я пошелъ вдоль берега, и тотчасъ-же увидалъ опять голые скалы, землю, березовые и сосновые лѣса. Минуты черезъ двѣ я почувствовалъ удушающей знои; осмотрѣвшись я увидалъ, что стою

на поляхъ засѣянныхъ рисомъ, засаженныхъ шелковичными деревьями. Я сѣлъ въ тѣни послѣднихъ, посмотрѣлъ на часы — не прошло еще и четверти часа какъ я оставилъ мѣстечко. Я думалъ, что все это сонъ, я прикусилъ языкъ, чтобы пробудить себя; но я не спалъ. Я закрылъ глаза, чтобы привести въ порядокъ мысли мои. Слухъ мой поразили какіе-то незнакомые слова, произносимые гнусливымъ голосомъ; я взглянула — два Китайца, которыхъ я не могъ не узнать если не по платью такъ по лицамъ, — говорили мнѣ что-то съ алчными поклонами. Я всталъ и отступилъ два шага назадъ — они изчезли, ландшафтъ перемѣнился совершенно; вмѣсто рисовыхъ полей я видѣлъ деревья, лѣса. Нѣкоторые изъ деревьевъ и растѣній стоявшихъ въ полномъ цвѣтѣ были известны мнѣ и принадлежали юго-восточнымъ странамъ Азіи. Желая подойдти къ одному дереву, я сдѣлалъ шагъ

и опять перемѣна. Я пошелъ тише, сталъ поднимать ноги медленно и съ разстановкой, какъ рекрутъ, котораго учатъ маршировать. Давно развертывались предъ изумленными взорами разнообразнѣйшія страны, и поля, и луга, и горы, и степи. Не было никакого сомнѣнія. На мнѣ были семимильные сапоги.

X.

Въ безмолвномъ благоговѣніи упалъ я на колѣни и залился слезами благодарности, потому что теперь вдругъ объяснилась мнѣ вся будущность моя.—Въ замѣнѣ людскаго общества, изъ котораго изключилъ меня проступокъ мой, мнѣ открывалась вся, всегда такъ любимая мной, природа; вся земля дѣлалась садомъ моимъ, ученіе руководствомъ и силой жизни, а наука ея цѣлью. Это не было мгновенной рѣшимостью. По-

стоянно и неутомимо старался я съ сихъ поръ выразить все, что въ первообразѣ предстало тутъ внутреннему взору моему такъ ясно и окончанно; и отъ совпаденія выраженнаго съ первообразомъ зависѣло и довольство самимъ собою.

Я всталъ, чтобы тутъ-же ввести себя бѣглымъ обзоромъ во владѣніе полемъ, на которомъ зрѣла будущая жатва моя. — Я стоялъ на вершинахъ Тибета; солнце, восходъ котораго я видѣлъ часа два или три тому назадъ, клонилось здѣсь уже къ западу. Догоняя его я прошелъ всю Азію отъ востока къ западу и вступилъ въ Африку. Съ жаднымъ любопытствомъ пробѣжалъ я ее по всѣмъ направленіямъ. Осматривая въ Египтѣ древнія пирамиды и храмы, увидалъ я въ пустынѣ, не далеко отъ стовратыхъ Фивъ, пещеры, въ которыхъ жили Христіанскіе отшельники. — Вотъ жилище твое, мелькнуло въ

головъ моей, и мысль эта запала глубоко въ душу мою. Выбравъ для моего будущаго пребыванія самую уединенную, покойную, просторную и совершенно недоступную для шакаловъ пещеру, я пустился далъе.

У столбовъ Геркулеса перешагнулъ я въ Европу. Осмотрѣвъ южныя и съверныя страны ся перебрался я изъ Съверной Азіи черезъ полярные льды въ Гренландію и въ Америку и обходилъ обѣ части ея. Зима, царствовавшая на Югѣ, обратила меня отъ мыса Горна опять къ Съверу.

Въ ожиданіи, пока займется день въ восточной Азіи, я остановился и уже отдохнувъ не много пустился опять странствовать. Я пошелъ по цѣпи, которая тянется черезъ обѣ Америки и въ которой находятся высочайшія изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ возвышеностей земнаго шара. Тихо и осторожно шель я съ вершины на вершину, то черезъ пы-

лающіе волканы, то черезъ вѣчные льды, сталъ я наконецъ на гору Св. Иліи и перескочилъ черезъ Беринговъ проливъ въ Азію. Я пошелъ по Западному берегу ея, осматривая съ особеннымъ любопытствомъ всѣ доступныя мнѣ отсюда острова. Съ полуострова Малакки перенесли меня сапоги мои на Суматру, Яву, Бали и Ламбокъ. Много разъ и нерѣдко съ опасностію пытался я перебраться по мѣлкимъ островамъ и скаламъ, которыми усыяно море это, на Борнео и другіе острова тихаго океана. Утомленный безполезными усилиями сѣль я наконецъ на крайней оконечности Ламбона лицемъ на Юго-востокъ и какъ узникъ у рѣшетки темницы своей пла-каль горько, что такъ скоро нашелъ предѣль странствованію своему. Достопримѣчательная и для полнаго уразумѣнія земли и ея солнцами вытканной одежды, царства животныхъ и царства растительного, такъ существенно необ-

ходимая новая Голландія и Южный океанъ съ его коралловыми островами, оставались для меня недоступными. Такъ съ самаго еще начала всему, что я долженъ быть собрать и соорудить, суждено было остаться пичтожнымъ отрывкомъ.—О, что-же послѣ этого всѣ странія, всѣ усилия человѣка!—

Много разъ, въ жесточайшую зиму Южнаго полушарія пускался я съ мыса Горна по льдамъ полюса на западъ, въ надеждѣ хоть отсюда преодолѣть какіе нибудь двѣсти шаговъ, отдѣлявшія меня отъ Вандименовой земли и новой—Голландіи. Нисколько не заботясь о томъ, что можетъ быть мнѣ не льзя будетъ уже возвратиться, и что гадкая земля эта прихлопнетъ меня какъ гробовая крыша, шагалъ я отчаянно по носящимъ льдинамъ, пренебрегая всѣми ужасами холода и моря. Все напрасно—я, и до сихъ поръ не былъ еще въ Новой Голландіи. Послѣ каждой такой попыт-

ки возвращался я опять на Ламбокъ, садился на оконечность его и обративъ лицо къ Юго-востоку, заливался опять слезами, какъ узникъ у рѣшетки темницы своей.

Наконецъ я пересилилъ себя, оторвался отъ этого мѣста, углубился, съ грустію въ сердцѣ, въ Азію и къ ночи былъ уже въ Фиваидѣ, въ убѣжищѣ вчера только мной избранномъ.

Отдохнувъ и дождавшись, когда разсвѣнетъ въ Европѣ, я отправился туда, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ. Прежде всего мнѣ пришло въ голову добыть останавливающую обувь, потому что на самомъ дѣлѣ испыталъ уже, какъ неудобно снимать сапоги каждый разъ, только что вздумается разсмотретьъ какой нибудь предметъ хорошенько. Пара туфлей на дѣтскихъ на сапоги оказалась вполнѣ достаточной; въ послѣдствіи я всегда имѣлъ при себѣ даже двѣ пары, потому что, сбросивъ одну, часто не

успѣвалъ поднять ее, такъ напримѣръ при ботанизированіи когда наталкивался вдругъ на льва, человѣка или гиену. Часы мои замѣняли мнѣ хронометръ; но кромѣ того мнѣ были еще нужны секстантъ, нѣкоторые физическіе инструменты и книги.

За всѣмъ этимъ я ходилъ нѣсколько разъ въ Парижъ и Лондонъ и всегда въ туманные и пасмурные дни. Издер-жавъ все волшебное золото я платилъ Африканской слоновой костью, отыски-вать которую мнѣ было нѣсколько не-трудно, и тутъ я выбиралъ разумѣется только тѣ клыки, которые были подъ силу. Такимъ образомъ, какъ скоро я снабдилъ себя всѣмъ нужнымъ, я нача-лъ тотчасъ-же жизнь приватнаго уче-наго.

Я ходилъ по всей землѣ, то измѣряя высоты, то температуру ея источни-ковъ и воздуха, то изучая звѣрей и растѣнія; сравнивалъ опыты и наб-

люденія мои перебѣгая отъ экватора къ полюсу, изъ одной страны свѣта въ другую. Яица Африканскихъ строусовъ и птицъ съверныхъ морей и плоды въ особенности банановъ и пальмъ были обыкновенной пищѣй моей. Недостатокъ счастія вознаграждался у меня табакомъ, а лишеніе человѣческаго общества любовью пуделя, сторожившаго пещеру мою въ пустынѣ Оиваиды. Радостно лаял прыгая, бросался онъ мнѣ на встрѣчу, когда я возвращался обремененный сокровищами моими, и я чувствовалъ, что я не одинъ въ мірѣ этомъ. Одно нечаянное событіе должно было однако же ввести меня еще разъ въ кругъ людей.

XI.

Разъ, ослабивъ силу сапогъ туфлями, собирая я мхи и поросли на съверныхъ оконечностяхъ земли; вдругъ, совсѣмъ неожиданно изъ за скалы вышелъ

бѣлый медвѣдь. Желая перескочить на
сосѣдній островъ, я сбросилъ провор-
но туфли, сталъ одной ногой на голую
выдававшуюся изъ моря скалу, я шаг-
нулъ и упалъ по другую сторону ел-
въ виду. Въ попыхахъ я и не замѣтилъ,
что туфля съ другой ноги не свалилась
еще.

Съ трудомъ спась я жизнь мою. Око-
ченѣлый отъ холода пустился я что бы-
ло мочи въ Либійскія пустыни, съ тѣмъ
чтобъ осушиться и обогрѣться на та-
мошнемъ солнцѣ. Но солнце жгло голо-
ву мою такъ невыносимо, что я по нево-
лѣ бросился опять на сѣверъ. Думал
облегчить недугъ овладѣвшій мною дви-
женіемъ, я принялъ бѣгать быстрыми и
невѣрными шагами съ востока на западъ
и съ запада на востокъ. Ночь и день,
зима и лѣто мѣнялись безпрестанно.

Незнаю долго-ли рыскаль я тамъ по
свѣту. Жгучая горячка бушевала въ
жилахъ моихъ, съ ужасомъ чувствовалъ

я, какъ оставляетъ меня память; къ доворшенню несчастія моего, надобно-же было, чтобъ я на бѣгу наступилъ кому-то на ногу—раздраженный болью онъ толкнулъ меня и я упалъ безъ чувствъ.

Опомнившись я увидалъ, что лежу на покойной постелѣ, стоявшей между многими другими въ пространной и прекрасной залѣ. Кто-то сидѣлъ въ головахъ у меня; какие-то люди переходили отъ постели къ постелѣ. Они подошли и къ моей и говорили что-то обо мнѣ. Но они называли меня двѣнадцатымъ номеромъ; а въ ногахъ у меня, на стѣнѣ—это не былъ обманъ глазъ,—на черной мраморной доскѣ блестѣло золотыми буквами:

ПЕТРЪ ШЛЕМИЛЬ.

Внизу были еще двѣ строки, но я былъ слишкомъ слабъ, чтобы разобрать ихъ, и я закрылъ глаза опять.

Миѣ послышалось что читаютъ что-то громко о Петрѣ Шлемилѣ, но не могъ понять что именно. Къ постель моей подошли какой-то ласковый мужчина и прекрасная женщина въ черномъ платьѣ. Лица ихъ были знакомы мнѣ.

Мало по малу силы мои возвращались. Меня звали двѣнадцатымъ нумеромъ и двѣнадцатый нумеръ по длинной бородѣ принимался за жида ; не смотря на то за нимъ ухаживали точно также, какъ и за другими. Что у него не было тѣни, этого кажется не замѣтили еще. Сапоги мои, какъ меня увѣряли, находились вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что нашли при мнѣ въ то время, какъ меня принесли сюда, въ совершенной сохранности и возвратятся мнѣ , какъ скоро выздоравлю. Домъ, въ которомъ я лежалъ назывался Шлемиліумъ, а то, что каждый день громко читали о Петрѣ Шлемилѣ было поминовеніе о немъ, какъ обѣ учре-

дителъ этого богоугоднаго заведенія. Добрый человѣкъ, котораго я видѣлъ у постели моей, былъ Бендель, а прекрасная женщина Мина.

Неузнаваемый никѣмъ, выздоравливавъ я въ Шлемиліумѣ. Я узналъ еще болѣе: я былъ въ городѣ, въ которомъ родился Бендель; на тѣ деньги, которыя я оставилъ ему, онъ учредилъ здѣсь отъ моего имени пристанище для несчастныхъ и принялъ на себя надзоръ за нимъ. Мина овдовѣла; несчастный уголовный процессъ лишилъ Господина Раскаля жизни, и ее большей части имущества. Родители ея также умерли, и она жила здѣсь сестрой милосердія.

Вотъ что говорили они однажды подъ постели двѣнадцатаго нумера :

— Скажите, милостивая государыня, говорилъ Бендель, зачѣмъ подвергаете вы себя такъ часто вредному воздуху этой палаты. Неужели судьба ваша

такъ невыносима, что вы желаете смерти?

— Нѣтъ, господинъ Бендель, отвѣчала она; послѣ того, какъ я избавилась отъ тягостнаго сновидѣнія, такъ долго томившаго меня, мнѣ стало очень хорошо; съ тѣхъ поръ я уже не желаю и не боюсь смерти. Съ тѣхъ поръ я могу спокойно думать о прошедшемъ и о будущемъ. Да и вамъ самимъ развѣ не доставляетъ прекрасное теперешнее служеніе господину и другу вашему, тихаго внутренняго счастія?

— О, какъ-же! — Много чуднаго пережили мы однakoжъ; много вышли мы изъ полной чаши, совсѣмъ не разсуждая, и радости и горя. Она осушена теперь до дна, теперь можно принять все это за испытаніе; вооруженные всѣмъ благоразуміемъ опытности мы можемъ теперь ждать настоящаго начала. Да, то, что будетъ за тѣмъ, будетъ настоящимъ началомъ; и не смотря на то, хоть и не

желаемъ возвращенія прежней жизни, а вообще все таки какъ-то радостно, что привелось и такъ пожить, какъ жили. Во мнѣ есть какое-то внутренное убѣженіе, что и старому другу нашему теперь лучше, чемъ прежде.

—И я убѣждена въ этомъ, сказала прекрасная вдова и они прошли мимо меня.

Разговоръ этотъ имѣлъ на меня сильное вліяніе: я колебался только: объявить ли имъ о себѣ или удалиться не узнаннымъ? Наконецъ я рѣшился. Я попросилъ бумаги и карандашъ и написалъ:

“И старому другу нашему теперь лучше, чемъ прежде; а если онъ и несетъ кару, такъ это кара искупленія.”

Послѣ этого я спросилъ платье мое, потому что чувствовалъ уже себя совершенно здоровымъ. Принесли ключъ отъ небольшаго шкатика стоявшаго под-

лъ постели мсей. Въ немъ лежало все имущество мое. Я одѣлся, повѣсили черезъ плечо коробку, въ которую клалъ собираемыя растѣнія и въ которой къ немалой радости нашелъ набранныя въ послѣдній разъ сѣверныя поросли. Натянувъ сапоги, я положилъ на постель записку и, только что отворилъ дверь, былъ уже далеко на дорогѣ въ Эиваиду.

Возвращаясь по Сирійскому берегу и именно по тѣмъ самымъ мѣстамъ, по которымъ удалялся въ послѣдній разъ отъ убѣжища моего, я увидалъ бѣднаго Фигаро бѣжавшаго мнѣ на встречу. Соскучившись ждать такъ долго господина своего, вѣрный пудель этотъ искалъ его по слѣдамъ. Я остановился и подозвалъ его къ себѣ. Онъ бросился ко мнѣ изъявляя радость свою прыжками и громкимъ лаемъ. Я взялъ его на руки, потому что бѣжать за мной разумѣется, онъ не имѣлъ никакой возможности.

Въ пещерѣ моей я нашелъ все въ старомъ порядкѣ. По мѣрѣ возвращенія силъ моихъ переходилъ я и къ прежнимъ занятіямъ и къ прежнему образу жизни; но полярныхъ холодовъ я не могъ выносить почти цѣлый годъ.

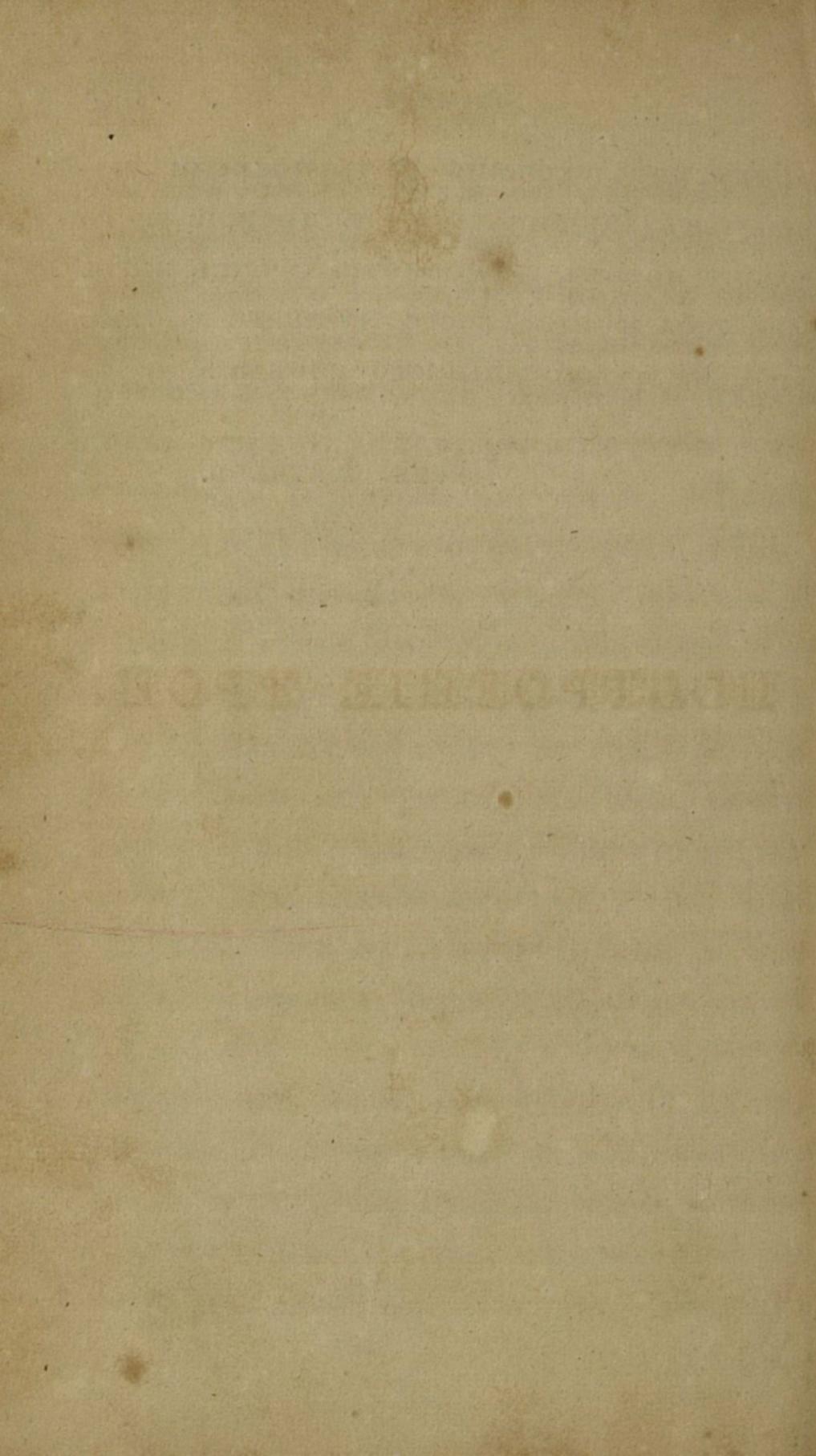
Такъ точно любезный Шамиссо, живу я и до сихъ поръ. Сапоги мои не изнашиваются, хотя я изпугался было этого, прочитавъ ученое сочиненіе знаменитаго Тиціуса *de Rebus gestis Pollicilli*. Сила ихъ все та же, тогда какъ моя собственная слабѣть все болѣе и болѣе. Но и тутъ утѣшаетъ меня мысль, что не безплодно-же утратится она. Вездѣ, куда только могли перенести меня сапоги мои, изучалъ я землю, высоты ея, температуру, магнитныя явленія, жизнь на ней и въ особенности царства растительнаго, подробнѣе и отчетнѣе чѣмъ кто нибудь до меня. Всѣ открытія и наблюденія мои я изложилъ съ вели-

чайшою точностию и въ строжайшемъ порядке въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ; выводы-же и взгляды соединилъ въ нѣсколько трактатовъ. Я написалъ географію внутренности Африки и полярныхъ странъ, внутренности Азіи и восточныхъ береговъ ея. Моя *Historia stirpium plantarum utriusque orbis-terrae* и членъ моей *Systemae naturae*. Я не только увеличилъ значительно число известныхъ растѣній, но сдѣлалъ еще много какъ для самой системы, такъ и для географіи растѣній. Теперь я занимаюсь съ особеннымъ рвениемъ моей Фауной. Всѣ произведенія мои я завѣшаю по смерти Берлинскому университету.

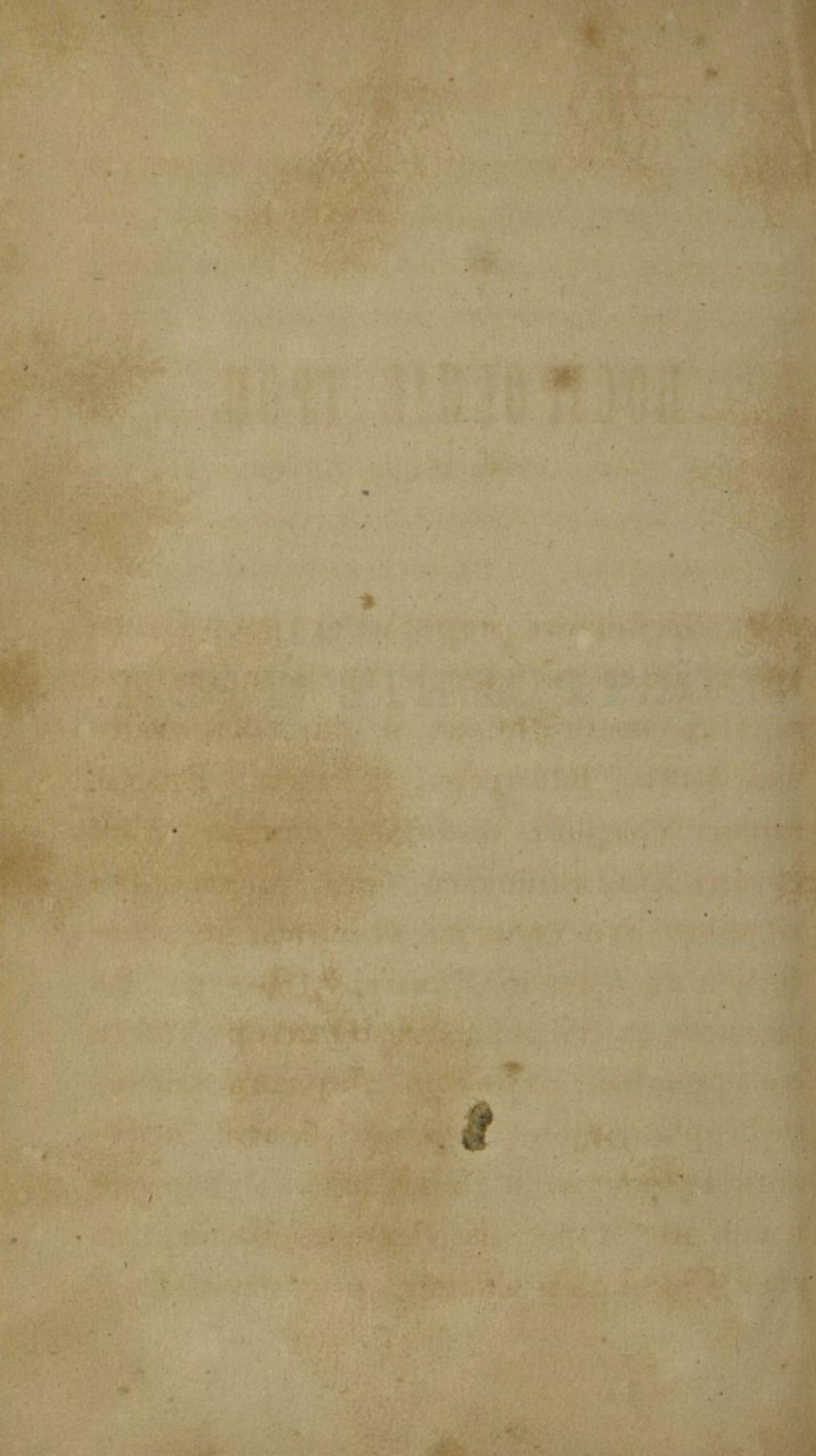
Тебя же, любезный Шамиссо, я избираю въ хранители чудной исторіи моей; пусть по смерти моей она послужить обитателямъ міра сего полезнымъ назиданіемъ. Ты же, любезный

другъ мой, хочешь жить посреди людей, такъ научись уважать прежде всего тѣнь, а потомъ уже золото. Хочешь жить для себя и для своего лучшаго я—такъ тебѣ не нужно никакого совѣта !

ПЕРЕВ. КЕТЧЕРЪ.

ПОСТРОЕНИЕ ТРОИ.

ПОСТРОЕНИЕ ТРОИ.

Въ Эгейскомъ морѣ, на островѣ Самотрасѣ, жили въ древнія времена два брата. Ихъ звали Язіонъ и Дарданъ, отецъ имъ былъ Юпитеръ, а мать - Нимфа, царица острова. Язіонъ, считая себя сыномъ Олимпійскаго бога, осмѣлился возвести очи свои на Олимпъ и влюбиться въ богиню Димитру (Церера). Въ наказаніе за его дерзость, Юпитеръ убилъ его громовой стрѣлою. Дарданъ жестоко огорчившись смертью брата, оставилъ отечество и перѣхалъ на твердую землю въ Азію, на берегъ Мизіи гдѣ рѣки Симонисъ и Скамандръ сливаясь, па-

дають въ море и гдѣ высокая гора Ида отдѣляетъ отъ моря красивую равнину. Тамъ царствовалъ государь Критскаго происхожденія, по имени Тейкеръ, по немъ пастушескій народъ его назывался Тейкриды. Гостепріимный государь ласково принялъ Дардана, далъ ему ча-стицу земли во владѣніе и дочь свою въ жены. Дарданъ основалъ тамъ поселеніе, землю назвалъ своимъ именемъ Дарданія, а народъ Тейкридовъ переименовалъ Дарданцами. Послѣ него царствовалъ сынъ его Эрихеоній, а послѣ Эрихеонія сынъ его Тросъ, по имени котораго земля назвалась Троада, большая главная площадь Троя, а Тейкриды или Дардане Трояне. Наслѣдникомъ Царя Троса былъ старшій сынъ его Иллій. Однажды Иллій посѣтилъ сосѣда своего Фригійскаго Царя, который пригласилъ его на разныя боевые игры. Иллій одержалъ во всѣхъ бояхъ победу и получилъ въ награду пятьдесятъ

дѣвицъ, пятдесятъ юношей и пеструю корову; Царь Фригійскій отдавая ему корову сказаль, что при ней передаетъ приказаніе Оракула построить городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она ляжетъ. Иллій пошелъ за коровой она привела его и легла на большой площади, на которой и онъ и отецъ его жили, и которая называлась уже Троя. Тамъ на холмѣ построилъ онъ крѣпкій городъ Илліонъ, или Иліосъ, или Пергамъ, и съ тѣхъ поръ городъ этотъ назывался то Иліонамъ то Пергамомъ, то Троей. Когда заклады-валъ Иллій основаніе города, то про-силъ предка своего Зевса подать ему знакъ, что задуманная постройка будеть ему угодна. На другой день на-шелъ онъ у палатки своей статую Бо-гини Аєини, пзвѣстную подъ названіемъ палладіума. Эта статуя была вышиною въ три локтя, въ правой руکѣ держала поднятое копье, въ лѣвой ленъ и прял-ку, ноги были скутаны одеждой. Вотъ

что было съ этой статуей. Богиня Аенна (Минерва) была воспитана однимъ Тритономъ, морскимъ божествомъ; у этаго Тритона была дочь однихъ лѣтъ съ Аениной и любимая ея подруга; ее звали Паллада. Однажды рѣзвыя дѣвушки, играя, стали драться на копьяхъ. Паллада подняла копье свое на подругу, но Юпитеръ испугавшись за милую дочь накрылъ ее Эгидой, то есть щитомъ изъ овечьей шкуры. Паллада испугавшись взглянула вверхъ и въ эту минуту сама получила смертельную рану. Глубоко огорченная Аенна велѣла сдѣлать сходное изображеніе подруги своей, надѣла на него панцырь изъ такой же овечьей шкуры изъ какой сдѣлана была Эгіда и поставила рядомъ съ статуей Юпитера. Юпитеръ съ согласія дочери своей, бросилъ этотъ самый Палладіумъ на площадь Илліоса въ знаменіе того, что городъ будетъ подъ защитой его дочери и его самаго.

Сынъ царя Иллія и Эвридики назывался Лаомедонъ; онъ былъ человѣкъ свое-вольный и буйный, обманывалъ боговъ и людей. Этотъ Лаомедонъ задумалъ обнести стѣнами открытую еще площадь Трои и укрѣпить ее также какъ укрѣпленъ городъ. Въ то самое время Аполлонъ и Нептунъ, въ наказаніе за непо-слушаніе Юпитеру, бродили по землѣ изгнанные съ неба. По волѣ судьбы пришли они къ Лаомедону въ то время, когда онъ готовился строить стѣны около го-рода и предложили ему свои услуги. Они уговорились съ Царемъ за услов-ную плату и подъ ихъ руководствомъ стали возвыпаться неразрушимыя стѣны Трои. Нептунъ самъ помогалъ работать а Фебъ-Аполлонъ пасъ въ то время Цар-скія стада въ прекрасныхъ лѣсахъ и долинахъ горы Иды. Цѣлый годъ слу-жили они такимъ образомъ Лаомедону. По прошествіи года, когда несокруши-мые стѣны были совсѣмъ готовы, без-

совѣстный Лаомедонъ отказалъ богамъ въ условленной платѣ, и когда краснорѣчивый Аполлонъ сталъ упрекать его, приказалъ прогнать обоихъ, грозя обрубить имъ уши, а Аполлону связать руки и ноги. Прогнѣванные боги стали смертельными врагами Троянцевъ и царя ихъ, сама Аѳина ужасаясь коварства, отвратилась отъ покровительствуемаго ею города, и Юпитеръ молчаніемъ своимъ предалъ праведному мщенню оскорблѣнныхъ, столицу съ ея неокрушимыми стѣнами, весь народъ и все поколение нечестиваго Государя.

ЖЕРДІМЪ, РЕЖУВА ЖЕ ДРІЖСВ.

По смерти Лаомедона, царствовалъ сынъ его Пріамъ. Пріамъ женился на дочери фригійскаго царя, Дримаса, Гекубѣ; первый сынъ ея былъ Гекторъ. Когда Гекуба была беременна вторымъ ребенкомъ и время родинъ ся прибли-.

зилось, то приснился ей однажды ночью престрашный сонъ. Она видѣла будто родила горящій факель, которой зажегъ всю Трою и превратилъ въ пепель. Пріамъ, которому она разсказала сонъ свой, призвалъ сына своего отъ первого брака, именемъ Азака и приказалъ ему растолковать значеніе этого сна. Азакъ былъ прорицатель и отъ дѣда своего съ материнской стороны Меропса научился искусству изъяснять сны. И такъ Азакъ сказалъ мачихѣ своей Гекубѣ, что она родитъ сына, который погубить отчество свое, и потому совѣтовалъ подкинуть дитя, какъ скоро оно родится.— Царица въсамомъ дѣлѣ родила сына, и для блага земли своей рѣшилась по жертвовать материнской любовью. Она позволила Пріаму отдать новорожденное дитя невольнику, а тотъ по несъ его на гору Иду и тамъ покинула. Невольника звали Агелай. Черезъ пять дней Агелай пришелъ посмотреть

ЧТО СДЕЛАЛОСЬ СЪ РЕБЕНКОМЪ И НАШЕЛЬ,
ЧТО ОНЪ ЛЕЖИТЬ ВЪ ЛѢСУ ВЕСЕЛЬ И ЗДО-
РОВЪ, ПОТОМУ ЧТО МЕДВѢДИЦА КОРМИЛА
ЕГО. АГЕЛАЙ ПОДНЯЛЪ ДИТЯ, ПРИНЕСЪ КЪ
СЕБѢ, ВОСПИТАЛЪ И НАЗВАЛЪ ПАРИСОМЪ.

Когда Парисъ выросъ и сталъ юно-
шею, то поражалъ всѣхъ своею кра-
сотою и необыкновенной силой; онъ сталъ
покровителемъ всѣхъ товарищъ своихъ
пастуховъ, и защищалъ ихъ отъ разбой-
никовъ. За что прозвали его Александ-
ромъ.

Однажды среди самой уединенной доли-
ны въ ущельяхъ горы Иды, стояль
онъ одинъ въ тѣни деревъ, прислонясь
къ огромному дубу, и смотрѣль сквозь
разсѣлину горы на далекое море и на
дворцы города Трои, вдругъ земля по-
тряслась отъ приближенія одного изъ
бесмертныхъ и прежде нежели онъ
успѣль опомниться, Меркурій, послан-
никъ боговъ, съ окриленными своими
ногами, съ золотымъ жезломъ своимъ,

передъ нимъ очутился. «Не бойся ничего, сказалъ онъ юношъ; я пришелъ возвѣстить тебѣ посъщеніе трехъ богинь: онъ избрали тебя судьей своимъ, ты долженъ рѣшить которая превосходитъ другихъ красотою. Юпитеръ повелѣваетъ тебѣ не отклоняться отъ этого суда.» — Такъ говорилъ Меркурій и поднявшись надъ узкою долиной, скрылся изъ глазъ трепещущаго юноши. Слова его ободрили Париса, онъ осмѣлился поднять глаза, остановить взоры на представшихъ предъ нимъ неземнымъ величіемъ и красотою блистающихъ, трехъ богинь Олимпа. Священный трепетъ обдалъ его; чѣмъ болѣе онъ смотрѣлъ на нихъ, тѣмъ прекраснѣе онъ ему казались; каждая поражала чудною красотою и ни съ одной не могъ онъ свести глазъ; одна изъ нихъ однakoжъ показалась ему моложе, нѣжнѣе, и болѣе любовью и прелестью исполнена. — Между тѣмъ гордая богиня превышающая прочихъ ро-

стомъ, величіемъ и важностию, сказала:
Я сестра и супруга Юпитера, Юнона.
Если ты мнѣ отдашь это золотое яблоко, которое Эриса, богиня раздора бросила на столъ во время свадебнаго пира
Фетиды и Пелея съ надписью: *Прекраснѣйшей*, — то я сдѣлаю тебя Царемъ самаго лучшаго царства, какое есть на землѣ, тебя, бѣднаго пастуха изгнаннаго изъ царскихъ палатъ.— Я Паллада, богиня, мудрости сказала другая, которой синіе глаза и возвышенное чѣло сіяли дѣвственнымъ величіемъ и важной красотою; «если ты мнѣ присудишь побѣду, то слава о твоей мудрости и добродѣтеляхъ распространится по всей землѣ.— Тогда третья Богиня взглянула съ ласковыми очами и съ плѣнительной улыбкой на юношу и сказала: Парисъ! не плѣняйся этими дарами: они опасны и наслажденіе ими не вѣрно! то, что я тебѣ обѣщаю не доставитъ тебѣ ничего кромъ радости. Люби, и прекраснѣйшая

изъ смертныхъ будеть твоей супругой.
Я Афродита, богиня любви.

Молодой пастухъ, восхищенный этимъ обѣщаніемъ и прелестью Венеры облеченной очаровательнымъ своимъ поясомъ, забылъ о другихъ богиняхъ, и въ упоеніи подалъ яблоко, полученное отъ Юноны прекрасной богини любви. Юнона и Минерва съ досадой отъ него отвернулись и поклялись отмстить обиду свою на немъ, на отцъ его Пріамъ, на всемъ родѣ его и на всемъ Троянскомъ царствѣ; съ тѣхъ поръ обѣ, особенно Юнона, стали непримирмыми врагами Троянъ. Венера улыбаясь подтвердила клятвой свое обѣщаніе и простила оставивъ юношъ самую сладкую и пріятную надежду. Несколько времени жилъ еще Парисъ на высотахъ Иды; такъ какъ надежды возбужденныя богиней еще не исполнялись, то онъ женился на прекрасной девушкѣ называемой Эноной, дочерью одной Нимфы и морскаго Бога, и жилъ

съ нею счастливо, и неизвѣстно посрѣди стадъ своихъ и тѣнистыхъ долинъ. Наконецъ привлекли его въ городъ, гдѣ прежде никогда не бывало игры учрежденной царемъ Пріамомъ въ честь умершаго родственника. Пріамъ назначилъ побѣдителю въ награду быка взятаго изъ царскихъ стадъ съ горы Иды. Случилось, что этотъ быкъ былъ любимый Парисовъ и какъ онъ не могъ отказать въ немъ царю своему, то рѣшился самъ оспоривать побѣду и за него сражаться. Во всѣхъ боевыхъ играхъ побѣдилъ онъ всѣхъ своихъ братьевъ, даже храбрѣйшаго и славнѣйшаго изъ нихъ, великаго Гектора. Діофобъ, другой сынъ Царя Пріама, раздраженный своимъ низверженiemъ, хотѣлъ заколоть юнаго пастуха. Но Парисъ спрятался за алтарь Юпитера и дочь Пріама, Кассандра, одаренная даромъ прозрѣнія узнала въ немъ покинутаго брата. Тогда родители забыли предсказанныя бѣды, обняли его

съ восторгомъ и признали за сына своего.

Парисъ возвратился однако на гору Иду къ женѣ своей и стадамъ. Ему, какъ царскому сыну построили удобное и красивое жилище. Но вскорѣ, принявъ одно порученіе царя, отправился онъ самъ того не зная, за наградой обѣщанной ему Афродитой.

ПОХИЩЕНИЕ ГЕЗИОНЫ.

Мы знаемъ, что царь Пріамъ былъ еще младенцемъ, когда Геркулесъ завоевавъ Трою, убилъ Лаомедона а сестру Пріама Гезіону, отдалъ за мужъ за Теламона своего друга. Гезіона жила счастливо царствуя въ Саламинѣ, но Пріамъ не могъ равнодушно вспомнить объ испытанномъ унижениі. Однажды разговаривая съ дѣтьми своими о похищении Гезіоны, Пріамъ сказалъ, что не можетъ уйтъ съ разлукъ съ нею, Парисъ всталъ и объявилъ, что если дадутъ ему нѣ-

сколько кораблей, то онъ отправится въ Грецію, силою отниметъ сестру отца своего у враговъ, и съ помощью Боговъ возвратится со славою и побѣдою въ домъ свой. Надежду свою полагалъ онъ на благосклонность богини Венеры, объ обѣщаніяхъ которой разсказалъ отцу и братьямъ. Пріамъ убѣжденный въ покровительствѣ боговъ согласился на его предложеніе, Дейфобъ сказалъ, что если братъ явится съ войскомъ, то Греки не посмѣютъ отказать ему въ удовлетвореніи и выдадутъ Гезіону. Между многими сыновьями Пріама былъ одинъ прорицатель именемъ Геленъ. Пророчески увѣрялъ онъ, что если братъ его Парисъ привезетъ изъ Греціи женщину, то всѣ Греки нападутъ на Трою, разорять ее, и убьютъ Пріама со всѣми его сыновьями. Такое прорицаніе произвело несогласіе въ совѣтѣ. Тропль, меньшой сынъ Пріама, не хотѣлъ слушать предсказаній брата и стремясь къ дѣятель-

ности, совѣтывалъ не пугаться войны и ся слѣдствій. Другіе были осторожнѣ. Пріамъ же страстно желая увидѣться съ сестрою, соглашался съ предложеніемъ Париса.

По повелѣнію Царя созвали собраніе народа. Пріамъ вспомнилъ Троиамъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ посыпалъ онъ къ Грекамъ посольство подъ предводительствомъ Антенора, требовалъ удовлетворенія за похищеніе сестры и возвращенія Гезіоны. Антеноръ возвратился съ позоромъ. Теперь желаетъ онъ, если на то будетъ народъ согласенъ, послать роднаго сына своего, Париса, съ значительнымъ войскомъ и поручить ему силою взять то, чего добромъ отдать не хотѣли. — Антеноръ всталъ для подкрѣпленія рѣчи Пріамовой, живо представилъ сколько онъ, мирный посланникъ, долженъ былъ перенестъ стыда отъ Грековъ, представилъ народъ Греческой дерзкимъ среди

мира и тишины и робкимъ въ войнѣ. Слова его воспламенили народъ, съ громкимъ крикомъ требовалъ онъ войны. Но мудрый Царь Пріамъ не хотѣлъ легко-мысленно начинать важнаго дѣла и вызывалъ каждого сказать свое мнѣніе. Тогда Пантелей, одинъ изъ старшинъ города сталъ посреди собранія и сказалъ, что будучи еще юнымъ отрокомъ слышалъ отъ отца своего Офрія что Оракулъ предсказывалъ что когда Царскій сынъ изъ рода Лаомедона привезетъ въ домъ жену Гречанку, то всей Троянѣ предстанетъ гибель неминуемая. И потому, продолжалъ онъ, не будемъ, друзья, льститься пустой воинской славой и вмѣсто мира и тишины, предавать жизнь нашу и свободу невѣрному жребію битвъ.—Народъ недоволенъ былъ его рѣчью и просилъ Царя Пріама не внимать словамъ боязливаго старика, а исполнить то, что положилъ уже съ сердцѣ своемъ.

Тогда Пріамъ началъ снаряжать кораб-

ли, построенные изъ крѣпкаго лѣсу ростущаго на горѣ Идѣ; сына своего Гектора послалъ въ Фригію, Денфоба и Париса въ сосѣднюю Пѣонію, собрать союзныхъ воиновъ. Въ Троѣ самой всѣ мужи способные носить оружіе изгото- вились къ войнѣ и такимъ образомъ составилось многочисленное войско. Царь Пріамъ отдалъ его подъ управлѣніе сына своего Париса, брата его Денфоба, Полидама сына Пантеева и парскаго сына Энея дальему въ товарищи. Великолѣпный флотъ пустился по морю и прежде всего приплылъ къ острову Цитерѣ, гдѣ на нѣсколько времени остановился. На пути къ Цитерѣ встрѣтился онъ съ Греческимъ кораблемъ спартанскаго Царя Менелая, который плылъ для свиданія съ разумнымъ Нестромъ въ Пилосъ. Греки съ удивленіемъ смотрѣли на такой большой флотъ и Трояне съ любопытствомъ разматривали красивый Греческій корабль, праздничными

тканьми украшенный, но объ стороны другъ друга не знали; каждый подумалъ о другомъ: куда онъ плыветь? и каждый поплылъ своей дорогой по широкимъ волнамъ. Троянскій флотъ присталъ благополучно къ острову Цитеръ. Оттуда Парисъ хотѣлъ отправиться въ Спарту для переговора съ Юпитеровыми дѣтьми Касторомъ и Полуксомъ; если они откажутся выдать ему Гезіону сестру отца его, то по приказанію Пріама, хотѣлъ онъ съ вооруженнымъ флотомъ своимъ прибыть въ Саламинъ и силою похитить Гезіону.

Прежде же всего хотѣлъ Парисъ привести жертву на островъ Цитеръ въ крамъ посвященномъ Діанѣ и Венерѣ вмѣстѣ. Жители острова увидѣли изъ-далека шествіе великколѣпнаго флота и дали о томъ знать въ Спарту, царицѣ Еленѣ, которая въ отсутствіи мужа своего Менелая правила Государствомъ.

Елена дочь Юпитера и Леды, сестра Кастора и Поллукса, была первая красавица на всей землѣ. Тезей плѣнился ею, когда она была еще ребенкомъ и увезъ, но братья ее отняли у него силой. Выростая при дворѣ Спартанского царя Тиндара, своего вотчина, она развѣтала такъ несравненно прекрасна, что красота ея привлекала множество жениховъ. Царь Спартанскій боялся отдать ее за мужъ, для того чтобы всѣ остальные женихи не сдѣлались ему врагами. Тогда Одисей царь Итаки, умный Греческій герой посовѣтывалъ ему взять со всѣхъ жениховъ клятву защищать оружiemъ того, на кого падеть выборъ царя, если кто будетъ нападать на него. Тиндаръ потребовалъ отъ жениховъ этой клятвы и потомъ выбралъ себѣ зятемъ Менелая царя Аргивскаго, сына Атрея, брата Агамемнона, отдалъ ему дочь и свое государство Спарту. Елена родила ему дочь Герміону, которая была еще

въ колыбели, когда Парисъ пріѣхалъ въ Грецію.

Прекрасная Елена въ отсутствіи мужа скучала во дворцѣ своемъ; едва узнала она о прибытіи на островъ Цитеру огромнаго флота и чужестраннаго Принца, тотчасъ сильное любопытство увидѣть чужестранца овладѣло ею и она устроила торжественное жертвоприношеніе Діанѣ, въ ея храмѣ на островѣ Цитерѣ.

Въ ту минуту, когда Парисъ принесъ свою жертву, вошла она во храмъ. Руки, поднятые къ молитвѣ, опустились и онъ въ восторгѣ, въ изумлѣніи думалъ, что видитъ передъ собою туже богиню Афродиту, которая являлась ему пастуху.—Слухъ о красотѣ Елениной часто поражалъ Париса и онъ желалъ пріѣхать въ Спарту для того, чтобы увидѣть ее, но не могъ вообразить, чтобы она доходила до такого совершенства; помышляя объ женѣ, обѣщанной ему богиней, не думалъ онъ также, чтобы она

могла быть женой другого. Теперь, увидя Спартанскую Царицу, всѣ недоумѣнія его изчезли: она, а не другая обѣщана ему наградой, она, чья красота равняться можетъ только съ красотою Венеры. Онъ забылъ о порученіи отца, забылъ для чего вооружалъ столько кораблей и предпринялъ путешествіе, одна Елена казалась ему единственной цѣлью всѣхъ желаній. Елена въ свою очередь смотрѣла на восхищенаго юношу, на длинные его кудри, на великолѣпную восточную одежду, и красота чужестранца изгладила изъ головы мысль о супругѣ, и обо всемъ, что доселѣ ее занимало.

Междуди тѣмъ Елена возвратилась въ Спарту, во дворецъ свой, куда скоро явился Парисъ съ отборными воинами. Не смотря на отсутствіе Менелая, Елена приняла посольство и угостила чужестранца отличнымъ гостепріимствомъ. Красота юнаго сына Царя Пріама, ис-

кусная игра его на лирѣ, сладкія рѣчи
а болѣе всего пламень любви его, овла-
дѣли неохраняемымъ сердцемъ Елены.
Парисъ увидя колеблющуюся вѣрность
супруги, забылъ приказанія отца, пору-
ченія, данные ему народомъ, и всею ду-
шою предался обманчивымъ обѣщаніямъ
богини Афродиты. Онъ собралъ своихъ
вѣрныхъ воиновъ, прибывшихъ съ ору-
жиемъ въ Спарту, и представивъ имъ
надежду на богатую добычу, уговорилъ
участвовать въ задуманномъ преступле-
ніи. Всѣ вмѣстѣ ворвались они во дво-
рецъ, овладѣли сокровищемъ Греческа-
го государя и похитивъ прекрасную
Елену, отвезли ее на островъ Цитеру
къ оставшемуся тамъ флоту.

Когда восхищаясь своей чудной до-
бычей плыли они по Эгейскому морю,
сдѣлалось вдругъ совершенное затишье:
море перестало колыхаться, вѣтеръ не-
ресталъ дуть, передъ кораблемъ, на ко-
торомъ находился Парисъ—похититель,

вдругъ раздвинулась волна и древній
богъ моря Нерей выставилъ сѣдую го-
лову увѣичанную тросникомъ и морски-
ми растѣніями. Корабль стоялъ непод-
вижно какъ бы прикованныйъ желѣзны-
ми цѣпями къ желѣзной подвижной рав-
нинѣ, «Зловѣщія птицы летаютъ передъ
тобой, проклятый разбойникъ! закри-
чалъ старикъ Парису. Греки придутъ
на тебя съ сильнымъ войскомъ покля-
вшись разорвать твой преступный со-
юзъ и разорить древнее царство Пріама.
Горе! горе! сколько вижу коней! сколь-
ко вооруженныхъ мужей, падающихъ
среди народа Дарданскаго! Паллада гроз-
но ополчается уже шлемомъ и щитомъ
своимъ. Цѣлые годы будетъ длиться
кровавая война и только гибель одного ге-
роя удержитъ на иѣсколько времени по-
гибель твоего города. Но время исполн-
ится и Греческій мстительный пламень
пожретъ Трою и всѣ дома ея.

Такъ прорекъ сѣдой старецъ и по-

грузился опять въ волны. Парисъ слушалъ съ трепетомъ его грозныя предвѣщанія, но вѣтеръ попутный весело повѣялъ, онъ забылъ, въ объятіяхъ похищенной своей красавицы, всѣ предсказанныя бѣды и сталъ со всѣмъ флотомъ своимъ на якорь у острова Крана, гдѣ вѣроломная и легкомысленная жена Менелая торжественно отдала новому супругу руку свою. Оба перестали думать объ отечествѣ и о прошедшемъ и долгое время употребляли на пиры и веселія привезенные съ собою сокровища. Нѣсколько лѣтъ прошло такимъ образомъ.

ПРЕЖИ.

Преступленіе совершенное Парисомъ посланникомъ съ Спарту, противъ всѣхъ правъ гостепріимства и народныхъ понесло тотчасъ плоды свои, и возмутило противъ него въ храбромъ Греческомъ на-

родъ всѣхъ Государей и всѣхъ мужей воинственныхъ. Менелай, царь Спартанскій и братъ его Агамемнонъ, царь Микины, были потомки Тантала, внуки Пелопса, сына Атрида, знамениты величіемъ рода своего и его злодѣяніями. Этимъ двумъ могущимъ братьямъ покорны были, сверхъ Аргоса и Спарты, почти всѣ прочіе города Пеполопонеса, а всѣ остальные Греческіе государи были съ ними въ союзѣ. Когда извѣстіе о похищѣніи Елены дошло въ Пилосъ, гдѣ посыпалъ сѣдовласаго Нестора царь Менелай, то огорченный супругъ поспѣшилъ въ Микину къ брату своему Агамемнону, гдѣ онъ царствовалъ вмѣстѣ съ сестрою Елены, Клитемнестрою. Агамемнонъ принялъ живое участіе въ скорбѣ и гнѣвѣ брата своего, но старался утѣшить и обѣщалъ напомнить всѣмъ прежнимъ женихамъ Елены о ихъ клятвѣ. Такимъ образомъ оба брата обошли всю Грецію и всѣхъ Государей призывали итти

войною противъ Трои. Тлептолемъ, сынъ Геркулеса, царь Родоскій, присоединился къ нимъ первый и вызвался поставить девяносто вооруженныхъ кораблей, противъ коварнаго города Трои; за нимъ Діомедъ съ осмидесятю кораблями мужественныхъ Пелопонезцевъ, обѣщалъ имъ свое содѣйствіе. Оба эти государя съѣхались на совѣтъ къ Атридамъ въ Спарту, и присудили послать воззваніе къ Діоскурамъ, сыновьямъ Юпитера, братьямъ Елены, Кастору и Поллуксу. Но Касторъ и Поллуксъ, при первомъ извѣстіи о похищеніи сестры, бросились на корабль и гнались за похитителемъ до острова Лесбоса, близъ Троянскихъ береговъ лежащаго; тамъ буря охватила корабль ихъ и поглотила волнами. Сказаніе утверждаетъ будто Діоскуры не потонули въ волнахъ, но Юпитеръ отецъ ихъ, взялъ ихъ на небо, гдѣ они, въ видѣ двухъ свѣтлыхъ звѣздъ, охраняютъ мореплавателей отъ погибели. Между тѣмъ по

вызову Атридовъ, Греція встала вся готовая къ мести; оставались не присоединившись только два знаменитые государя. Одинъ изъ нихъ былъ хитрый Одиссей, царь Итаки, супругъ Пенелопы. Ему не хотѣлось для вѣроломной жены Спартанскаго царя, оставить своего младенца сына Телемаха и юную свою подругу. Когда Менелай пришелъ къ нему съ другомъ своимъ, Паламедомъ, сыномъ царя Навплія изъ Эвбей, то Одиссей притворился безумнымъ, впрегъ осла въ одинъ плугъ съ воломъ и пахаль на этой странной парѣ поле, въ борозды котораго съялъ соль вмѣсто семянъ.—Воины смотрѣли съ удивленіемъ на работу Одиссея и онъ надѣялся этимъ избѣжать ненавистнаго похода. Но прозорливый Паламедъ проникъ умыселъ хитрѣйшаго изъ смертныхъ, пошелъ тайно во дворецъ Одиссея, —принесъ младенца Телемаха и положилъ его въ борозду которую готово

вился пахать Одиссей. Отецъ заботливо приподнялъ плугъ и повертилъ его въ сторону. Громкое восклицаніе воиновъ обличило его въ здравомъ умѣ и притворствѣ. Онъ пересталъ отговариваться принять участіе въ походѣ и заключивъ въ коварномъ сердцѣ своеемъ непримкую вражду противъ Паламеда, обѣщалъ царю Менелаю прислать двѣнадцать вооруженныхъ кораблей изъ Итаки и съдніихъ острововъ.

Другой государь, который не изъявилъ еще согласія своего на общее дѣло, и о мѣстѣ пребыванія котораго никто не зналъ, былъ слабный Ахиллесь, юный сынъ царя Пелея и морской богини Фетиды. Когда онъ родился, бессмертная мать его хотѣла сдѣлать и его бессмертнымъ, и для того въ тайнѣ отъ Пелея каждую ночь клала младенца въ небесное пламя, пистребляя такимъ образомъ то, что онъ отъ отца имѣлъ въ себѣ смертнаго. Днемъ залѣчивала она

Амвросієй сожженныя мѣста. Однажды
ночью Пелей засталъ ее и закричалъ
громко, увидѣвъ сына трепещущаго въ
огнѣ. Это внезапное появленіе помѣшало
Ѳетидѣ окончить начатое дѣло; она
оставила безъ цѣлительнаго омовенія
младенца, сдѣлавшагося потому смерт-
нымъ, удалилась въ прозрачное царство
Неренідъ и не возвращалась болѣе во
дворецъ супруга своего. Пелей поднялъ
съ земли сына своего и считая его опасно
раненымъ понесъ къ знаменитому врачу,
воспитателю многихъ героевъ, Кентавру
Хирону. Хиронъ радостно принялъ къ
себѣ младенца, кормилъ его медвѣжьимъ
мозгомъ, и печенками львиными и каба-
нными. Когда Ахиллесу минуло девять
лѣтъ, Греческій прорицатель Калхасъ,
предсказалъ, что Греческое войско долж-
но будетъ осадить далекій городъ Трою,
но что погибель города зависитъ отъ
одного Ахиллеса. Это предсказаніе дош-
ло до слуха его безсмертной матери Ѣе-

тиды; она видѣла, что въ этой же войнѣ обречено сыну ея быть убитымъ, и потому прокралась во дворецъ Пелея, одѣла сына своего въ женское платье и перенесла на островъ Скиросъ къ царю Ликомеду, который принялъ его какъ дѣвушку и возрастилъ вмѣстѣ съ своею дочерью и другими дѣвицами, наставляя во многихъ женскихъ рукодѣліяхъ. Но юноша начиналъ мужать, легкій пухъ оттѣнялъ его подбородокъ, онъ открылъ тайну свою прекрасной дочери царя, Дендаміи. Взаимная склонность влекла ихъ другъ ко другу и въ то время, когда всѣ вообще почитали Ахиллеса родственницей царя, Дендамія, видѣла въ немъ женщина своего. Калхасъ, отъ которого никакая тайна не скрывалась, объявилъ Атрідамъ гдѣ пребываетъ переодѣтый сынъ богини. Зная сколько онъ необходимъ для покоренія Трои послали за нимъ Одиссея и Діомида. — Когда Греческіе воины прибыли на островъ

Скироcъ, царь Ликомедъ принялъ ихъ во дворцъ своеиъ окруженнъими своими юными дѣвицами. Нѣжность лица и чудная красота скрывали будущаго героя отъ проницательныхъ глазъ обоихъ Греческихъ государей, и всѣ усилия ихъ распознать его были тщетны. Тогда Одиссей употребилъ хитрость. Онъ пришелъ въ женскую половину какъ будто нечаянно и положилъ тамъ копье и щитъ, потомъ велѣлъ загремѣть военной трубѣ, какъ бы нападалъ непріятель. Всѣ дѣвицы, услыша тревожные звуки, со страхомъ уѣжали изъ комнаты, одинъ Ахиллесъ остался и мужественно схватилъ копье и щитъ. — Тогда Греческіе государи узнали его и онъ сбросивъ свое переодѣяніе, обѣщалъ имъ дать пятьдесятъ кораблей, и предводительствуя своими Мирмидонами или Солійцами, вмѣстѣ съ другомъ своимъ и товарищемъ Патрокломъ и воспитателемъ Фениксомъ присоединиться къ Греческому войску.

Гавань Авлиды, въ Віотіи у перешейка Евбей, была назначена сборнымъ мѣстомъ всѣхъ войскъ и всѣхъ Греческихъ кораблей, а Агамемнонъ всѣми Государями признанъ главою ополченія и верховнымъ всѣхъ дѣлъ распорядителемъ.

Въ назначенную гавань собралися кромѣ названныхъ царей съ ихъ кораблями, еще несчетное множество другихъ. Главные изъ нихъ были великанъ Аяксъ, сынъ Теламона изъ Саламина, и сводный братъ его Тейкеръ искусный стрѣлокъ изъ лука; маленький, проворный Аяксъ изъ Локриды, Менесоей изъ Аѳинъ; Аскалафъ и Іялменъ, сыны Марса изъ Орхоменъ. Изъ Віотіи Пенелей, Аркезилай, Клеопій, Проѳеноръ; изъ Фокиды Скедій и Эпистрофъ; изъ Эвбей Элефеноръ съ Абантами; съ другой частью Аргивянъ и Пелополезцевъ Соенель, сынъ Капанея, и Эвріаль сынъ Менисфея; изъ Пилоса старецъ Несторъ, пережившій уже три поколѣнія; изъ Ар-

кадіи Агапеноръ, сынъ Анкея; изъ Элиды и другихъ городовъ: Амфимахъ, Фалпій, Діоръ и Поликенъ; изъ Дулихіи и острововъ, Мегесъ сынъ Филяя; съ Этолійцами Θօасъ, сынъ Адррамена; изъ Крита Идоменей и Меріонъ; изъ Родоса Гераклидъ Тліполемъ; изъ Сима юный Нирей, красотою превышающій всѣхъ Греческихъ воиновъ, кроме Перида; съ острововъ Калиднійскихъ Гераклиды Фидиппъ и Антифъ; изъ Филака Подаркесъ сынъ Ифика; изъ Феры въ Фессаліи Эвмелъ сынъ Адмета и богооязненой Альцесты; изъ Меооны Θօасіи и Мелибе и Філоктетъ; изъ Триккіи Иоомы и Эвхаліи: два прорицателя Подалиръ и Мехаонъ; изъ Орменіи съ окрестностями Эврипилъ, сынъ Эвемона; изъ Аргіссы Полипетъ, сынъ Пирооя друга Тезеева; изъ Кіоа Гуней; изъ земли Магнетовъ Прооой.

Вотъ имена Государей собравшихся въ Авлиду съ большимъ или меньшимъ

числомъ кораблей подъ предводительствомъ Атридовъ, Одиссея и Ахиллеса. Самы же Греки назывались въ то время, то *Данайцами*, отъ древняго Египетскаго Царя *Даная*, поселившагося въ *Пелопонезъ*, въ *Аргосъ*; то *Аргивянами*, отъ главной Греческой земли *Арголиды* или *Аргивской земли*; то *Ахеянами*, отъ древняго названія Греціи *Ахаіей*. — Позднѣе назывались они Греками, отъ Грека сына *Фессалова*, и Елленами, отъ Еллена сына *Девкаліона* и *Пирры*.

ЖОССАДЕСТВО ГРЕКОВЪ ЖО ЖРІДЖУ.

Пока Греки вооружались, и готовились къ походу, Агамемнонъ въ совѣтъ старшинъ народныхъ и своихъ близкихъ друзей, рѣшилъ послать посольство къ царю Пріаму въ Трою, дабы не упустить никакого средства къ примиренію. Послы должны были жаловаться на нарушение права народнаго, на похищеніе Греческой царицы и потребовать возвращенія царю Менелаю супруги и

всѣхъ его увезеныхъ сокровищъ. Послами избраны были знаменитые вожди: Паламедъ, Одиссей и Менелай. Одиссей былъ смертельный врагъ Паламеду, но уважая его разумъ и опытность, для общаго блага подчинился его руководству и уступилъ ему честь держать слово при дворѣ царя Пріама.

Трояне чрезвычайно удивились посольству, прибывшему въ сопровождении многихъ вооруженныхъ кораблей. Они не могли постигнуть причины его. Парисъ съ похищенной супругой своей все еще покоился на островѣ Кранаѣ и слухъ обѣ немъ совсѣмъ пропалъ въ Троя. Пріамъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ своимъ подумалъ, что посольство Париса и требование возвращенія Гезіоны были приняты Греками враждебно, что вооруженный флотъ Троянскій былъ разбитъ и уничтоженъ, и что Греки возгордясь победой, переплыли далекое море, чтобы напасть на Троянъ въ

собственной ихъ землѣ. Извѣстіе , что Греческое посольство приближается къ городу, повергло всѣхъ въ сильную тревогу. Брата городскія отворились и три государя введены были немедленно во дворецъ царя Пріама. Пріамъ, окруженный многочисленными сынами своими и знатиѣшими людьми города , принялъ ихъ. Паламедъ, какъ представитель всѣхъ Грековъ, началъ прежде всего жаловаться царю на постыдное нарушеніе гостепріимства, которое позволилъ себѣ сынъ его Парисъ , похитивъ царицу Елену изъ дворца супруга ея. Потомъ показалъ всѣ опасности, которыя война можетъ навлечь на государство Пріама, сказалъ имена всѣхъ могучихъ вождей Греческихъ , которые съ тысячью кораблей и съ безчисленнымъ войскомъ, готовы возстать на Трою , и наконецъ требовалъ добровольнаго возвращенія прекрасной Елены. « Ты не знаешь о! царь , говорилъ онъ , какие смертные

оскорблены твоимъ сыномъ, это Греки! Греки, которые скорѣе погибнутъ всѣ, нежели позволять чужеземцу обидѣть одного изъ нихъ. Но пришедши мстить за обиду, они не смерти ищутъ, а побѣды; число ихъ подобно песку морскому, всѣ исполнены мужества, и всѣ горятъ желаніемъ омыть позоръ нанесенный народу ихъ, въ крови виновника. Глава всѣхъ вождей нашихъ, Агамемнонъ могущій царь Аргоса и первый Греческій вождь, а съ нимъ и всѣ другіе вожди Danae въ говорятъ тебѣ: Отдай намъ похищенную нашу Гречанку или готовься погибнуть.

Сыны Пріама и старѣйшины народа Троянского воспламенились гнѣвомъ, услыша дерзкую рѣчъ, всѣ вынули мечи и ударили ими по щитамъ. Но царь Пріамъ повелѣлъ имъ усмириться, всталъ съ престола своего и сказалъ: О чужестранцы, принесшіе намъ такія дерзкія рѣчи отъ лица вашего народа, дайте

мнѣ прежде опомниться отъ удивленія. Въ чёмъ вы насъ обвиняете, здѣсь никому не извѣстно. Мы одни можемъ жаловаться на оскорблѣніе, которое вы намъ приписываете. Вашъ одноземецъ Геркулесъ напалъ въ мирное время на нашъ городъ, изъ нашего города увлекъ онъ за собою въ плѣнъ невинную сестру мою Гезіону, и отдалъ ее въ невольницы другу своему Теламону Саламинскому. Одинъ только произволъ Теламона возвелъ ее въ супруги ему, а не оставилъ рабыней и плѣнницей. Но это супружество не загладило безчестнаго похищенія и я второе уже отправляю посольство подъ предводительствомъ сына моего Париса, для вытребованія моей увезенной сестры, съ которой хочу провести послѣдніе дни моей старости. Какъ исполнилъ сынъ мой Парисъ порученіе мое, что онъ сдѣлалъ и гдѣ теперь находится, — мнѣ это неизвѣстно. Я знаю только, что ви во дворцѣ мо-

емъ, ни въ городѣ, нѣтъ ни одной Гречанки. Слѣдовательно не могу выполнить вашего требованія, если-бъ и хотѣлъ. Когда-же боги услышатъ мое моленіе и сынъ мой Парисъ возвратится благополучно въ Трою, то я возвращу вамъ похищенную Гречанку, если она сама не пожелаетъ остаться подъ моимъ покровительствомъ. Но возвращу ее тогда только, когда вы сами отадите мнѣ сестру мою Гезіону изъ Саламины. »

Весь совѣтъ Троицъ одобрилъ рѣчь царя своего, но Паламедъ гордо отвѣчалъ ему: Исполненіе нашего требованія, о царь, должно быть безусловно. Мы вѣримъ почтенному лицу твоему, вѣримъ словамъ усть твоихъ, утверждающихъ что супруги Менелаевой нѣтъ еще въ стѣнахъ твоихъ; но скоро, не сомнѣвайся, скоро она здѣсь будетъ; она точно похищена недостойнымъ сыномъ твоимъ. Что было во времена отцовъ нашихъ, и что дѣлалъ Геркулесъ,

то отъ насъ далеко и мы за то отвѣтить не беремся. Но за настоящую обиду сдѣланную однимъ изъ сыновъ твоихъ, требуемъ мы теперь-же удовлетворенія. Гезіона добровольно слѣдовала за Теламономъ, и посылаетъ съ нами противустать тебѣ въ предстоящей войнѣ, одного изъ сыновей своихъ сильнаго богатыря Аякса. Елену похитили противъ ея воли, тайно. Благодари Боговъ, что медленность разбойниковъ твоихъ, даетъ тебѣ время одуматься и рѣшеніемъ своимъ отврати погибель отъ страшны твоей.»

Пріамъ и Трояне хотя очень недовольны были рѣчью Паламеда, но уважили въ немъ достоинство посланника: собраніе разошлось, и старѣйшій изъ гражданъ Троян мудрый Антеноръ, сынъ Эзинта и Клеоместры, охранялъ возвращеніе чужестранныхъ государей, проводилъ ихъ въ домъ свой и угостилъ съ благороднымъ гостепріимствомъ до

другаго утра. Утромъ даль имъ охранителей, которые довели ихъ до берега, тамъ сѣли они опять на блестящія суда свои и поплыли назадъ въ Авлиду.

АГАМЕМНОНЪ И ЖЕСТРОВѢ.

Войска и флотъ собирались въ Авлиду; въ ожиданіи ихъ вождь народовъ и царей, Агамемнонъ, занимался охотой. Однажды прекрасная лань, посвященная Богинѣ Артемидѣ (Діанѣ), подошла подъ стрѣлу его, страсть увлекла охотника, онъ пустилъ стрѣлу въ священную дичину и увидя ее падающую сказалъ: Сама Діана не могла-бы попасть вѣрнѣе. Раздраженная такимъ непочтеніемъ Богиня, послала совершенную тишину на воздухъ и море, такъ что всѣ собравшіеся въ гавань корабли и всѣ воины готовые къ высадкѣ, должны были оставаться праздными въ Авлидѣ. Смущенные Греки просили совѣта у Калхаса, сына Єесторова, который въ качествѣ

жреца и прорицателя участвовалъ въ походѣ. Калхасъ отвѣчалъ имъ: Если вождь Грековъ царь Агамемнонъ, прінесетъ въ жертву Артемидѣ дочь свою Иоилгенію, то гнѣвъ Богини укротится, вѣтеръ попутствовать будетъ кораблямъ, и разрушенню Троп не будетъ сверхъестественныхъ препятствій.

Слова прорицателя опечалили царственнаго вождя. Тотчасъ отправилъ онъ къ собраннымъ грекамъ Герольда, Талонібія изъ Спарты, возвѣстить передъ всѣми народами, что Агамемнонъ слагаетъ съ себя начальство надъ всѣмъ войскомъ, потому что не хочетъ взять на совѣсть убіеніе дочери своей. Но Греки услыша такое рѣшеніе грозили возмутиться. Испуганный Менелай спѣшилъ въ палатку вождя, брата своего, представилъ ему слѣдствіе его рѣшенія — стыдъ которымъ покроется весь народъ, если оставятъ Елену во власти похитителя, и говорилъ такъ убѣдительно,

что наконецъ Агамемнонъ согласился на ужасное пожертвование. Онъ отправилъ въ Микалу къ супругѣ своей Клитемнестрѣ письмо съ нарочнымъ, приказывалъ ей прислать дочь ихъ Иоигенію въ Греческой станъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто желаетъ еще до начатія войны, обручить ее блестательному сыну Пелея, юному Ахиллесу.—Но едва Агамемнонъ отправилъ гонца, чувство отеческой любви снова восторжествовало. Онъ призвалъ къ себѣ ночью, старого довѣренаго слугу и поручилъ ему тайно письмо къ царицѣ Клитемнестрѣ; тамъ писалъ онъ, чтобы она не высыпала дочери своей Иоигеніи, что обрученіе отложено до весны, и что онъ, отецъ ея, о томъ царицу просить. Вѣрный служитель спѣшилъ отправиться съ письмомъ Агамемнона, но Менелай, отъ котораго не укрылась нерѣшительность печального брата и который сторожилъ за каждымъ его шагомъ, остановилъ служителя, си-

лою отнялъ у него письмо и прочелъ его. — «Нѣтъ ничего измѣнчивѣе и несправедливѣе права нетвердаго, вскричалъ младшій Атридъ входя въ палатку брата своего. Давно-ли горѣлъ ты желаніемъ сдѣлаться предводителемъ всей Греческой силы? давно-ли ласково обходился съ каждымъ послѣднимъ Ахѣйцемъ, угождалъ всѣмъ государямъ Ахайи, для того чтобы получить название вождя нашего? И когда удалось тебѣ сдѣлаться вадъ всѣми главнымъ, какъ скоро ты ко всѣмъ перемѣнился, какъ сдѣлался не приступенъ, какъ рѣдко выходилъ къ войску, какъ невозмѣжно было найти тебя дома! И здѣсь, пріѣхавъ со всѣмъ Греческимъ войскомъ въ Авлиду, когда посѣщенный гнѣвомъ боговъ, напрасно желалъ вѣтру для отплытія, съ какимъ сокрушеніемъ винмалъ ты воинамъ, когда они жаловались, за чѣмъ теряемъ здѣсь силы и напрасно медлимъ въ Авлидѣ? Какъ усердно ис-

каль совѣта и помощи! И когда прорицатель Калхасъ велѣлъ принести дочь твою Иоигенію въ жертву Богинѣ Артемидѣ, ты согласился отдать дочь свою и послалъ за женою и дочерью. И вдругъ, о стыдъ и позоръ! теперь отклоняешься опять и новаго гонца посылаешь, чтобы не быть убійцею дочери. Впрочемъ тебя ли одного винить можно? Многіе тысячи прежде тебя не знали покоя и не жалѣли трудовъ для достиженія желаемаго, и постыдно оставляли пріобрѣтенное, когда приходилось обладать имъ съ похертвованіями! И не обязанъ ли каждый властитель не щадить себя для пользы общей, и всѣ опасности отклонять разумно?

Такіе упреки изъ устъ брата не могли успокоить Агамемнона. «Что кричишь ты такъ громко? отвѣчалъ онъ ему. За что сѣдишься? Я не тебя обижаю! тебъ жаль твоей прекрасной жены Елены? За чѣмъ-же не умѣль беречь своего

сокровища! Я посылаю гонца поправить то, на что иеразумно согласился! дѣйствуй и ты разумнѣе. Радуйся, что избавился вѣроломной жены и не старайся вновь пріобрѣтать измѣнницу. Нѣтъ, я не хочу быть убійцею собственнаго чада; на это не достаетъ у меня силъ?»

Пока братья такимъ образомъссорились, вѣстникъ явился къ Царю Агамемнону, извѣщаю о прибытіи дочери его Иоигеніи, за которой въ слѣдъ прибудетъ Клитемнестра съ маленьkimъ сыномъ Орестомъ. Услыша это, Агамемнонъ предался такому горькому сокрушенню, что Менелай подошелъ къ нему и взялъ его правую руку. — Побѣда твоя! воскликнулъ старшій Атридъ! тебѣ уступаю! — Но Менелай обѣщалъ ему отказаться отъ своего жестокаго требованія и умолялъ утѣшиться! Если боги дали миъ часть въ судьбѣ твоей дочери, говорилъ онъ, то я ее тебѣ уступаю! Прости моей вспыльчивости! и будемъ

вмѣстѣ отстаивать жизнь твоей Иои-
геніи.

Но Агамемнонъ отвѣталъ ему: «При-
говоръ мой изрекла судьба; смерть до-
чери моей неизбѣжна: вся Греція того
требуетъ. Калхасъ и хитрый Одиссей,
сговорившись, возмутятъ все войско,
убьютъ и тебя и меня и прінесутъ въ
жертву дочь мою. Если-бы мы ушли
даже въ Аргосъ, то повѣрь, они не ос-
тавятъ камня на камнѣ въ древнемъ
городѣ Циклоповъ!—И потому, братъ,
объ одномъ прошу тебя, старайся, чтобы
ужасный приговоръ не узнала Клитем-
нестра, и храни его втайнѣ, покуда
судьба наша не свершится.

Прибытие женщинъ прервало разго-
воръ и Менелай въ глубокой задумчи-
вости удалился.

Агамемнонъ холодно и въ смятѣи
встрѣтилъ супругу свою, но Иоигенія
съ госторгомъ обнимала отца, заботливо

смотрѣла на грустный взоръ его, на смущенное чело, и спрашивала причину «Намъ предстоитъ разлука, отвѣчалъ ей отецъ.» О какъ-бы я счастлива была, если-бъ могла съ тобою не разлучаться! воскликнула Иоигенія. — И тебъ готовится путешествіе, сказалъ Агамемнонъ, но прежде мы должны принести жертву, — и ты тамъ будешь, дочь моя! — Не въ силахъ будучи удержать своей горести, отослалъ онъ беззаботную дѣвушку въ приготовленную для нее палатку, а съ матерью продолжалъ скрывать истину. Любопытная царица спрашивала о женихѣ своей дочери, о его племени и достоинствахъ. Съ трудомъ освободился отъ нее Атридъ и спѣшилъ къ Калхасу, чтобы условиться во всемъ нужномъ для неизбѣжнаго жертвоприношенія.

Межу тѣмъ судѣѣ угодно было привести Ахилла въ палатку вождя царей, Мирмидоны его, нетерпѣливо требовали

исполненія приговора. — Клитемнестра ласково привѣтствовала мнимаго супруга своей Иоигеніи. О какомъ бракѣ говоришь ты, царица? спросилъ удивленый Ахиллестъ. Никогда Агамемнонъ не говорилъ мнѣ о томъ ни слова.» — Клитемнестра не смѣла догадываться и въ смущеніи стояла передъ Пелидомъ; вдругъ старый служитель преданный Клитемнестрѣ и Агамемнону, у котораго Менелай отнялъ письмо, вошелъ въ палатку царя и тихо, шопотомъ сказалъ царицѣ: Выслушай стараго раба своего! супругъ твой хочетъ убить своею рукою дочь твою.» — Онъ рассказалъ трепещущей матери всю тайну. Клитемнестра бросилась къ ногамъ Пелида: Не стыжусь лежать передъ тобою во прахѣ, вскричала она. Спаси пасъ, сынъ бессмертной богини, спаси дочь мою отъ смерти, а меня отъ отчаянія. Невѣстой обреченной тебѣ привезла я сюда дочь мою, тебя называла женихомъ ея! Умо-

ляю тебя божественної твоей матерью, помоги намъ! Какъ у подножія алтаря, молюсь у ногъ твоихъ! Ты слышаль жестокое намъреніе Агамемнона, ты видиши, что мы слабыя, безпомощныя женщины, приѣхали въ средину грознаго войска. Возьми насъ подъ защиту свою, и мы будемъ спасены!

Ахиллесъ почтительно поднялъ лежащую у ногъ его царицу и сказалъ: Успокойся, Государыня! Я воспитанъ сострадательнымъ, добрымъ человѣкомъ! въ домъ Хирона научился нравамъ прямымъ и богобоязненнымъ. Охотно повинуюсь Атридамъ, когда они ведуть меня къ славѣ, но въ дѣлѣ безславномъ, ихъ не послушаю. Я не позволю убить твоей дочери отцу ея, онъ (хотя можно) самъ назвалъ ее мою невѣстою. Мое имя не будетъ служить приманкою и предлогомъ дѣтоубійства, мнѣ стыдно будетъ передъ цѣлымъ войскомъ, если это потерплю.»—Великодушный! благо-

родный Пелидъ! воскликнула въ себя Клитемнестра! будь нашимъ защитникомъ! Вели, и дочь моя придетъ сама просить тебя, хотя благородно-рожденной дѣвицѣ это не прилично. Нѣть, возразилъ Ахиллесъ, не показывай мнѣ твоей дочери! Не хочу подавать повода къ празднословію; но вѣрь мнѣ, я никогда не говорилъ не правды. Я спасу дочь твою, или самъ погибну.» Сказавъ это Ахиллесъ удалился.

Клитемнестра не скрывала уже своего отвращенія къ Агамемнону, когда онъ пришелъ къ ней. Атридъ, не вѣдая, что тайна его извѣстна, встрѣтилъ супругу свою такими двусмысленными словами: «Отпусти теперь дочь свою и поручи ее отцу. Мука и вода и жертва готовы уже, остается совершиться дѣлу! Хорошо! отвѣчала Клитемнестра сверкаю очами, хорошо! Выдь, дочь моя, сама изъ палатки, ты знаешь волю отца, выдь и возьми съ собою брата твоего,

Ореста.»—Когда Иоанна вышла, «посмотри на нее, отецъ, продолжала она, вотъ стоитъ она покорная! Но сперва скажи мнѣ откровенно: Неужели ты точно, хочешь убить нашу дочь?» Долго стоялъ безмолвенъ Атридъ, наконецъ въ отчаяніи воскликнулъ: «О злая судьба моя! все извѣстно! кто открылъ мою тайну?»—Выслушай меня теперь, говорила Клитемнестра, я все сердце передъ тобою выскажу. Преступлениемъ совершился союзъ нашъ, ты отнялъ меня силою у первого супруга моего, убилъ его и груднаго младенца, сына моего. Братья мои Касторъ и Поллуксъ собрали уже воинскъ и сѣли на коней, чтобы уничтожить тебя. Только старому отцу моему, Тиндару, обязанъ ты жизнью и тѣмъ, что сталъ супругомъ моимъ. Ни однимъ облакомъ не помрачила я союза нашего, ты радовался мною дома, гордился мною въ дома. Я родила тебѣ трехъ дочерей и этого мла-

денца сына, а теперь ты отнимаешь у меня старшую дочь мою, а если кто спросить тебя, за что? ты что отвѣтить будешь? За то, чтобы Менелаю возвратить преступную жену его! О не при нуждай меня тебя ненавидѣть! Ты хочешь принести дочь свою въ жертву? Какую молитву прочтешь ты, поднимая ножъ? чего просить будешь у боговъ? Несчастнаго возвращенія домой, послѣ несчастнаго отъ бытія изъ дому? — Или мнѣ молить благословеній тебъ? этимъ обвиню самихъ боговъ! И почему твоя именно дочь должна здѣсь пастъ жертвою? почему не скажешь ты Грекамъ: бросьте жребій, чьей дочери умирать придется. — Я вѣрная твоя подруга должна лишиться своей дочери, между тѣмъ какъ Менелай, за кого мы всѣ страдаемъ, беззаботно радуется своей Герміоной, а невѣрная жена его спокойно покинула ее, на попеченіе Спарты. — Скажи: истину ли я сказала? если истину

о, неубивай нашей дочери! твоей, моей дочери! неубивай ее! образумься!

Иоигенія бросилась тогда къ ногамъ отца; и едва слышнымъ голосомъ говорила: О для чего неумѣю я говорить и тебя умилостивить? Слезы однѣ служить мнѣ рѣчами; вмѣсто маслиной вѣтви руками обвила я колѣна твои. Не погуби меня безвременно, отецъ мой! прекрасенъ свѣтъ божій! не принуждай меня то видѣть, что скрываетъ мракъ ночи. Вспомни какъ ласкалъ ты меня, младенца, какъ обѣщалъ ввести меня въ домъ знаменитаго супруга и радовался моимъ счастіемъ и цвѣтущей красою. Я всѣ слова твои помню, а ты всѣ забылъ ихъ и хочешь убить меня? О не убивай меня, умоляю слезами матери моей! Она въ страданіи родила меня, а теперь страдаетъ вдвое, разставаясь со мною? что мнѣ нужды до Елены и Париша? Почему должна я умирать за то, что онъ прѣѣжалъ во Грецію? О взгля-

ни на меня, обними меня! дай мнъ унесть изъ міра воспоминаніе о твоей ласкѣ, если слова мои тебя не трогаютъ! Взгляни на сына твоего, онъ еще птенецъ, молча умоляетъ тебя, но я достигла уже цвѣтушихъ лѣтъ. О скалься, помилуй меня! естьли что милѣе жизни? — самая бѣдная жизнь, лучше славной смерти.

Но Агамемнонъ былъ неумолимъ, рѣшеніе его было принято твердо. «гдѣ я могу миловать сказалъ онъ, тамъ милую: я люблю дѣтей моихъ, люблю тебя, дочь моя. Съ скорбнымъ сердцемъ исполню грозное велѣніе, но исполнить его долженъ. Вы видѣли какое множество кораблей меня окружаютъ, какое множество войска и царей вооруженныхъ, стоять около меня, всѣ стремятся къ Трои, всѣ знаютъ, что для погибели Трои, нужна гибель твоя, о дочь, по словамъ прорицателя. Всѣ воины хотятъ отмстить за похищеніе Гречанки, они истребятъ и васъ и меня, если я про-

тивиться стану приговору боговъ. Моя
власть тутъ бессильна, и я уступаю не
Менелаю брату, а всей Греціи.

Царь ушелъ не дожидаясь новыхъ
просьбъ, и оставилъ рыдающихъ жен-
щинъ въ своей палаткѣ. Вдругъ раздал-
ся звукъ оружія. «Это идетъ Ахиллесь,
радостно вскричала Клисчтенестра и
прежде нежели скромная Иоигенія успѣла
спрятаться отъ мнимаго жениха своего,
сынъ Пелея вошелъ въ палатку съ ма-
лымъ числомъ вооруженныхъ. Несчастная
дочь Леды, сказалъ онъ, весь станъ въ
волненіи требуетъ смерти твоей дочери: я
хотѣлъ увѣщевать ихъ, и меня едва не
побили каменьями.»—А твои Мирмидоне?
спросила задыхаясь отъ страха Кли-
темнеостра.

Они первые возмутились, отвѣчалъ
Ахиллесь и назвали меня влюбленнымъ
болтуномъ. Я прибѣжалъ съ не многими
вѣрными мнѣ друзьями, что бы защитить
тебя отъ Одиссея. Спрячься за матъ,

дѣвица! Я закрою васъ собою, и посмотрю кто осмѣлится тронуть сына богини, отъ жизни котораго зависитъ участъ Трои." Этъ слова пробудили слабую надежду въ душѣ отчаянной матери.

Но Иоигенія вырвалась изъ ея объятій, подняла голову и стала бодро передъ царицей и Ахиллесомъ. Выслушайте меня, сказала, она твердымъ голосомъ. Напрасно, дорогая мать моя, гнѣваешься ты на супруга своего: онъ не можетъ противиться неизбѣжному року. Благодарю тебя, чужестранецъ, за твое усердіе, но оно тебѣ вредить можетъ. Выслушайте мое намѣреніе: я умереть рѣшилась! Изгоняю изъ свободной груди моей всякое низкое чувство и добровольно свершу назначенное. На меня устремлены взоры всей славной Греціи нашей, отъ меня зависитъ отплытіе кораблей нашихъ, паденіе Трои, и отмщеніе за честь Греческихъ женъ. Смерть моя

исполнить все, меня назовутъ избавительницей Греціи, въчно славно будетъ имя мое. Мнъ ли смертной, войти въ состязаніе съ богиней Артемидой, когда ей угодно, чтобъ я принесла жизнь въ жертву отечеству? — нѣтъ, добровольно отдаю я себя, возмите, убейте меня, разорите Трою; покореніе ее будетъ мнъ памятникомъ.

Говоря такимъ образомъ Иоигенія стояла передъ матерью и Пелидомъ, подобна богинѣ со взоромъ, блестящимъ величиемъ души. Ахиллесъ преклонилъ передъ нею колъна и сказалъ: Дочь Агамемнона! я почелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ если бы боги присудили мнъ быть твоимъ супругомъ. Для тебя желалъ бы я владѣть Греціею, для Греціи, тебѣ любезной, тобою. — Одумайся! смерть есть зло ужасное, а я хотѣлъ бы дать тебѣ счастіе и радости жизни! Иоигенія отвѣтствовала улыбаясь: Довольно уже красота жен-

ская причинила горя; довольно Тиндарида Елена вовлекла храбрыхъ мужей въ погибель; ты другъ, не отдавай жизни своей за женщину и за меня не убивай никого!—Оставь меня спасти Грецию; когда таковъ даръ данный мнѣ безсмертными богами. — Дѣйствуй какъ хочешь, великая, воскликнулъ Пелидъ, я пойду къ алтарю, можетъ быть, тамъ увидѣвъ ножъ готовый для закланія, ты перемѣнишь свое намѣреніе и подашь мнѣ желанную руку.—Онъ поспѣшилъ уйти, и Иоигенія запретивъ матери горевать обѣ ней, положила ей на руки маленькаго Ореста и пошла радостно принять смерть за отчество. Мать осталась въ палатѣ, не имѣя силы за ней слѣдоватъ.

Между тѣмъ все Греческое войско собралось передъ городомъ Авлисомъ въ цвѣтущей Діаниной рощѣ. Алтарь былъ воздвинутъ и подлѣ него стоялъ жрецъ, прорицатель Калхасъ. Вопль

жалости и удивлениј раздался во всемъ войскѣ, когда увидали Ионигенію идущую въ сопровождениі вѣрныхъ служанокъ своихъ, Агамемнонъ громко рыдая закрылъ одѣждой лицо свое, но Ионигенія подошла къ нему и сказала: Взгляни на меня отецъ мой! здѣсь добровольно отдаю жизнь мою, покорная тебѣ, вождю войскъ Греческихъ и велѣнію богини! Будьте счастливы и возвращайтесь съ побѣдою! Пусть ни одинъ Аргивецъ до меня не дотронется! Свободно и радостно преклоню сама главу, подъ жертвенный ножъ!

Громкое восклицаніе храбрыхъ отвѣчало ей. Талонбій, герольдъ, ставши въ средину, громко повелѣлъ молчаніе и тишину. Прорицатель Калхасъ—положилъ острый ножъ на алтарь богини. Когда Ахиллѣсъ, въ полномъ вооруженіи съ подъятымъ мечемъ подошелъ къ алтарю, одинъ взглядъ великодушной дѣвы, измѣнилъ его намѣреніе. Онъ бро-

сплы мечь свой на землю, окропилъ алтарь освященной водою, и сказалъ: прими великая богиня Артемида, отцу священную, добровольную жертву, эту чистую кровь невинной дѣвы, которую Агамемнонъ и Греческое войско тебѣ теперь приносятъ! дай кораблямъ нашимъ благополучное шествіе, а Трои гибель отъ мечей нашихъ!

Атриды и войско стояли въ торжественномъ молчаніи — жрецъ Калхасъ поднялъ ножъ — ударъ его былъ слышенъ явственно, но о чудо! Дѣва изчела изъ глазъ толпы! — Діана спасла ее. — Высокая статная лань лежала вмѣсто ея у алтаря и обливала его горячею кровью. Вожди Греческаго войска, воскликнуль Калхасъ, — смотрите какую жертву прислала намъ богиня Артемида! Кровь благородной дѣвы не угодна богинѣ. Она примирилась съ нами, пошлетъ кораблямъ нашимъ попутный вѣтеръ, и мы сегодня же оставимъ пристань Авлиды. Такъ

говорилъ онъ и смотрѣлъ на пламя по-
жирающее жертву. Когда угасла по-
слѣдняя искра, внезапный вѣтеръ по-
вѣялъ по воздуху и корабли закача-
лись на взволнованныхъ волнахъ!

Когда Агамемнонъ пришелъ въ свою
палатку, то Клитемнѣстра тамъ уже не
было.—Вѣрный служитель поспѣшилъ
извѣстить отчаянную мать о спасеніи ея
дочери. Съ радостной благодарностью
подняла она руки къ небу, но пришедши
въ себя торжко воскликнула: Гдѣ же
дочь моя? у меня отняты всѣ мои радо-
сти. Нѣть, глаза мои уже никогда не
увидятъ дѣтоубійцу! — Служитель по-
спѣшилъ уготовить всѣхъ къ отъѣзду и
когда Агамемнонъ возвратился съ жер-
твенного пира, супруга его была уже
далеко на пути въ Микену.

ОТМѢЩЕНІЕ ГРЕКОВЪ. ФИЛОКТЕТЬ
ВРОЖЕНИЕ НА ОСТРОВѢ.

Въ тотъ же день, флотъ Греческій, при сильномъ попутномъ вѣтрѣ, быстро поплылъ по открытому морю. Послѣ краткаго шествія, присталъ онъ къ маленькому острову Хризу, чтобы запастись свѣжею водою. Тамъ Филоктетъ, сынъ Царя Пеаса изъ Мелибей въ Фессаліи, испытанный другъ и товарищъ Геркулеса, хранитель его несокрушимыхъ стрѣлъ, нашелъ разрушенный алтарь, посвященный нѣкогда Язономъ богинѣ Аѳинѣ. Богобоязненный Герой, обрадовавшись своей находкѣ, хотѣлъ принести жертву покровительницѣ Грековъ на оставленномъ ея алтарѣ. Но ядовитая змѣя, сторожившая святилище, ужалила Героя въ ногу. Его отнесли на корабль и поплыли далѣе.

Неумолкающее стенаніе, и смрадъ ядовитой раны сдѣлались несносны спут-

никамъ сына Пеасова. Крикъ его вездѣ нарушалъ ихъ спокойствіе. Сынъ Атрея, сговорившись съ коварнымъ Одиссеемъ, приняли жестокое намѣреніе оставить больнаго Героя на пустомъ, необитающемъ островѣ Лемносѣ. Они забыли что Филоктету принадлежать его чудныя стрѣлы. Хитрый Одиссей тихонько положилъ въ лодку заснувшаго воина и приставъ къ берегу, положилъ его у скалы; подлъ него онъ оставилъ на нѣсколько дней пищи и необходимой одежды. Потомъ возвратился самъ на корабль и скоро соединился съ прочимъ въ даль плывущимъ флотомъ.

ЧРЕДИК ВЪ МИЛОСИ ТЕЛЕФЪ.

Греческій флотъ присталъ благополучно къ берегамъ малой Азіи. Греки, не зная еще тогда близкой дороги къ Трои, — по волѣ вѣтра пустили корабли свои далеко отъ стѣнъ ея и приплыли

къ берегамъ Мизіи, гдѣ всѣ стали на якорь. Вдоль всей пристани разставлены были вооруженные люди. Именемъ царя своего запретили они Грекамъ выходить на землю — прежде нежелѣ они извѣстять его о прибытии ихъ. Царь Мизіи былъ самъ Грекъ — по имени Телефъ, сынъ Геркулеса. Греки не спрашивая кто царствуетъ въ Мизіи, и не слушая вопросъ сторожевыхъ воиновъ вышли вооруженные на берегъ, и всѣхъ стражей побили. Не многіе убѣжали и извѣстили царя Телефа, что нѣсколько тысячъ непріятелей побили его стражу, и хотятъ овладѣть его землею. Царь Телефъ, поспѣшилъ собрать войско и пошелъ чужестранцамъ на встречу. Онъ самъ былъ воинъ отличнѣйшій и во всемъ отца своего Геркулеса достоинъ. Все войско его устроено было по образцу Греческихъ войскъ; слѣдовательно Данайцы нашли неожиданный отпоръ, и завязалась долгая, кровавая битва. Между Греками

болѣе прочихъ отличился Фирзандъ, внукъ царя Эдипа, сынъ Полиника и наперстникъ Діомида. Онъ низровергъ въ войскъ непріятелей всѣхъ, ему встрѣчающимъся и наконецъ убилъ подлѣ самаго царя — первого воина и лучшаго друга его. Царь Телефъ запыталъ яростью и ужаснѣйшій поединокъ возникъ между внукомъ Эдипа и сыномъ Геркулеса. Гераклидъ одержалъ побѣду и Фирзандъ палъ, копьемъ насквозь пронзенный. Громко вскрикнулъ Діомедъ увидѣвъ паденіе друга и прежде, нежели царь Телефъ успѣлъ стащить вооруженіе съ убитаго, Діомедъ быстро прибѣжавши, взвалилъ тѣло друга себѣ на плеча, и поспѣшилъ унести его съ поля сраженія. Когда Герой проходилъ съ ношѣй своей мимо Аякса и Ахиллеса, то скорбный гнѣвъ овладѣлъ этими Героями, они собрали разсѣянныхъ воиновъ своихъ, и раздѣлившись на двѣ стороны, дали битвѣ новый видъ; Аяксъ стрѣ-

лою низвергъ Тефранта , однокровнаго брата Телефа, и когда Телефъ спѣша на помошь брату зацѣпился за виноградную лозу, то Ахиллесь воспользовался симъ временемъ и бросилъ въ него свой дротикъ. Дротикъ попалъ въ лѣвую ногу, Телефъ вытащилъ его, и охраняѣмый тѣснившимися около него защитниками избѣжалъ смерти. Ночь разлучила враговъ и каждый удалился съ поля сраженія, дабы нѣсколько успокоиться. Мизійцы въ столицу, а Греки къ кораблямъ своимъ. И въ томъ и въ другомъ войскѣ было много раненыхъ и много убитыхъ. На другое утро, съ обѣихъ сторонъ, послано было просить перемирия необходимаго для погребенія падшихъ. Тутъ только Греки узнали съ удивленіемъ, что Царь, защищавшій такъ мужественно владѣніе свое, соотечественникъ имъ и сынъ великаго ихъ Геркулеса, а Телефъ, что онъ обагрилъ руки кровью своихъ собратій. Въ Греческомъ

войскъ три Государя были сродниками Телефу: Тлептолемъ, сынъ Геркулеса, и два сына Царя Фессала, внуки Геркулеса Фидиппъ и Антио. Они вызвались пойти вмѣстѣ съ Мизійскимъ посланикомъ и разсказать подробно Царю Телефу, кто эти Греки и за чѣмъ ъдутъ въ Азію. Телефъ ласково принялъ родственниковъ своихъ и слушалъ внимательно ихъ повѣсть. Тутъ узналъ онъ, что Парисъ преступлениемъ своимъ оскорбилъ всю Грецію, что Менелай съ братомъ своимъ Агамемнономъ и со всѣми соединенными Греческими Государями идутъ наказать его. И потому, говорилъ Тлептолемъ, ты Государь не отречешься самъ принять участіе въ мести общей и соединишься съ твоимъ народомъ, за благо котораго отецъ нашъ Геркулесъ боролся съ цѣлымъ міромъ и наполнилъ всю Грецію памятниками своей любви къ ней. Залечи раны, нанесенные тобою Грекамъ! ты самъ Грекъ

и долженъ ополчиться вмѣстѣ съ нами противъ вѣроломныхъ Троинъ.

Телефъ съ трудомъ приподнялся на ложѣ, на которое распостерла его рана панесенная Ахиллесомъ, и дружелюбно отвѣчалъ Героямъ Греческимъ. «Ваши упреки несправедливы, дорогіе соотечественники! вы собственной виною стали мнѣ врагами. Стражи береговъ моихъ, покорные моему вѣленію, спросили у васъ, согласно съ правами образованныхъ на родовъ, кто вы и откуда! Вы обошлись съ ними какъ съ варварами, противъ которыхъ считаете все позволеннымъ. Вы убили всѣхъ моихъ стражей и самому мнѣ на цѣлый вѣкъ мой оставляете горестный памятникъ вашего пришествія.» Тутъ указалъ онъ на свою ногу.— Но я не сѣтую: тяжелой раной готовъ я выкупить счастіе принять у себя соотечественниковъ, братьевъ, Грековъ. Выслушайте теперь мой отвѣтъ. Я не могу итти воиномъ противъ Пріама. Вто-

рая супруга моя Антюха дочь ему, онъ самъ благочестивый и почтенія достойный старецъ, проче сыновья его благородны душею и велики духомъ, они не участвовали въ преступлениі легкомысленаго Париса. Взгляните на отрока, сына моего Эврипила: каково ему будетъ на сердцѣ, если я стану вмѣстѣ съ другими разорять земли его дѣда? — Также и вамъ, друзья соотчичи, не хочу я вредить. Примите отъ меня дары и нужные запасы, потомъ идите во имя боговъ рѣшать дѣло, въ коемъ я не могу быть участникомъ.

Съ этимъ мирнымъ отвѣтомъ возвратились Гераклиды къ Аргивянамъ и сказали Агамемнону и прочимъ, какъ ласково они приняты были и какъ заключили союзъ во имя всѣхъ Грековъ. Агамемнонъ съ своими советниками положилъ послать Аяксам Ахиллеса къ царю Телефу, для того, чтобы они укрепили твердый союзъ и утишили Телефа въ нанесенной

ранъ. — Воины нашли Гераклида въ жестокихъ страданіяхъ, Ахиллесь со слезами бросился къ нему и съ сердечнымъ раскаяніемъ жалѣлъ, что по незнанію могъ уязвить собрата и благороднаго сына Геркулесова. Царь Телефъ забылъ даже о страданіяхъ своихъ и заботился только о томъ, что не предувѣдомили его о посѣщеніи такихъ дорогихъ гостей.

Потомъ торжественно пригласилъ Атридовъ во дворецъ свой и встрѣтилъ ихъ великолѣпно и дорогими подарками. Атриды, по просьбѣ Ахиллеса, привели съ собою знаменитыхъ врачей Полидарія и Махаона. Но копье богамъ любезнаго Пеліда имѣло чудесную силу и раны имъ нанесенные не изцѣлялись. Однакоже врачамъ удалось уменьшить боль и разными зеліями избавить царя и на будущее время отъ жестокаго мученья. Тогда съ болѣзненнаго одра своего далъ онъ Грекамъ полезныя на-

ставленія, нагрузилъ съѣстными припасами флотъ ихъ; и не прежде дозволилъ пуститься въ путь какъ по истечении зимы, которую всю провели они въ Мизіи. Потомъ указалъ имъ дорогу къ Трои и назначилъ то мѣсто, гдѣ впадаетъ Скамандръ въ море, для причала кораблямъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ЖАРМСА.

Въ Троѣ никто еще не зналъ обѣ отплытіи великаго Греческаго флота, но страхъ и боязнь господствовали въ стѣнахъ ея съ самаго отъѣзда Греческихъ посланниковъ. Между тѣмъ Парисъ возвратился съ похищенной Тиндаридой, съ огромною добычею и со всѣмъ Троянскимъ флотомъ. Царь Пріамъ смутился, видя во дворцѣ своеемъ незваную невѣстку и созвалъ на совѣщаніе всѣхъ многочисленныхъ сыновъ своихъ. Юные, храбрые сыны его, которымъ братъ о-

бѣжалъ долю въ добытыхъ сокровищахъ, которымъ привезъ въ супруги краси-
вѣйшихъ и знатиѣйшихъ дѣвицъ Греціи, горѣли желаніемъ отличиться въ бит-
вахъ, и потому совѣтывали принять пре-
красную чужестранку и никакъ не вы-
давать ее Грекамъ.

Совсѣмъ иначе думалъ народъ, опа-
саясь нашествія непріятелей и осады
города своего: проклятія сопровождали
Париса когда онъ шелъ по улицамъ во
дворецъ съ прекрасной своей добычей и
несколько камней пролетѣло мимо го-
ловы его. Но почтеніе къ старцу Пріа-
му и покорность его волѣ удержала
Трою и они не противились явно при-
нятію новой согражданки.

Когда, въ совѣтъ царя, положили не
выдавать Елены, то Пріамъ послалъ къ
ней въ женскую половину супругу свою,
дабы убѣдиться добровольно ли она по-
слѣдовала за Парисомъ въ Трою. Елена
сказала, что по происхожденію своему

она столькоже принадлежитъ Троянамъ, сколько Грекамъ; Данай и Агеноръ ей предки, также какъ и дому царей Троянскихъ. Похищена была она силой, но теперь, пламенная любовь соединяетъ ее съ новымъ супругомъ и она всею своею волей принадлежитъ ему. Она не можетъ надѣяться, чтобы народъ и прежній супругъ простили ей все случившееся: въ Греціи предстоитъ ей смерть и позоръ.

Такъ говорила она и обливаясь слезами обнимала колѣна царицы Гекубы. -- Гекуба ласково подняла ее и успокоила объявивъ волю царя и сыновъ его, быть ей защитой и покровителями противъ всякихъ враговъ.

ПРЕЖНІЕ МОДѢ ТРОЕЗДѢ.

Такимъ образомъ, Елена жила спокойно въ особенно данномъ ей дворцѣ при дворѣ Троянскомъ. Народъ полю-

былъ скоро ея за красоту и за Греческую привѣтливость, и когда грозный флотъ появился у береговъ Троянскихъ, жители города уже смотрѣли на него безъ страха.

Они сочли гражданъ своихъ, сочли союзниковъ, на дѣятельную помощь которыхъ полагались и увидѣли, что числомъ и сплою равнялись ополченію Греческому. Итакъ они надѣялись съ помощью боговъ отразить осаду и прогнать непріятеля. Кромѣ Венеры, были еще многие боги на сторонѣ ихъ, Аполлонъ и самъ отецъ боговъ, Юпитеръ.

Старецъ Пріамъ, царь Троянскій, не могъ уже самъ предводительствовать войскомъ, но около него стояли бодро пятьдесятъ сыновъ, иные въ зрѣломъ мужествѣ, иные въ цвѣтущемъ возрастѣ. Девятнадцать были сыновами царицы Гекубы. Надъ всѣми возвышался Гекторъ, послѣ него Дейфобъ, потомъ Геленъ прорицатель, потомъ Политъ, Памонъ, Антифъ, Гиппоной, Полидоръ и отрокъ Троимъ. Четыре

красавицы дочери Креуза, Лаодика, Касандра прорицательница и въ младенчествѣ уже блестательная Поликсена украшали троцъ его. Войско стало готовиться къ бою; главнымъ вождемъ его назначенъ Гекторъ, съ блистающимъ шлемомъ, надъ которымъ развѣвалась пышная грива; подъ Гектора Эней, супругъ Креузы, сынъ богини Аородиты и Ахипаза, еще бодраго Героя, на которого Троя всегда взирала съ гордостью. Отдѣльнымъ отрядомъ, управляясь Пандаръ, сынъ Ликаона, которому самъ Аполлонъ подарилъ лукъ и стрѣлы; союзными войсками предводили Амей, Азей, Гиппоей, Пилай, Акамадъ, Эвфемий, Пирахмъ, Пламенъ, Годей, Эпистрофъ; — Хромидъ и Евномий отрядомъ Мизийцевъ, Форки и Антифъ отрядомъ Мeonийцевъ; Апенмахъ и Настій Карийцами, Ликийцами Сарнедонъ и Главкъ.

Межу тѣмъ Греки высадили войска свои вдоль моря между горъ Си-

тійскихъ и Ретійскихъ и устроили станъ свой, который уподоблялся большому городу. Они перетащили также всѣ корабли на твердую землю и уставили ихъ рядами, такъ, что одинъ рядъ возвышался надъ другимъ слѣдую наклоненію берега. Каждый народъ поставилъ отдельно свои корабли, въ томъ порядкѣ, въ какомъ причаливали къ берегу. Большия камни служили подмостками кораблямъ, дабы предохранить ихъ отъ мокроты и дать между ними свободный ходъ вътру. Въ первомъ ряду отъ твердой земли стояли на самыхъ концахъ корабли Ахиллеса и Аякса Теламонида, первого на правой, втораго на лѣвой сторонѣ; при нихъ разстановленъ былъ станъ ихъ, который мы неправильно называемъ палатками. Ахиллесова палатка была похожа скорѣе на жилой домъ, тутъ были сараи и кладовыя для сѣстныхъ припасовъ, конюшни для лошадей и закуты для домашняго скота;

близъ кораблей его было мѣсто для скачки, для бѣга въ колесницахъ, и для всякихъ другихъ игръ торжественныхъ. — Къ Аяксовыи кораблямъ примыкали корабли Протезилая за ними слѣдовали другиѣ Фессалійцевъ; потомъ Критяне, Аѳиняне, Фокіяне, Беотійцы, а тамъ Ахиллесъ съ своими Мирмидонами; — во второмъ ряду между многими другими Локры, Дулихіи, Энеяне; въ третьемъ народы не столько знаменитые и съ ними Несторъ съ Пилосцами, Эврипилъ съ Орхоменами, и наконецъ Менелай. Въ четвертомъ и послѣднемъ ряду вдоль берега стояли Діомесъ, Одиссей и Агамемнонъ, Одиссей въ срединѣ, Агамемнонъ по правую сторону, Діомесъ по лѣвую. Передъ станомъ Одиссея находилась Агора, большая прощадь назначенная для всѣхъ собраній, въ срединѣ которой стоялъ алтарь Зевса. Эта площадь раздѣляла и третій рядъ такъ, что Несторъ находился по лѣвую ея сторону,

Эврипиль по правую. Агора занимала большее пространство, а берегъ съуживался къ морю , такъ что въ третьемъ и четвертомъ ряду находилось кораблей больше чѣмъ въ другихъ. Весь станъ подобенъ былъ большому городу, пересѣченному многими улицами и дорогами; главныя улицы проведены были между четырехъ рядовъ. Отъ берега къ морю небольшіе проулки раздѣляли корабли каждого народа одни отъ другихъ, сами корабли отдѣлены были отъ стана своего маленькимъ пространствомъ и каждой народъ раздѣлялся на небольшіе округи по городамъ своимъ или полководцамъ. Жилища воиновъ были сдѣланы изъ лѣсу , глины, и покрыты тростникомъ. Жилище полководца поставлено было впереди своего ряда и украшено болѣе или менѣе сообразно съ важностью вождя. Корабли всему стану служили защитой. Около нихъ Греки съ наружной стороны

обвели земляной валъ, который въ по-
следствіи измѣнился съ каменную стѣну.
За валомъ вырыли они ровъ, а передъ
нимъ поставили густой частоколъ.

Пока Троянскій царь совѣщался съ
совѣтниками своими о лучшемъ спосо-
бѣ отразить враговъ, Греки имѣли время
устроить всѣ эти превосходныя распо-
ряженія. Воины ихъ, работая для общей
 пользы, получали пищу на обществен-
 ный счетъ; прочія надобности каждый
 доставлялъ себѣ, какъ умѣлъ. Простые
 воины, легко вооруженные, сражались
 пѣши; знаменитые сражались на колес-
 ницахъ, и каждый Герой имѣлъ при себѣ
 возницей, (т. е. кучеромъ) другаго Ге-
 роя. Верхомъ Ѣздить въ древніе време-
 на почти никто не умѣлъ.—Колесницы
 съ первѣйшими воинами образовали все-
 гда передовой рядъ и прежде прочихъ
 вступали въ бой.

Междѣ корабельнымъ станомъ Грековъ
 и городомъ Троей простирался, на че-

тыре часа ъзды, цвѣтушій лугъ; рѣки Скамандръ и Симоисъ съ двухъ сторонъ обтекали его и сливаясь впадали въ море подъ самаго Греческаго лагеря. Равнина эта го луга, казалось, предназначена была для битвы. Она доходила до великолѣпнаго города Трои, окруженаго высокими зубцами и башнями крѣпкихъ стѣнъ, руками боговъ утвержденныхъ не скрушимыми. Троя, возвышаясь на холмѣ, была далеко видима; внутри стѣнъ ея гористыя неровности пересѣкались многочисленными улицами. Только съ двухъ сторонъ была она доступна и на этихъ сторонахъ находились укрѣпленныя съ башнями ворота, изъ коихъ одни назывались Дарданскія, а другія Скейскія. Другія гористыя стороны были покрыты не проходимымъ кустарникомъ, — и врата ихъ небыли замѣчательны. Въ верхней крѣпости Илліонѣ или Пергамѣ стояли дворцы Пріама, Париса, храмы Гекаты, Афиньи и Апполона. На самомъ

высшемъ холмъ крѣпости алтарь Юпитера. За городомъ, при рѣкѣ Симоисѣ, на лѣво отъ лагеря Грековъ, былъ холмъ называемый каликотоне. На право дорога вела къ истоку Скамандра и шла мимо высокаго холма называемаго Батина. Этотъ холмъ можно было обойти и онъ лежалъ виѣ города. За Троей было поле Иллійское образующее самую нижнюю ступень лѣсистой горы Иды, вершина которой называлась Гаргара, а отрасли горы сходя въ долину на право и на лѣво называлась мысомъ Сигейскомъ и мысомъ Ретийскимъ.

Прежде нежели сразились оба народа, Греки были обрадованы прибытіемъ дорогаго гостя. Царь Мизійскій Телефъ, великодушно ихъ прежде угостившій, съ самаго ихъ отъѣзда лежалъ неизѣльно страдая отъ раны, нанесенной ему копьемъ Ахиллеса. Средства, предписаныя Полидаріемъ и Махаономъ, давно уже перестали дѣйствовать. Нестерпимыя мученья заставили его приѣ-

гнуть къ Оракулу Феба Аполлона, въ его владѣніяхъ находившемуся, и тамъ полу-
чилъ онъ въ отвѣтъ, что только то копье, которое нанесло рану, можетъ излѣить
ее. Хотя слова прорицанія были довольно
темны, но безнадежный Телефъ велѣлъ
положить себя на корабль и поплылъ
въ слѣдъ за Греческимъ флотомъ. Прича-
ливъ къ устью Скамандра, приказалъ
онъ отнести себя въ палатку Ахиллеса.
Горесть молодаго Героя возобновилась
при видѣ страданій бѣднаго своего гостя.
Онъ принесъ копье свое и положилъ въ
ногахъ его постели, не понимая какъ мож-
но излѣчить имъ гніющуу язву. Многіе
воины стояли скорбно около постели ст-
раждущаго друга, а Одиссей послалъ зав-
рачами. Махаонъ и Полидарій спѣшили по-
виноваться призыву. Услыша прорицаніе
Аполлона, опытные сыны Эскулапа отга-
давъ смыслъ его, соскребли съ копья Пе-
лидова немнога ржавчины и обложили ею
рану. Видимое чудо стало мгновенно совер-

шаться: какъ скоро коснулась ржавчина
гниющей, ужасной раны, тотчасъ стала
она въ глазахъ окружавшихъ царя дру-
зей, изцѣляясь и чрезъ нѣсколько часовъ
благородный царь Телефъ, по словамъ
Оракула, излѣчился тѣмъ копьемъ,
которое его ранило. Радость была об-
щая: выздоровѣвшій, счастливый Те-
лефъ, пошелъ обратно на корабль
свой и разстался съ Греками точно съ
такой же благодарностью и благосло-
веніями, съ какой онъ нѣкогда разста-
вались съ берегами Мизіи. Однако онъ
поспѣшилъ удалиться, нежелая быть
свидѣтелемъ битвы своего свояка съ
дорогими ему единоземцами.

ЖК

✓ 1993 9
ЖК

